

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ

О.М.МЕЛЬНИКОВА

**СВЕРДЛОВСКАЯ НАУЧНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
В.Ф.ГЕНИНГА (1960-1974 гг.)**

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том 9

Ижевск

2003

УДК 902 / 904 (018)

ББК 63.4в

М482

Рекомендовано к изданию Ученым советом исторического факультета Удмуртского государственного университета

Рецензенты: к.и.н., доцент **Н.А.Лещинская**
к.и.н., доцент **Л.Д.Макаров**

Научный редактор - д.и.н., профессор **Р.Д.Голдина**

Мельникова О.М.

М 482 Свердловская научная археологическая школа
В.Ф.Генинга (1960-1974 гг.) / Ижевск: УдГУ. 2003. 194 с.

В книге опубликованы материалы, связанные с исследованием малоизученного в археологии феномена научной школы. На основе разработанной теоретической модели научной школы, обширного комплекса историографических источников, впервые вводимых в научный оборот, исследуется деятельность научной школы археологов, сформировавшейся в Свердловске в Уральском университете в 1960 - 1974 гг. под руководством выдающегося археолога, организатора науки, педагога В.Ф.Генинга. Работа предназначена для ученых, преподавателей вузов и школ, студентов, краеведов, всех, интересующихся проблемами истории науки, историографии археологии.

© Мельникова О.М., 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
Глава 1. Методологические аспекты изучения научных школ в археологии.....	12
Глава 2. Исторические предпосылки возникновения научной школы археологов в Свердловске.....	24
Глава 3. Очерк научной биографии В.Ф.Генинга до начала работы в Уральском университете (1947 - 1960 гг.).....	55
Глава 4. Организационное оформление свердловской научной школы. Создание специализации по археологии.....	84
Глава 5. Уральская археологическая экспедиция как организационная форма деятельности научной школы В.Ф.Генинга.....	104
Глава 6. Второе уральское археологическое совещание как фактор консолидации археологических сил на Урале.....	111
Глава 7. Исследовательская программа В.Ф.Генинга в Уральском университете.....	120
Заключение.....	139
Приложение. В.Ф.Генинг. Автобиография научной деятельности.....	145
Список использованной литературы и источников.....	182
Список сокращений.....	192

ВВЕДЕНИЕ

Осмысление состояния и перспектив развития археологии как науки неизбежно приводит исследователя в сферу историографии. Однако если история развития и накопления конкретно-научного знания является значимым элементом в любом археологическом исследовании, то этого нельзя сказать об изучении социальных структур археологии, в рамках которых происходит процесс формирования и развития знания. Научное сообщество - сложноорганизованная система, внутри которой выделяется множество элементов, взаимосвязь между которыми во многом определяет специфику внутридисциплинарной организации. Научная школа - один из этих значимых элементов.

Достаточно позднее оформление историографии археологии в самостоятельный раздел науки привел к тому, что серьезной исследовательской работы по изучению и выявлению научных школ в археологии не велось. Само представление о феномене научной школы формировалось под воздействием научной традиции без какого-либо обоснования его конкретно-исторической и теоретической характеристики. В научной литературе есть упоминания о ленинградской и московской археологических школах, школе С.И.Руденко, А.А.Миллера, Г.А.Бонч-Осмоловского, С.А.Теплоухова, М.П.Грязнова, Б.С.Жукова (Мерперт Н.Я., 1995, с.7,9), иркутской археологической школе (Формозов А.А., 1995, с.4), пермской научной школе (Крайнов Д.А., 1975 и др.), свердловской археологической школе (Ковалева В.Т., 1999 и др.), школе К.В.Сальникова (Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999) и т.п. Подобные сведения встречаются и в других региональных историографических исследованиях. Однако в археологической литературе нигде не мотивированы критерии и признаки определения такого качественного состояния коллектива ученых как научная школа.

Проведение целенаправленной работы по изучению феномена научных школ позволило мне наметить подходы,

которые дают возможность идентифицировать коллективы в археологии как научные школы, определить их структуру, содержание деятельности, оценить вклад в развитие науки (Мельникова О.М., 1983; 1994; 1995; 1996; 1996а; 1998; 2000; 2000а; 2002; 2003).

Теоретические представления о научной школе, сформулированные в науковедении и дополненные историко-научными идеями в сочетании с возможностями историографии, позволили создать модель научной школы. Ее применение к изучению известной в научной традиции археологической школы, созданной выдающимся ученым О.Н.Бадером в Пермском университете в 1946 гг., дало свои результаты (Мельникова О.М., 2003). Дальнейшее обоснование этой модели, в особенности при изучении коллективов уже признанных в археологии научными школами, позволит детализировать, уточнить уже изложенный взгляд на характеристику этого феномена в структуре науки, определить особенности археологических школ.

В историографии археологии неоднократно высказывания относительно коллектива, сформированного известным советским ученым В.Ф.Генингом в Уральском университете в начале 60-х гг. XX в., как о научной школе (н.р. Бунятян К.П., 1989; 1994; 1997; Дмитриевская Т.В., 1999; Ковалева В.Т., 1990; 1999; Овчинникова Б.Б., 1999 и др.). Эта школа имела глубокие генетические связи с пермской школой О.Н.Бадера. Изначально свердловская археологическая школа была тесно связана с решением познавательных задач, сформулированных в предшествующее время. Это - расширение источниковедческой базы археологии и создание культурно-хронологической периодизации археологических памятников Урала. Решение таких задач должно было стать в последующем основой для исследования древней истории в контексте формационной теории исторического процесса.

Новые исторические обстоятельства, связанные с изменениями в социальной жизни советского общества, последовавшие после 1953 г., а так же творческое взросление ученика О.Н.Бадера В.Ф.Генинга, привели к формированию новой исследовательской программы. В ходе ее решения коллектив, созданный В.Ф.Генингом в Уральском государственном университете, трансформировался в самостоятельную научную школу. Ее влияние на развитие уральской археологии в течение длительного времени было

очевидным фактом. Из недр школы вышло значительное число ученых, определяющих в настоящее время направление развития региональной археологии.

Обращение к анализу свердловской школы В.Ф.Генинга обусловлено и личным обстоятельством. Владимир Федорович приобщил меня к теоретико-методологическим проблемам археологии во время моего обучения в аспирантуре под его руководством в Институте археологии АН УССР, где он также создал свою собственную научную школу. Сопоставление характеристик этих двух феноменов требует пристального анализа каждого из них и является темой для самостоятельного рассмотрения.

В предлагаемой читателю работе ставится цель изучения свердловской археологической школы В.Ф.Генинга на основе теоретической модели научной школы, разработанной в рамках междисциплинарного подхода. Дедукция позволяет обосновать критерии выделения научной школы, определить направление деятельности, высказаться относительно длительности ее существования и провести на этой основе конкретно-историческое изучение этого феномена.

Такое исследование осуществляется в понятиях и категориях, обоснованных в моих предыдущих работах, характеризующих научные школы в археологии (Мельникова О.М., 1993; 2000; 2002; 2003). Они определяют структуру книги: изучение генетических предпосылок становления свердловской школы археологов, выявление исторических и организационных условий ее создания, характеристика лидера научной школы, рассмотрение организационных форм, осмысление педагогической деятельности, анализ исследовательской программы.

Круг источников, позволяющих проводить схолярные исследования, обоснован мною в предшествующих исследованиях (Мельникова О.М., 2003). Поэтому укажу лишь на их типологию.

1) Самой многочисленной группой являются труды археологов. Они могут иметь форму монографии, отдельной книги, статей, сообщений, печатных заметок, устных докладов и выступлений в прениях. Историографический интерес в них представляет характеристика исходных идей, концепций, теорий авторов, методы изучения археологического материала;

2) диссертации, характеризующие содержание и уровень развития актуальных проблем науки и способов их разрешения;

3) подготовительные материалы (черновики, пробные наброски, отстраненные варианты текста, карточки, выписки), позволяющие в последовательности рассмотреть рождение новых идей, их аргументацию и изложение;

4) черновики неопубликованных рукописей, отражающие систему научных коммуникаций;

5) тексты лекционных курсов, демонстрирующие как уровень развития научного знания, так и историю археологического образования в целом, а также отношение к археологии в обществе; они характеризуют педагогическую деятельность научной школы;

6) корректуры, раскрывающие творческую лабораторию ученого;

7) документы личного происхождения (дневники, письма, мемуары, автобиографии, анкеты). Они наиболее значимы для определения преемственности научной мысли и приращения знаний. В них прослеживаются истоки эволюции археологических концепций, особенности формирования научных взглядов и творчества отдельных археологов, дискуссии между ними, за которыми нередко скрывались взаимоотношения научных школ. Частная переписка позволяет раскрыть содержание взаимоотношений между исследователями в рамках научной школы, определить субординацию между ними;

8) учебные программы по общепрофессиональным и специальным курсам и семинарам. Этот источник значим для изучения направлений деятельности научных центров, процесса становления археологии как научной дисциплины, специфики формирования и деятельности отдельных археологов, развития научных проблем, подлежащих решению коллективом;

9) периодическая печать, несущая сведения о мнениях, концепциях, проблемах, достижениях, являющихся показателем историографического знания. Она может быть как научной и отражать содержание археологического знания, вклад научной школы в науку, так и общественно-политической и популярной, связанной с информированием общества о работе археологов;

10) библиографические обзоры, раскрывающие динамику активности членов научной школы;

11) материалы конференций, фиксирующие круг актуальных научных проблем;

12) делопроизводство научных и учебных учреждений, как связанное с биографическими фактами о жизни ученых, так

и их текущей деятельностью, раскрывающее механизмы формирования организационных форм научной школы;

13) статистические материалы, несущие справочную информацию о развитии научной школы в численном и территориальном аспектах.

Эти разнообразные источники выявлены и изучены мною в ГАСО, ГАПО, ЦГА УР, архивах ИА НАНУ, ПГУ, кабинета археологии ПГУ, музея истории ПГУ, ПОКМ, УрГУ, ПНИАЛ УрГУ, кафедры истории России УрГУ, кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ, личном архиве семьи В.Ф.Генинга. Их поиск и дальнейшее изучение оказались возможны благодаря участию коллег из этих учреждений, которые на разных этапах оказывали мне помощь своими советами, консультациями и поддержкой. Моя особая признательность коллегам по кафедре археологии и истории первобытного общества УдГУ и, в особенности, зав. кафедрой, профессору, д.и.н. Р.Д.Голдиной, профессору кафедры истории России УрГУ Б.Б.Овчинниковой, доценту кафедры археологии УрГУ В.Т.Ковалевой, зав. архивом и библиотекой ПНИАЛ УрГУ Н.К.Стефановой, старшему научному сотруднику СОКМ С.Н.Паниной; старшему научному сотруднику отдела археологии ПОКМ В.П.Денисову; старшему преподавателю кафедры древней и новой истории России ПГУ А.Ф.Мельничуку; старшему научному сотруднику отдела археологии ПОКМ Е.В.Чуйкиной; семье В.Ф.Генинга, в особенности, Л.В.Чижовой; студентке исторического факультета УрГУ Т.М.Пономаревой. Моя благодарность д.и.н., профессору Казанского университета Г.П.Мягкову, чьи представления о природе научных школ в исторической науке оказались во многом созвучны моему пониманию этого феномена. Издание этой книги было бы невозможным без содействия М.С.Рахманова. Буду признательна всем читателям этой книги, которые помогут в уточнении тех или иных фактов, изложенных в ней.

Особый интерес среди всех использованных в настоящей работе историографических источников представляет «Автобиография научной деятельности», написанная В.Ф.Генингом в конце 80-х гг. XX в. Жанр научной автобиографии - не так часто встречающееся явление в археологии. Поэтому для полноты представлений о свердловской археологической школе весьма полезно ознакомление научной общественности с этим документом.

«Автобиография» позволяет увидеть самооценку научного вклада В.Ф.Генинга и созданной им научной школы. Подлинник «Автобиографии научной деятельности» хранится в семье ученого. Он был любезно передан мне дочерью В.Ф.Генинга Л.В.Чижовой. Текст «Автобиографии научной деятельности» В.Ф.Генинга приводится в «Приложении» к настоящей работе.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ В АРХЕОЛОГИИ

Изучение научных школ требует определения содержания понятия этого феномена. Междисциплинарный анализ на стыке науковедения, историографии, социологии науки, психологии научного творчества позволяет выделить инвариантные признаки школ в науке. Они таковы:

1) научная школа - это коллектив ученых (принадлежность к одному научному учреждению необязательна);

2) в рамках такого коллектива под руководством лидера научной школы осуществляется деятельность в трех основных направлениях:

а) разработка конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы научной школы;

б) подготовка молодого поколения исследователей;

в) организация и координация общих усилий в утверждении особых норм взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива (Никишенков А.А., 1982, с.56).

Благодаря этим характеристикам научные школы образуют динамические системы, которые обеспечивают преемственность научного знания и создают условия для его развития. Они позволяют рассмотреть с единой точки зрения предметные, гносеологические, социологические характеристики археологии. Анализ этих признаков научных школ позволяет ответить на вопрос о том, почему определенная группа ученых объединяется вокруг той или иной идеи, каковы пути формирования круга ее сторонников, в чем особенности подготовки научных кадров.

Поэтому понятие «научная школа» дает возможность осмыслить науку во всей ее жизненности. Это понимание оказывается наиболее эффективным с позиций системного

подхода, т.к. и наука, и сама научная школа, и научное знание относятся к разряду системных объектов.

В науковедении выделяются следующие элементы этой системы и основные соотносимые с ней понятия. Исходным пунктом является осознание научным сообществом конкретной научной проблемы. Возникновение научных школ происходит в процессе выдвижения научных проблем, содержание которых связано с внутренними потребностями развития научного знания, либо с необходимостью удовлетворения определенного социального заказа.

Необходимость решения конкретной научной проблемы является важным внутринаучным фактором возникновения и развития научных школ. Для ее разрешения формируется исследовательская программа. Это - центральная категория анализа научных школ. В ней отражено отношение научной школы к общепринятым образцам исследовательской деятельности: поиску и раскопкам памятников, методологии камеральной работы, описанию и объяснению археологических фактов.

Исследовательская программа научной школы, как правило, не является фиксированным документом. Ее можно сформулировать в результате анализа научной деятельности коллектива ученых, нашедшей отражение в историографических источниках. Объектом такого рассмотрения являются элементы сложной познавательной структуры исследовательской программы:

- общие ориентирующие принципы и цели научной деятельности;
- набор конкретных проблем исследования;
- теоретические представления о природе изучаемого явления;
- система понятий и категорий;
- конкретные методы описания и объяснения.

Автором идеи, которая принимается в качестве исходной при решении поставленных проблем и является основой формирования исследовательской программы, выступает лидер научной школы. Вокруг лидера группируются члены научной школы. Сам процесс формирования исследовательской программы позволяет выделить два пути возникновения научной школы: 1) лидер научной школы может выдвинуть и разработать научную концепцию или теорию, которая получает признание. В этом случае члены

научной школы ориентируются на дальнейшее развитие этой теории, ее корректировку; 2) теоретическая программа, объединяющая ученых, формируется в ходе совместной деятельности научной школы. В этом случае, хотя и принципиальная идея и выдвинута лидером научной школы, однако, каждый ученый принимает свое собственное участие в формулируемой теоретической позиции школы, которая развивается, разворачивается, обогащается и корректируется благодаря совместным усилиям исследователей.

В науковедении выделяют пять стадий реализации исследовательской программы (Карцев В.Б., 1982, с.52):

1) стадия готовности (предпрограммная) - этап выхода коллектива на соответствующий интеллектуально - ценностный уровень, включающий образование, контакты, овладение категориальной структурой рассматриваемой области знания; восприятие социального заказа в его наиболее обобщенной форме;

2) стадия выбора проблемы - выявление несоответствия данных теории и практики, постановка задач. Исследовательская программа осознанно или неосознанно выступает в своей самой первоначальной форме. Обнаружение проблемы может быть как результатом логического расчета, так и особой формы интеллектуального синтеза; пути осуществления программы пока не ясны;

3) стадия разработки программы, обсуждения и решения задач. Исследовательская программа зримо предстает перед ее разработчиками в виде системы конкретных задач, нуждающихся в методах решения; эти задачи являются фрагментами программы;

4) стадия реализации программы - разработка и осуществление конкретного плана деятельности (выполнение «рутинных операций»);

5) стадия обеспечения социально-значимого результата деятельности - стадия внедрения - этап, на котором выдвинутая исследователями идея целенаправленно доводится до потребителя путем публикаций, лекций и т.п.

Исследовательская программа может корректироваться под воздействием новых фактов. На ее основе могут формироваться новые программы, соответствующие изменяющимся потребностям времени. Следовательно, она является фактором рождения, развития, упадка и исчезновения научных школ, когда ее выполнение тормозит процесс

получения знаний. «Логика развития науки посредством других исследовательских программ, более адекватных ее переменчивым запросам, может привести к моральному износу исследовательской программы, ее деактуализации, к утрате бывшего влияния» (Ярошевский М.Г., 1977, с.55).

Значимость феномена исследовательской программы в жизни научной школы требует его содержательного анализа. Его выполнение возможно на основе традиционных методов историографического анализа, а так же ряда науковедческих методов - метода экспертных опросов, контент-анализа на основе информационного и системного подходов.

Изучение процедуры построения исследовательских программ и их генезиса требует обращения к другой важной характеристике научных школ, имеющей внутринаучное происхождение - иерархической структуре научной школы. Внутри школы выделяется лидер, автор определенной теоретической программы, генератор идеи, которая принимается в качестве исходной при решении поставленных проблем, вокруг которой объединяются остальные члены научной школы. Ученые, составляющие научную школу, различаются по возрасту, компетентности, степени профессионального образования, эрудиции, практического опыта. Поэтому немаловажную роль в ней играют субординационные связи. Они отражают статус и роль членов коллектива в связи с их деятельностью по реализации исследовательской программы. На вершине иерархии оказываются лидер научной школы и интеллектуальное ядро, развивающие систему знаний (Гасилов В.Б., 1977, с.119).

Члены интеллектуального ядра, как правило, являются учениками лидера коллектива. При этом в процессе развития исследовательской программы они сами, наряду с учителем, становятся учителями нового поколения ученых. Поэтому между членами коллектива складываются разные типы отношений:

- учитель-ученик;
- лидер-группа;
- сотрудник-сотрудник;
- индивид-группа.

Безусловно, системообразующим элементом в системе этих отношений выступает лидер научного коллектива. Его наличие как автора исследовательской программы - важный критерий идентификации научных школ. Лидер выполняет важные

функции в рамках научной школы: познавательные - через постановку задач в рамках исследовательской программы; педагогические - как воспитатель нового поколения исследователей; организационные - как организатор работы научного коллектива.

Лидер включает своих учеников в разработку исследовательской программы, отражающей потребности общества и науки. Он обладает развитым критическим талантом, который, будучи соединен с терпимостью, предоставляет ученику возможность самостоятельно пересматривать его собственную научную позицию. Ученик становится интеллектуальным и социальным партнером учителя, активно стимулирует учителя в ходе учебного процесса. Этому способствуют различные качества личности ученого. Научковеды обращают внимание на наличие научной интуиции, богатство идей, сильный характер, организаторские способности, контактность, умение видеть и формулировать научную проблему (Родный Н.И., 1975, с.418). Подчеркивается, что лидер научной школы - это человек с богатыми глубокими идеями (не только в силу научной одаренности). Он испытывает потребность и имеет способность к сотворчеству, к совместной работе с коллегами и учениками, обсуждению, развитию, критическому осмыслению идей, методов, результатов, обладает педагогическим даром.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, потому что обучение и преподавание - это иной, чем исследование, вид деятельности. Они редко сочетаются в одном лице. Обучение у такого ученого дает нечто большее, чем только знания. Тип обучения в научной школе целиком определяется личностью лидера, его умом, исследовательским талантом, ценностной ориентацией, нравственными качествами. Он стимулирует самостоятельность и независимость мышления - необходимые компоненты научного творчества (Ляхович Е.С., Ревушкин А.С., 1998, с.377). Складывающийся в таком коллективе научный и нравственный климат, полная доверительность и непринужденность повседневного общения, обмен информацией не на уровне конечных результатов, а на уровне замыслов, идей, соображений и мыслей во много раз увеличивают эффективность творческой научной деятельности, привнося в нее определенный коллективный и соревновательный момент (Ведущие научные школы России, 1998, с.4).

В историографической литературе имеется мнение о том, что в исторической науке возможно существование научных школ без лидера, объединяющих нескольких ученых, со сходными взглядами, вырабатываемыми под воздействием объективных факторов, приводящих к общности социальных позиций, методологии, методики и проблематики научных исследований (Мягков Г.П., 2000, с.91).

Очевидно, при пристальном взгляде на историю археологии удастся выявить такие специфические школы коммуникативного типа. Возможно, что такие школы могут возникать на стадии объяснения археологического материала. Но в условиях коллективного труда археологов значимую роль играет не только познавательный фактор в становлении научной школы, но и фактор организационный и педагогический, требующий создания некоторой иерархии управления научным коллективом.

Научная школа стремится расширять круг сторонников своих идей. Поэтому ассимиляция неофитов - еще один ее структурный элемент. Образование и воспитание учеников - определенная гарантия непрерывности научной мысли. Одновременно способ пополнения научной школы требует от ее участников уделять внимание пропаганде своих идей и воспитанию следующего поколения ученых. Ученики - школьники, студенты, аспиранты, коллеги - воспринимают от лидера научной школы и ее интеллектуального ядра разные по составу и по функциям виды знания:

1) общекультурный фонд знаний, призванный подготовить ученика к деятельности и вне сферы науки;

2) рутинные операции и процедуры, предназначенные для реализации исследовательской программы;

3) правила переноса рутинных операций и процедур в другие отрасли знания для выполнения аналогичных исследований; эвристические правила расширения и повышения концептуального уровня исследовательской программы данного научного сообщества;

4) нормы профессионального и социального поведения в научных сообществах (Гасилов В.Б., 1977, с.149).

При этом молодые коллеги лидера не только разрабатывают различные фрагменты исследовательской программы, но и сами в ходе исследовательского поиска вносят вклад в эту программу. Концепция обогащается новыми результатами, и перед лидером ставятся новые вопросы, побуждающие его развивать исследовательскую программу.

Естественно, что для развития научной школы необходимо наличие хороших учеников. Они должны обладать высоким уровнем развития интеллекта, логическим мышлением, для того, чтобы участвовать в развитии реализации исследовательской программы. Ученики должны испытывать интерес к исследованиям, обладать самостоятельностью суждений, критичностью мышления, позволяющей объективно оценивать чужие и свои результаты и не упустить конструктивные идеи. Научная школа, в которую попадает молодой исследователь, способствует развитию этих качеств, а не их возникновению. Подготовка научной смены - не самоцель научной школы, а выражение объективной закономерности развития науки: любое интеллектуальное сообщество, не омолаживая свой состав, теряет творческий потенциал (Ляхович Е.С., Ревушкин А.С., 1998, с.376; 379).

Здесь уместен еще один важный вопрос, связанный с характеристикой научной школы - о длительности ее существования. Исследователи-научковеды полагают, что она ограничена периодом реализации исследовательской программы - публикацией совокупной системы знаний, возникшей в результате решения научной проблемы, следствием чего и была исследовательская программа (Гасилов В.П., 1977, с.149). Считается, что научная школа включает в себя, по крайней мере, два поколения ученых, разрабатывающих новое направление (Штейнер Г., 1977, с.116). Минимальный цикл существования научной школы может составлять три поколения: учитель - ученики- учителя- ученики - и ограничивается периодом в два десятилетия (Мирский Э.М., 1978, с.80).

Группы без учеников умирают. (Сами проблемы не умирают, но они видоизменяются, становясь проблемами в других отраслях науки). Каждое новое студенческое поколение по объему оказывается больше предыдущего поколения учителей. Этим создаются условия роста научной школы. Продолжительность жизни одного поколения в науке невелика и измеряется несколькими годами. Первоначальный рост коллективов бывает довольно замедленным. Требуется около 15 лет для достижения «взрывных» темпов роста «популяции» ученых, способной разместиться в рамках одной специальности, схема ее роста напоминает модель распространения эпидемий. Но даже для групп, достигших успеха, характерен сравнительно непродолжительный период

существования: чаще 10 или 15 лет или меньше, т.к. продуктивные группы разрастаются, в конце концов, до такой степени, что это приводит к уменьшению, а затем и к ликвидации межличностных связей и личного влияния.

Институционализация научной школы (н.р., создание факультета) уменьшает степень антагонизма группы по отношению к другим ученым и ослабляет групповую идентичность, а это обычно означает возвращение достигшей успеха группы к нормальному для науки состоянию, т.е. к структуре со слабой связью. Таким образом, платой за успех группы - независимо от того, означает ли успех достижение специфических целей группы или принятие новой групповой точки зрения всей научной дисциплины - является ее смерть как особой социальной и интеллектуальной единицы (Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Ч., 1975, с.144-150). При этом возникновение новой научной школы возможно из предшествующей.

Познавательным планом причастность к научной школе не ограничивается. Постоянно выступают два других вопроса: о взаимоотношении людей, образующих этот своеобразный коллектив; и об индивидуально-личностных притязаниях его отдельных членов, каждый из которых рассчитывает на уникальность собственного вклада (Ярошевский М.Г., 1977, с.86; Аллаhverдян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г., 1998).

Научный статус и научная оценка индивидуального вклада в общезначимый фонд знаний каждого члена научной школы будет определяться оценкой программы и исследовательского аппарата школы. Члены «внешнего» научного сообщества могут за основание оценочного суждения принимать, прежде всего, принадлежность к научной школе. Поэтому индивидуальное достижение ученого может быть дезавуировано его принадлежностью к научной школе. С другой стороны, возможен перенос «ореола» школы - фаворита - на ее члена, внесшего относительно незначительный вклад в развитие ее программы (Гасилов В.П., 1977, с.137). Но так или иначе необходимым условием существования научной школы является внутринаучное признание и признание социальное, за пределами круга непосредственных коллег по профессии.

В этом смысле научная школа может рассматриваться как форма изоляции определенных групп научного сообщества от других коллективов. Поэтому задача, стоящая перед учеными, объединенными в научные школы, двойка. Во-первых, усилия

ученых направлены на то, чтобы раскрыть и показать позитивную познавательную мощь принятой в качестве программы научной идеи, что может быть сделано при решении проблемы. Во-вторых, приверженцы одной научной школы интенсивно борются за сохранение и распространение своей исследовательской программы. При этом можно отметить, что введение в научный оборот результатов, полученных вследствие реализации исследовательской программы, может возвести «барьер непонимания» между членами научной школы и остальным научным сообществом, разделяющим устоявшиеся и конкурирующие системы категорий данной отрасли науки. Новые идеи имеют больше шансов быть усвоенными молодыми учеными или членами сообществ других отраслей знаний, чем восприниматься высококвалифицированными коллегами по данной отрасли знания (Гасилов В.Б., 1977, с.132).

Таким образом, содержание понятия «научная школа» характеризуется набором необходимых и достаточных инвариантных признаков. Однако их проявление в каждом конкретном случае в содержательном смысле происходит поразному. Это приводит к тому, что научные школы отличаются между собой не только своеобразием исследовательских программ, но и различной степенью влияния на научное сообщество и развитие науки в целом, что зависит от масштабов научного вклада, определяемого концептуальными событиями, продуцируемыми научными школами.

В науковедении обоснована типология событий в науке:

«1. Выдвижение новой проблемы. Это событие является редким, не часто встречающимся в науке. Причины возникновения научных проблем двоякого рода. Во-первых, они могут быть следствием внутреннего развития науки. Во-вторых, проблемы могут диктоваться современными общественными потребностями и выступать своеобразным социальным заказом. Первый круг научных проблем может быть следствием неожиданного открытия, либо отражать логический генезис научного знания. Проблемы, связанные с современными общественными потребностями, могут характеризоваться многопрофильностью. Тогда их решение в компетенции разных научных направлений и школ, или же быть монопрофильными, характерными для одного направления.

2. Создание новой теории или гипотезы, формирование нового понятия. Это событие имеет концептуальный характер и не относится к ежедневным событиям.

3. Развитие теории: теория не остается неизменной на протяжении своего существования. Происходит рафинирование ее понятий, отсеменение реликтовых элементов, вплетение новых компонентов. Это процесс длительный, имеющий свои этапы.

4. Открытие законов, правил.

5. Открытие новых явлений двух групп: а) неожиданные открытия; б) открытия, представляющие процесс реализации прогноза теории.

6. Создание новых методов исследования или усовершенствование существующих. Часто в истории науки развитие нового направления в науке начинается после создания соответствующего метода исследования или его заимствования из смежной науки.

7. Накопление фактического материала» (Родный Н.И., 1975, с.238-242).

Содержание этих научных событий определяет и тип конкретной научной школы:

1 тип - авангардная научная школа. «Она является сообществом ученых, продуцирующих (в рамках принципиально новых программ и исследовательского аппарата) концептуальные события довольно высокого ранга (н.р., научные теории), отвечающие в большей степени критериям научности, достоверности, силы, объясняющей и предсказательной мощи. Они убедительно разрешают такие проблемы, относительно которых содержание общезначимого фонда знаний оказывается недостаточным. Преимущество новой программы и ее аппарата столь убедительны (после преодоления «скрытого периода»), количество возможных «точек роста» (приложения программы) столь велико, что новое знание быстро включается в общезначимый фонд знаний. Программа быстро завоевывает сторонников из числа последователей устоявшихся программ, усваивающих терминологию и исследовательский аппарат школы. Программа «авангардной школы» быстро разворачивается в программы нескольких «незримых колледжей» и нового научного направления» (Гасилов В.П., 1977, с.133).

«Незримый колледж»- еще один феномен организации ученых в науке. Он объединяет группу ученых, работающих над сходными исследовательскими проблемами. В отличие от научных школ, колледж аморфен, деятельность его членов носит сугубо индивидуальный характер, его члены разделены географически, они добровольно входят в него, при этом

высокой остается текучесть кадров (Крейн Д., 1976, с.183). Незримый колледж относится к вторичному, экстенсивному, периоду роста научных знаний (Гасилов В.П., 1977, с.123). Наиболее способные члены авангардной научной школы сохраняют в рамках незримого колледжа свое лидирующее положение «руководящего ядра». Оно обусловлено усвоением невербализуемого «личного» знания, полученного непосредственно от учителя - генератора исследовательской программы.

2 тип - конкурирующая научная школа. «Она является локальным сообществом ученых, разрабатывающих исследовательскую программу, хотя неэквивалентную и близкую по времени выдвижения программе «авангардной» школы, но продуцирующих концептуальные события более низкого ранга. Они обладают менее убедительными преимуществами в решении проблем, нежели эквивалентные концептуальные события, продуцированные членами авангардной школы. Поэтому члены конкурирующей школы через своего лидера, становящегося «информационным связным», присоединяются к авангардной школе в качестве незримого колледжа для ускорения развития обобщенной программы. Только благодаря такому объединению члены конкурирующей школы могут сохранить потенциальную возможность внести заметный вклад в развитие общезначимого фонда знаний.

3 тип - автаркическая научная школа. Это научное сообщество, аналогичное 2 типу, но довольствующееся привилегированным состоянием в региональном изоляте и не претендующее на инкорпорацию своих достижений общезначимым фондом знаний. Члены школы этого типа вынуждены затрачивать непроизводительные усилия на репродукцию знаний, уже содержащихся в общезначимом фонде знаний. Поэтому знания, продуцированные членами этой школы, к моменту публикации заведомо деактуализируются и не инкорпорируются фондом знаний нового научного направления.

4 тип - компраторская научная школа - научное сообщество, изолированное от общезначимого фонда знаний. Ее программа, формы, способы и основные результаты, скомпилированные лидером школы из недоступных для всех остальных членов школы источников без ссылки на действительных авторов этих достижений и даже без ссылки

на факт существования сообществ, проводящих такие исследования, и «переведены» на «оригинальный» язык, разработанный лидером. Хотя лидер такой школы и успевает достичь довольно высокого статуса в локальном научном сообществе, члены научной школы растрачивают силы на репродукцию уже известного знания. Научные достижения, опыт и проекты этих ученых заведомо деактуализированы, при ослаблении политики сепаратизма и восстановлении научных коммуникаций, они вынуждены осваивать язык понятий, принятых в общезначимом фонде знаний.

5 тип - эпигонская школа. Это сообщество ученых, разрабатывающих программу и исследовательский аппарат, генерированные известным авторитетным ученым прошлого, апеллирующие к устаревшим системам категорий, деактуализированным (или фальсифицированным) теми достижениями, которые составляют фонд знаний мировой науки» (Гасилов В.П., 1977, с.133).

Итак, с точки зрения внутринаучных характеристик научной школы, при всей дискуссионности и отсутствии однозначного определения содержания этого понятия, наиболее продуктивным в их изучении оказывается системный подход, так как научная школа относится к разряду системных объектов. Он предполагает выявление генетических связей научной школы, что неизбежно требует в качестве источниковедческой основы использования историографического подхода в исследовании. Далее следует рассмотреть управляющий механизм, характеристику субординационных связей, взаимозависимость научных вкладов, выявить способы привлечения и обеспечения новых кадров, определить направления развития научной школы и ее тип.

Эти методологические подходы, сформулированные в науковедении и дополненные историко-научными идеями в сочетании с возможностями историографии, позволяют перейти к конкретно-историческому аспекту изучения научной школы - изучению свердловской школы В.Ф.Генинга.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ АРХЕОЛОГОВ В СВЕРДЛОВСКЕ

Изучение процесса возникновения и развития конкретных научных школ требует определения исторических обстоятельств и оценки предшествующего научного опыта. Научная археологическая школа, созданная В.Ф.Генингом в Свердловске в начале 60-х гг. XX в., имеет в этом смысле прочные исторические основания и генетические связи.

История развития археологии в Свердловске-Екатеринбурге насчитывает столетия. Она не обделена вниманием в научной археологической литературе, хотя обобщающей работы на эту тему нет. Главным образом, это историографический анализ развития той или иной научной проблемы в региональной археологии. В последние десятилетия появилось немало специальных историографических исследований на эту тему (н.р.: Викторова В.Д., 1989, с.18-26; Ковалева В.Т., 1990, 1999; Овчинникова Б.Б., 1998, 1999; Панина С.Н., 1999; Уральская историческая энциклопедия, 1998 и др.).

Учитывая этот историографический опыт, можно наметить наиболее значимые вехи в археологическом изучении Урала. Оно началось в период ученых путешествий в XVIII в. стараниями горного инженера В.И.Геннина, историка, организатора горного дела на Урале В.Н.Татищева, академиков П.С.Палласа и И.И.Лепехина. С начала XIX в. древностями Урала заинтересовались местные любители и коллекционеры - служащие горных заводов.

Их деятельность способствовала вызреванию научных сил Екатеринбургa, которые в 1870 г. объединились в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) (Зорина Л.И., 1996). Его президентом стал Онисим Егорович Клер (1845-1920 гг.). Он родился в Швейцарии. После окончания Нешательской промышленной школы в 1867 г. О.Е.Клер

оказался в Екатеринбурге, где стал работать преподавателем французского языка в мужской гимназии и реальном училище. В 1870 г. он инициировал создание УОЛЕ, музея и библиотеки при нем, работая ученым секретарем и хранителем музея. О.Е.Клер написал более 60 работ по краеведению, авторитет которых был признан научным сообществом: он избирался членом более 20 российских и иностранных научных обществ, награждался шведским орденом «Полярная звезда» и французским знаком отличия «Университетская академическая пальма» (Зорина Л.И., 1998, с. 261).

В 1879 г. в структуре УОЛЕ был создан археологический отдел (Викторова В.Д., 1989, с.19). По другим сведениям археологическая комиссия при УОЛЕ была организована 13 января 1890 г. (Овчинникова Б.Б., 1998, с.20). При активном участии самого О.Е.Клера, его гимназического ученика М.В.Малахова, горного инженера Ю.Ф.Гебауэра, писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка, студента Казанского университета К.И.Фаддеева, рабочего Н.А.Рыжникова - всего более 50 человек - членов УОЛЕ - археологические исследования приобрели целенаправленный характер. Они проводились в соответствии с задачами, обозначенными в Уставе Общества - «изучение и исследование Уральского края в естественно - историческом отношении. Особое внимание следовало уделять открытию и возможному сохранению остатков так называемых доисторических обитателей края».

В связи с этим члены УОЛЕ уже с середины 70-х гг. XIX в. начали интенсивно проводить археологические исследования: разведки и раскопки стоянок древних людей (М.В.Малахов, О.Е.Клер, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Ф.К.Гебауэр, Н.А.Рыжников); разборку и систематизацию археологических коллекций (Е.Н.Коротков, К.И.Фаддеев, А.Н.Васильев), пополнение фондов музея УОЛЕ вещами коллекций Теплоуховых, Зырянова, Гебауэра. Таким образом, на Урале к началу XX в. накопился обширный археологический материал (Овчинникова Б.Б., 1998, с.20).

Членами УОЛЕ осуществлялся не только поиск археологических памятников, но и ставились различные научные проблемы: имеются ли памятники каменного века на Урале, соотносимы ли археологические памятники с «чудью», кто создал уральский очаг металлургии - автохтонное или пришлое население, где находится прародина финно-угров (Викторова В.Д., 1989, с.20).

Оценивая научный вклад УОЛЕ в изучение Урала, Е.М.Берс писала: «Археологические исследования проводились на уровне науки того времени. При раскопках вначале собирали ценные и редкие вещи, потом стали собирать все находимые в земле предметы и определять их назначение. Однако исследователи не изучали памятники как исторические источники, а подходили к археологии, как к науке о древностях. Раскапывая древние поселения и жилища, исследователи не выясняли ни плана самого поселения, ни устройства жилищ, ни топографии находок в соответствии с распланировкой жилищ и их окружения. Многослойность поселений не учитывалась» (Берс Е.М., 1963, с.22-23).

УОЛЕ просуществовало до середины 20-х гг. XX в., определяя направление и содержание археологического изучения Урала. Его роль в деле формирования общественного интереса к древнейшему прошлому края, несомненно, весьма велика. Для развития археологии она особенно значима, т.к. научная политика, проводимая государством в эти годы, не способствовала свободному развитию науки. Научные институты в России развивались неравномерно, главным образом в столицах, отсутствовала действенная финансовая политика поддержки науки. Это приводило к тому, что в 1862-1865 гг. на подготовку профессоров в России затрачивалось около 100 тыс. рублей, а в 1883 - только 50 тыс. Как следствие этого на рубеже XIX-XX вв. существовало большое количество вакантных мест на кафедрах в университетах. Академическая наука была удалена от реальной жизни, а университетская не имела надлежащей свободы. Поэтому счастливой легальной возможностью стали исследования в рамках научных обществ, которые меньше контролировались государством, поскольку существовали на средства своих членов и добровольные пожертвования. Организационной основой независимых научных обществ стали принципы их автономии и саморегулирования. Общества явились одной из форм общественных организаций, возникавших по инициативе частных лиц, не обязательно ученых. Поэтому их деятельность оказывается достаточно самостоятельной и эффективной (Павленко Ю.В., Руда С.П., Хорошева С.А., Храмов Ю.О., 2001, с.374-375). Этими причинами и объясняется плодотворная деятельность УОЛЕ на Урале.

В 20-40-е гг. XX в. начался новый этап в археологическом изучении края. Как известно, значимую роль в этом сыграло

развивавшееся повсеместно краеведческое движение. Активное участие в нем принимал А.А.Берс. В 1922 г. Александр Андреевич окончил Смоленское отделение Московского археологического института и приехал в Екатеринбург. Здесь он стал членом УОЛЕ. В 1926 г. им проводились раскопки в окрестностях Свердловска, Тюмени и Кургана (Берс Е.М., 1963, с.23). В 1927 г. А.А.Берс принимал участие в составлении археологической карты Уральской области: им была разработана и опубликована анкета для регистрации археологических памятников. В 1930 г. вышла его книга «Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации», в которой исследователь воссоздал картину развития древней истории края до эпохи средневековья. В ней А.А.Берс использовал полученные им новые археологические материалы и источники, введенные в научный оборот еще М.В.Малаховым. К сожалению, в 1935 г. А.А.Берс был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, а в 1937 г. расстрелян в одном из лагерей Бел-Балт Лага (Панина С.Н., 1999, с.14).

В предвоенные годы на Урале активизировалась деятельность центральных академических учреждений. Археологические экспедиции возглавили специалисты ГАИМК, столичных университетов и музеев Москвы и Ленинграда. Одна из таких экспедиций работала под руководством сотрудника ГИМа и ГАИМК П.А.Дмитриева и заложила основы многих современных представлений о каменном и бронзовом веках на Урале.

Павел Алексеевич Дмитриев родился в 1902 г. в Тюмени. В 1921 г. поступил в Московский археологический институт. В связи с его закрытием в 1922 г. был переведен на археологическое отделение факультета общественных наук Московского государственного университета, окончил аспирантуру РАНИОН. В 1928 г. защитил кандидатскую диссертацию по материалам шигирской культуры. В 1925 г. П.А.Дмитриев поступил в ГИМ, где работал сначала экскурсоводом, затем зав. отделом оружия, а в 1935 г. назначен ученым секретарем музея. Одновременно Павел Алексеевич работал в РАНИОН и МГУ. В 1937 г. он был включен в штат ГАИМК, затем ИИМК.

Его плодотворные работы на Урале начались с 1931 г. в окрестностях г.Свердловска. Начиная с 1933 г. он расширил ареал своих изысканий на Южное Приуралье (Бадер О.Н., 1953, с.188-189). Совместно с Е.М.Берс им обследовался ряд

археологических памятников: поселение и могильник Калмацкий Брод, стоянки у Исетского озера и мыса Толстик. К началу Великой Отечественной войны им был собран огромный материал по бронзовому веку, который он не успел опубликовать. П.А.Дмитриев ушел добровольцем в Ленинградское ополчение и в 1943 г. погиб (Матюшенко В.И., 2001, т.I, с.119).

Под руководством П.А.Дмитриева начала свои самостоятельные археологические исследования Елизавета Михайловна Берс (супруга А.А.Берса). Она родилась в г.Юхнове Смоленской губернии в 1907 г. В 1922 г. семья переехала в Екатеринбург, где Елизавета Михайловна получила среднее образование, училась на курсах лаборантов и в сельскохозяйственном институте (1941-1943 гг.), который не закончила. В 1926 гг. она вышла замуж за А.А.Берса (Архив УрГУ, оп.4, св.23. Личное дело, л.2). В довоенные годы ею были проведены полевые исследования в составе экспедиции ГАИМК во главе с П.А.Дмитриевым.

Во время войны в Нижнетагильском регионе проводил свои исследования О.Н.Бадер. Особое место в исследованиях Урала в этот период занимали работы Д.Н.Эдинга о первобытном искусстве Урала и очерк по истории уральской металлургии А.А.Иессена (Панина С.Н., 1999, с.15). Тагильские памятники в период 1945-1952 гг. раскапывались и обследовались О.Н.Бадером, А.Я.Брюсовым, В.М.Раушенбах (Берс Е.М., 1963, с.23).

Однако, возможность организации постоянных широкомасштабных планомерных археологических исследований в регионе, несмотря на плановый характер работы экспедиций столичных научных учреждений, при всей силе местной традиции в изучении археологических памятников Урала, долгое время отсутствовала. Причина этого крылась в том, что для решения таких исследовательских задач нужны многочисленные высококвалифицированные археологические кадры, хорошо подготовленный вспомогательный персонал экспедиций, что было невозможно в связи с отсутствием их подготовки на месте, в Свердловске. Несмотря на то, что Уральский государственный университет был открыт 19 октября 1920 г. специальным декретом СНК за подписью В.И.Ленина, приоритет технического образования над гуманитарным привел в 1925 г. к его расформированию (Дмитриевская Т.В., 1999, с.5).

Потенциальная возможность подготовки археологических кадров в Свердловске появилась в 1934 г. после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Оно предписывало с 1 сентября 1934 г. восстановить в стране исторические факультеты с 5 - летним сроком обучения в университетах (О преподавании гражданской истории..., 1934). Вследствие этого Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) издал приказ №2336 от 8 сентября 1938 г. о создании в Свердловском государственном университете исторического факультета. Со дня его основания на историческом факультете стали действовать две кафедры - всеобщей истории и истории народов СССР или, просто истории СССР (Дмитриевская Т.В., 1999а, с.6).

Молодость и отсутствие достаточного опыта научной работы самих преподавателей явились, очевидно, причиной того, что в эти годы студенты слабо привлекались к научной работе, на факультете не было студенческих научных кружков. Только в декабре 1940 г. в связи с дальнейшим ростом факультета ректорат выделил значительные средства на приобретение научной литературы в государственных книжных хранилищах Перми, Москвы, Ленинграда (Кулагина Г.А., 1967, с.111-112).

За первые три года существования истфака был создан работоспособный коллектив научных работников. Очень остро встал вопрос об открытии аспирантуры и о подготовке собственных кадров преподавателей. В 1940 г. на историческом отделении историко-филологического факультета для студентов I курса ассистентом кафедры истории народов СССР Николаем Николаевичем Бортвиным стал читаться курс «Основы археологии».

Н.Н.Бортвин родился 25 февраля 1892 г. в Омской губернии. Начав с получения образования в Ишимском духовном училище и Тобольской семинарии, он резко изменил круг своих профессиональных интересов, сдав в 1910 г. экстерном экзамен на аттестат зрелости в Петербургском учебном округе. Это дало ему возможность поступления в 1911 г. на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета.

В годы учебы Н.Н.Бортвин испытал на себе огромное влияние личности крупнейшего русского археолога того времени, сотрудника Императорской Археологической

Комиссии А.А.Спицына, считая его своим учителем в археологии. Будучи студентом, он принимал участие в экскурсионной комиссии «Общества изучения Сибири», в Сибирском научном кружке. В апреле 1917 г. он окончил Петроградский университет и готовился к сдаче государственного экзамена, но началась революция. Н.Н.Бортвин приехал к родственникам в Курган. Перипетии гражданской войны вынудили его по мобилизации воевать на стороне Временного правительства, затем в армии Колчака. Будучи раненым, он был подобран красноармейцами и доставлен в больницу в Кургане. С марта 1920 г. Н.Н.Бортвин заведовал Курганским музеем и его библиотекой, а осенью 1923 г. переехал в Свердловск, став экономистом. В 1939 г. он был избран ученым секретарем областного краеведческого музея.

Переехав в Свердловск, Н.Н.Бортвин активно включился в деятельность местных научных организаций в качестве члена УОЛЕ, Общества по изучению Свердловской области, областного Совета Краеведения. Естественно, что здесь состоялось его знакомство с работавшими в Свердловске А.А. и Е.М.Берсами, сотрудником ГИМа П.А.Дмитриевым. В 1940 г. он принял участие в археологической экспедиции под руководством П.А.Дмитриева. Материалы археологических исследований Н.Н.Бортвина публиковались, главным образом, в местной периодической печати, а также в СА и КСИИМК. В 1940 г. он был приглашен в УрГУ для чтения курса археологии (Архив УрГУ, оп.4, св.23; Берс Е.М., 1953, с.187).

Кроме преподавания курса «Основы археологии» Н.Н.Бортвин вел практикум по основам музееведения и архивоведения на базе краеведческого музея и государственного архива (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.60). Основные направления его научных изысканий касались кладов восточного серебра в Приуралье, вопросов этногенеза угров. В плане научной работы кафедры истории народов СССР УрГУ встречаются неоднократные упоминания о работе Н.Н.Бортвина над этими проблемами (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.97).

Причем, изучение этногенеза угров являлось темой кандидатской диссертации ученого. В документах кафедры приводятся факты выступлений Н.Н.Бортвина на заседании исторической секции Свердловского областного совета

краеведения в 1941 г. с докладами «Подземная Пермь» и «Угры и их расселение» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.120). Отмечалось, что на кафедре подготовлена монография Н.Н.Бортвина «Турушевский клад на Урале» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.219). Кафедра подчеркивала в своих отчетах, что «основной упор в научно-исследовательской тематике кафедры сделан на разработку тематики по истории Урала. В настоящее время тов. Н.Н.Бортвин пишет «Очерки по истории археологии Урала». Уральская тематика доминирует и в кандидатской диссертации Бортвина на тему «Очерки по археологии Урала» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.222). В другом месте диссертация названа «Древнейшая история угров по археологическим материалам» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.9).

Как преподаватель курса основ археологии, Н.Н.Бортвин ориентировался в качестве базовой на утвержденную в стране учебную программу для университетов, составленную А.В.Арциховским, и его учебное пособие «Введение в археологию». В программе и учебном пособии акцент был сделан на изложение археологии СССР, Западной Европы и Ближнего Востока. Причем в большей мере излагался обзор источников, исторических выводов в пособии было мало. «Таким путем была достигнута предельная сжатость, купленная слишком дорогой ценой» (Арциховский А.В., 1954, с.19). Правда, в курсовой работе студентки исторического факультета УрГУ Т.М.Пономаревой есть замечание о том, что, по словам бывших студентов Н.Н.Бортвина, при главенстве этой программы, все же значимую роль в читаемом курсе играли материалы по археологии Сибири и Урала (Пономарева Т.М., 1999, с.9).

В 1941- 1943 учебном году Н.Н.Бортвин читал специальный курс «Прошлое Урала». В ГАСО сохранился список тем для дипломных и курсовых работ по этому спецкурсу. Он отражает степень археологической изученности Урала и определяет круг актуальных тем его древней истории:

- «1. Древнейший период (преимущественно по археологическим данным).
2. Первобытное общество Урала и Приуралья.
3. Основные этапы древнейшей истории народов Приуралья (палеолит, неолит, эпоха бронзы).
4. Ананьинская культура Прикамья.
6. Клады восточного серебра как исторический источник.
7. Вопросы этногенеза угорских народностей Приуралья.

8. *Вопросы этногенеза восточных финнов.*
9. *Чуваши - яфетиды.*
10. *Волжская Болгария.*
11. *Биармия и чудь.*
12. *К истории искусства и верований уральских народностей в I тыс.н.э.*
13. *Д.Н.Анучин.*
14. *А.В.Шмидт.*
15. *Теплоуховы»* (ГАСО, ф. 2110-р, оп.2, д.827, л.9).

Реализовать в полном объеме свои замыслы Н.Н.Бортвину не удалось. 21 апреля 1943 г. он умер от дистрофии.

После кончины Н.Н.Бортвина в течение учебного года курс археологии в УрГУ, по всей видимости, не читался. Об этом свидетельствует факт приглашения для его чтения в 1944-1945 учебном году профессора А.А.Иессена, находившегося в Свердловске в эвакуации вместе с Эрмитажем. Его имя появляется в протоколах заседания кафедры истории СССР, начиная с 30 сентября 1944 г. Именно тогда был написан весьма интересный документ, в котором приведен план курса «Основы археологии» на 1944-1945 учебный год, рассчитанный на 54 часа.

А.А.Иессен разработал его для студентов сразу первого, второго и третьего курсов. Это предопределило специфику преподавания предмета, которую А.А.Иессен обосновал в «Общих соображениях» к программе. Он писал: «В учебном плане истфака имеются два обязательных курса (1) основы археологии и (2) история первобытного общества в значительной мере касающиеся одного и того же периода исторического развития- эпохи первобытнообщинного строя. С другой стороны, в условиях Свердловска в настоящее время нет возможности ознакомить студентов более подробно с отдельными вопросами истории первобытного общества на территории СССР и с практикой археологической работы. Ввиду сказанного, я считаю целесообразным в этом учебном году свой курс построить с упором на археологию СССР, и в особенности, Урала и прилегающих областей. В основу предлагаемого плана положена утвержденная программа курса, составленная профессором А.В.Арциховским, с внесением в нее следующих изменений: 1) Общее количество занятий (лекций) сокращается с 31 до 27 в соответствии с планом факультета; 2) сокращаются часы, отведенные характеристике археологических памятников восточного и античного

рабовладельческого общества и феодального средневековья; 3) усиливается внимание к археологии Урала и прилегающих районов; 4) включаются темы вводного характера - о значении археологических памятников, развитии археологических знаний и по методике археологической работы. Предполагается провести хотя бы одно практическое занятие для ознакомления слушателей с подлинными археологическими материалами.

Изложение основных разделов курса строится с большим акцентом на процесс исторического развития первобытного общества на территории СССР, чем это имеет место у профессора А.В.Арциховского, в котором доминирует описание археологических памятников.

Полагаю, что указанные изменения будут способствовать получению слушателями более отчетливого представления об истории нашей страны в эпоху первобытнообщинного строя. Однако и при предлагаемом известном сокращении описательного элемента, все возможности усвоения курса будут зависеть от лекций, для чего необходимо использование эпидиаскопа, т.к. количество слушателей исключает возможность непосредственного показа соответствующих изданий и репродукций» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.285).

На основе этих пояснительных замечаний А.А.Иессен составил следующий план занятий:

«Лекция 1. Задачи и объем курса. Археологические памятники как исторический источник.

Лекция 2. Краткий очерк развития археологических знаний.

Лекция 3. Природная среда в четвертичную эпоху. Нижний и средний палеолит.

Лекция 4. Верхний палеолит.

Лекция 5. Мезолит и неолит Средиземноморья и Западной Европы.

Лекция 6. Неолит и энеолит СССР.

Лекция 7. Древняя культура Переднего Востока.

Лекция 8. Бронзовый век Средиземноморья и Западной Европы.

Лекция 9. Бронзовый век Юга СССР.

Лекция 10. Бронзовый век лесных областей и Сибири.

Лекция 11. Культура раннего железного века в Средиземноморье и Западной Европе.

Лекция 12. Урарту и культура раннего железа на Кавказе.

Лекция 13. Греческие колонии юга СССР.

Лекция 14. Скифская культура юга СССР.

Лекция 15. Культура ранних кочевников Сибири и прилегающих районов.

Лекция 16. Ранне-железные культуры лесных областей СССР (Дьяково и Ананьино) и Урала.

Лекция 17. Латенская культура Западной Европы. Кельты и германцы.

Лекция 18. Материальная культура Рима.

Лекция 19. Сарматы, племена Поволжья и Южного Урала. Причерноморье в римское время.

Лекция 20. Средний железный век лесных областей СССР.

Лекция 21. Железный век Сибири.

Лекция 22. Культура юга СССР с IV-V по X-XI вв. н.э. (аланы, хазары).

Лекция 23. Волжская Болгария. «Чудские» культуры Урала.

Лекция 24. Славянские памятники образования русского государства.

Лекция 25. Памятники XI-XIII вв.: Киевская Русь и ее соседи.

Лекция 26. Экскурсия: ознакомление с подлинным археологическим материалом.

Лекция 27. Методика изучения археологических памятников. Общие итоги» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.286).

В университете А.А.Иессен помимо чтения курса основ археологии занимался и научной работой. В отчете кафедры за 1944 г. указывалось, что он писал учебник по археологии Урала (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.275). Неизвестно, правда, чем завершилась эта работа, т.к. весной 1945 г. А.А.Иессен вернулся в Ленинград. Последнее упоминание о нем в протоколах заседаний кафедры истории СССР датируется мартом 1945 г.

В связи с отъездом А.А.Иессена вновь возникла кадровая проблема в преподавании курса археологии, хотя значимость предмета в плане подготовки историков была весьма велика. Несмотря на отсутствие специалистов в этой области, кафедра истории СССР в целях улучшения своей работы в 1945 г. предложила создать в университете несколько учебных кабинетов. В том числе - по истории СССР, истории Урала и археологии Урала (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.297).

Новый учебный план на 1945- 1946 учебный год предполагал чтение курса «Основ археологии» (с 57 часами лекций, 10 - коллоквиума и сдачей экзамена). Вводился новый спецкурс для всех студентов - историков «Археология Урала» (30 часов лекций, 8 - коллоквиума и сдача экзамена). Ведение обоих предметов было поручено доценту кафедры истории СССР Сергею Александровичу Судакову - личности, прежде

и позже 1945-1946 гг. не упоминающейся в уральской археологии (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.300).

С.А.Судаков родился в 1929 г. в Твери, окончил Ленинградский институт истории искусств. До начала войны (с 1932 г.) участвовал в археологических исследованиях на территории Узбекистана и Туркмении. В апреле 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «искусствоведение». Судаков был знатоком многих языков - французского, иранского, таджикского, хинди, согдийского. В 1941 г. был мобилизован. В одном из боев получил контузию и оказался в военном госпитале в Свердловске. После выздоровления стал работать в Свердловском университете (Архив УрГУ, оп.4, св.23. Личное дело. Судаков С.А.).

Естественно, учитывая специализацию С.А.Судакова в области искусствоведения, он переработал учебную программу А.А.Иессена по основам археологии, сделав акцент на изучение археологии античного мира и Востока. В «Общих замечаниях» к курсу С.А.Судаков отмечал по этому поводу: «План курса, предложенный мною в текущем учебном году, значительно отличается от плана этого курса профессора А.А.Иессена. План курса, разработанный профессором А.А.Иессеном, построен с опорой на археологию СССР и, особенно, археологию Урала и прилегающих территорий. Археология античного мира и Древнего Востока в плане профессора Иессена отражена крайне слабо. В текущем году так сужать материал надобность отпадает. Вводится спецкурс по археологии Урала (его будет читать археолог К.В.Сальников). Вводная часть курса истории древнего мира выделяется в небольшой самостоятельный курс - историю первобытного общества (16 часов). Тематика курса «История первобытного общества» и курса «Основы археологии» в значительной степени касается одних и тех же проблем. Это позволило мне при переработке плана курса «Основы археологии» несколько сократить раздел палеолита и неолита (эти темы более подробно перейдут по курсу «История первобытного общества») и опустить темы, связанные с Уралом. Освободившиеся часы заняты в плане темами, почти не затронутыми по курсу «Основы археологии», прочитанном А.А.Иессеном, - археологии античного мира и стран Восточной Европы. В основу предлагаемого плана положена утвержденная программа курса, составленная профессором А.В.Арциховским» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.302).

Тематически эта программа выглядела так:

«Лекция 1. Введение. Задачи и объем курса. Археологические памятники как исторический источник. Краткий курс развития археологических знаний.

Лекция 2. Палеолит.

Лекция 3. Неолит и энеолит.

Лекция 4. Древняя культура Переднего Востока.

Лекция 5. Древняя культура Египта.

Лекция 6. Древняя культура Индии.

Лекция 7. Древняя культура Китая и Японии.

Лекция 8. Бронзовый век Западной Европы.

Лекция 9. Бронзовый век юга СССР.

Лекция 10. Бронзовый век Севера.

Лекция 11. Гальштат.

Лекция 12. Древняя культура Греции.

Лекция 13. Греческие колонии Северного Причерноморья.

Лекция 14. Скифы и сарматы.

Лекция 15. Ранняя железная культура лесных областей СССР (Дьяково и Ананьино).

Лекция 16. Латенская культура Западной Европы .

Лекция 17. Материальная культура Рима.

Лекция 18. Железный век Восточной Европы.

Лекция 19. Железный век Сибири. Культуры ранних кочевников Сибири.

Лекция 20. Железный век Средней Азии.

Лекция 21. Волжская Болгария и половцы.

Лекция 22. Культура Юга СССР IV-IX вв. (аланы, хазары).

Лекция 23. Славянские памятники эпохи образования русского государства.

Лекция 24. Памятники X-XII вв. Киевская Русь и ее соседи.

Лекция 25. Памятники IX-XII вв. Новгород и его соседи.

Лекция 26. Москва.

Лекция 27. Экскурсия в музей для ознакомления с подлинными археологическими материалами. Методика изучения археологических памятников» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.303).

К сожалению, с середины 1945 г. информации о С.А.Судакове в архивах найти не удалось. Не исключено, что приглашение в Свердловск К.В.Сальникова, с чьим именем связана следующая эпоха в Уральском университете, было инициировано С.А.Судаковым. В учебных поручениях С.А.Судакова на 1945-46 учебный год стоит курс «Археология Урала», хотя в пояснительной записке к учебной программе

по основам археологии он указывал на приглашение для чтения курса «Археология Урала» К.В.Сальникова. Кроме того, идея создания кабинета археологии Урала, очевидно, так же принадлежала С.А.Судакову.

Развитие археологии в УрГУ в течение 15 послевоенных лет связано с именем Константина Владимировича Сальникова. Обстоятельства его появления в Свердловске до конца не ясны. Известно, что в июне 1945 г. доцент кафедры истории СССР М.А.Горловский поднимал вопрос о приглашении на кафедру новых специалистов. Тогда же обсуждалась идея о спецкурсе по археологии Урала и этнографии народов Урала. Разработка спецкурсов была поручена доценту С.А.Судакову, который для этого был командирован на 1,5 месяца в Москву (Пономарева Т.М., 1999, с.12). Но позднее по неясным причинам для чтения спецкурса по археологии Урала был приглашен К.В.Сальников.

Его научное наследие достаточно обстоятельно проанализировано в археологической литературе, особенно, связанной с археологией Башкирии (Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999). Биография ученого также изучалась исследователями (Викторов В.П., 1999). К.В.Сальников был профессиональным археологом. Он родился в 1900 г. в Самаре. В 1923-1928 гг. учился на Высших археолого-этнографических курсах в Куйбышеве (Самаре), совмещая с работой в системе кооперации Союза инвалидов. Затем обучался на историко-филологическом факультете МГУ (Викторова В.Д., 1998, с.460).

Своим непосредственным учителем (особенно в области полевых исследований) Константин Владимирович считал В.В.Гольмстен, очень тепло отзывался о ней и о ее роли в становлении его как археолога (Викторов В.П., 1999, с.32). С 1933 г. по 1935 г. он обучался в аспирантуре ГАИМК, но был отчислен за невыполнение учебного плана. Летом 1934 г. с целью накопления фактического материала для диссертации работал в качестве начальника одного из отрядов в экспедиции П.А.Дмитриева в Башкирии (Архив УрГУ, оп.4, св.23. Личное дело. Сальников К.В.).

Долгие годы К.В.Сальников не мог работать в качестве штатного, профессионального археолога. Свои занятия археологией, в том числе и участие в различных экспедициях, ему приходилось совмещать с работой в самых разных

организациях: в школе, музеях, архиве, редакциях газет, хозяйственных и кооперативных учреждениях (Викторов В.П., 1999, с.32). С начала 1944 г. он работал в Чкалове (Оренбурге) в областной газете «Чкаловский коммунист».

По-видимому, еще в сентябре 1945 г. он дал согласие на работу в УрГУ. Но лишь в феврале 1946 г. он стал штатным сотрудником на кафедре истории СССР. Окончательный переезд К.В.Сальникова в Свердловск состоялся только осенью 1947 г., когда решился вопрос с жильем. Его не устраивала перспектива «читать курсы наездом и жить беспризорником несколько месяцев в каждом семестре» (Пономарева Т.М., 1999, с.13).

Приглашение К.В.Сальникова в Свердловск стало началом оформления специализации «археология» на кафедре истории СССР, хотя содержание археологического образования вызывает много вопросов. Программа специализации не совпадала с учебным планом Министерства высшего образования СССР по специальности «История», утвержденным 15 сентября 1949 г. Он предполагал среди прочих учебных дисциплин в ходе пятилетней подготовки специалистов-историков изучение основ археологии (50 часов лекций и 1 семинар в неделю с последующей сдачей экзамена), истории первобытного общества и основ этнографии (70 часов лекций, 2 семинара в неделю с последующей сдачей двух экзаменов). Кроме того, учебный план включал, в зависимости от специальности, двухнедельную археологическую практику, а так же сдачу государственных экзаменов и написание дипломных работ (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера). Для специализации «археология» по этому плану предполагалось изучение основ археологии (за счет часов по педагогике) (70 час.), каменного века (50 час.), бронзового века (70 час.), железного века (70 час.), античной археологии (50 час.), славяно-русской археологии (50 час.), истории археологических знаний (30 час.), спецкурсов (100 час.), спецсеминаров (100 час.), спецязыка (270 час.), производственную практику (180 час.) (Архив музея истории ПГУ, д.140).

Реально план работы специализации «археология» в УрГУ существовал в рамках специальности «история» на кафедре истории СССР и включал следующие компоненты: ««Лекционная работа составляется из курсов: 1) археология Урала (30 час.); 2) археология общая; 3) этнография Урала (36

час.). Чтение курса археология Урала сложно тем, что ни программы, ни пособий не существует, т.к. этот курс никогда не читался. В летний период предполагается провести полевую практику для студентов в окрестностях Свердловска, а так же наметить осуществить археологическую экспедицию для углубленного изучения памятников Урала» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.396).

Но изучая некоторые разделы археологии, выпускники специальности не получали квалификации профессионального археолога, как это было в Перми. Это была лишь узкая специализация в рамках общей специальности «История СССР». Возможно, по этой причине в Свердловске в эти годы и не сложилось самостоятельной научной школы.

Важнейшую роль в развитии специализации по археологии К.В.Сальников отводил профильному кабинету археологии. Напомним, что решение о его создании было принято еще в 1945 г., до его приезда в Свердловск и начато реализовываться С.А.Судаковым при участии Е.М.Берс (Пономарева Т.М., 1999, с.24). Кабинет получил название «Кабинет археологии и этнографии Урала». Первоначально его заведование осуществлялось С.А.Судаковым (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.843, л.48).

К.В.Сальников сформулировал четкие задачи для этой организационной формы вузовской науки: «Кабинет археологии мыслится как центр, вокруг которого должна концентрироваться вся работа, как в университете, так и в будущем на Урале вообще, поскольку ни в одном областном центре Урала нет специалистов-археологов и нигде не ведется исследовательская работа по археологии. На первое время в план развития кабинета археологии Урала поставлено и частично осуществлено: учет всей археологической литературы города и по возможности ее концентрация в кабинете археологии, составление библиографии по археологии Урала и учет археологических памятников Урала» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.395).

Для реализации этих задач кафедра истории СССР 1 марта 1946 г. приняла следующее решение: «Считать необходимым поставить перед ректоратом вопрос о выделении комнаты для размещения экспонатов по археологии СССР, которые представляются УрГУ во временное пользование Свердловским музеем Революции». (Кстати, это первый

протокол заседания кафедры истории СССР, где упоминается о К.В.Сальникове как старшем преподавателе, а о Е.М.Берс, как зав. кабинетом археологии Урала). Этим же решением отмечалось, что по специальности археология на кафедре работают 3 сотрудника - старший преподаватель К.В.Сальников, зав. кабинетом археологии Урала Е.М.Берс и по совместительству В.А.Виппер как лаборант кабинета археологии Урала (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.395).

Реально Е.М.Берс занималась составлением археологической карты Урала, упорядочением научного наследства Н.Н.Бортвина, получением и размещением дублетных археологических и этнографических фондов краеведческого музея для составления в кабинете археологии собственной коллекции (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.92, л.43). Кроме того, с 1945 г. она начала руководить сначала отрядом, потом самостоятельной Среднеуральской экспедицией УрГУ. Известен так же факт того, что Е.М.Берс в течение 1946-1947 учебного года работала ассистентом кафедры истории СССР. Она вела практикум по археологии и занималась подготовкой пособий по спецкурсу «Археология Урала» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.3). Но, не имея высшего образования, позднее она вновь вернулась к должности зав. кабинетом археологии.

Несмотря на бурную деятельность, кабинет археологии до октября 1950 г. не являлся структурным подразделением университета, хотя он обслуживал учебный процесс, превращался в научный центр по исследованию Среднего и Южного Урала, давал консультации, оказывал помощь краеведческим музеям Свердловска, Челябинска и Чкалова по учету и охране памятников и определению культурной и хронологической принадлежности их археологических коллекций. В структуре УрГУ существование кабинета археологии не было предусмотрено. Он не имел штатного расписания вплоть до 21 сентября 1950 г. Именно тогда ученый совет историко-филологического факультета обратился к ректорату с просьбой обсудить перед Министерством высшего образования СССР ходатайство о включении кабинета археологии в состав университета и об утверждении штатной единицы (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.83, л.42).

К 1953 г. сформировалась структура археологического кабинета, которая сохранялась до 1961 г. Она состояла из фондохранилища и лаборатории. В перспективе предполагалось создание учебно-методического музея при

кафедре истории СССР (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.843, л.56). Лаборатория была предназначена для учебных и научных целей. В ней студенты занимались самостоятельно или под руководством К.В.Сальникова и Е.М.Берс. Эта работа включала первоначальную обработку, инвентаризацию новых материалов, написание курсовых и дипломных работ, подготовку докладов для студенческих конференций и археологического кружка, работу со справочной литературой, реставрацию предметов.

Основным источником формирования фондохранилища стали материалы экспедиционных работ К.В.Сальникова и Е.М.Берс. Но в основном это были материалы Среднеуральской экспедиции, т.к. большинство коллекций Южноуральской экспедиции после обработки были переданы в те музеи, которые финансировали раскопки (Магнитогорский, Челябинский). Позднее, с начала 1950-х гг., стали поступать материалы из разведок студентов, работавших как в составе Южноуральской экспедиции, так и по собственным Открытым листам (Ю.С. и В.И.Фоминых, В.П.Викторова, В.Д.Красноперовой (Викторовой). Небольшая часть археологических источников поступала от краеведов. Имелись учебные коллекции к общему курсу археологии из ГИМа, Казани, с 1954 г. - из фонда Эрмитажа по эпохе неолита (Пономарева Т.М., 1999, с.20-21).

По воспоминаниям В.П.Викторова кабинет археологии включал разгороженную аудиторию и собственно кабинет археологии. Здесь читались лекции, тут же происходила обработка материалов из экспедиции. В кабинете хранились многочисленные фотографии, диафильмы, научная литература (МИА, КСИИМК), учебная, методическая, справочная литература по археологии, учебные пособия - плакаты, стенды, муляжи, которые К.В.Сальников использовал при чтении курса «Основы археологии». Когда до конца лекции оставалось 15 минут, Константин Владимирович приглашал в аудиторию Е.М.Берс. Та вывозила столик, на котором стоял диапроектор, лежали слайды и диафильмы по той теме, по которой только что была прочитана лекция. В аудитории зашторивали окна. К.В.Сальников еще раз повторял основные моменты лекции и иллюстрировал их (Пономарева Т.М., 1999, с.19).

Учебный план по общей археологии был построен на основе программы А.В.Арциховского и опирался на его учебное

пособие «Введение в археологию». В преподавании археологии К.В.Сальников возвратился к идее, заложенной в свое время А.А.Иессеном: он включил разделы по археологии Урала в общую канву изложения курса. Кроме того, ученый стремился максимально приблизить восприятие курса к практической работе. Предполагалось, что значительное число тем будет изучаться в областном краеведческом музее. Программа на 1946-1947 учебный год, составленная К.В.Сальниковым, выглядела следующим образом:

- «1. Вводная лекция.
2. Хронология и датировка.
3. Нижний палеолит.
4. Средний палеолит.
5. Верхний палеолит.
6. Неолит.
7. Неолит Севера СССР.
8. Неолит и энеолит Юга СССР.
9. Материальная культура Вавилона и Египта.
10. Бронзовый век Западной Европы.
11. Бронзовый век Юга СССР.
12. Бронзовый век Севера СССР.
- 13 -14. Палеолит, неолит и бронза Урала (с посещением музея).
15. Гальштат.
16. Материальная культура Греции и греческих колоний.
17. Скифия и сарматы.
18. Дьяково и Ананьино.
19. Латен.
20. Материальная культура Рима.
21. Средний железный век Восточной Европы.
22. Железный век Сибири (с посещением музея).
- 23- 24. Железный век Урала (с посещением музея).
25. Волжская Болгария, половцы и Золотая Орда.
26. Киев, Смоленск.
27. Владимир, Новгород, Москва» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.40).

Показательны экзаменационные билеты по этому курсу - они включают в себя не просто общую характеристику тех или иных археологических эпох, а обстоятельный анализ научных проблем и достижений, актуальных в науке того времени в изучении этих периодов:

«Билет 1.

1. Нижний палеолит.

2. Основные черты хозяйства населения дьяковских городищ.

Билет 2.

1. Средний палеолит.

2. Оружие и орудия латенской эпохи.

Билет 3.

1. Верхний палеолит.

2. Помпейская живопись как исторический источник.

Билет 4.

1. Ранний неолит.

2. Обряд погребения и состав могильного инвентаря рязанских и муромских могильников.

Билет 5.

1. Неолит Севера СССР (с ямочно-гребенчатой керамикой).

2. Процесс возникновения классов в Хакасии по археологическим памятникам.

Билет 6.

1. Раннеземледельческие поселения трипольского типа.

2. Культура городов Волжской Болгарии.

Билет 7.

1. Степные курганы бронзовой эпохи.

2. Древнее московское оружие.

Билет 8.

1. Бронза Северного Кавказа.

2. Погребения новгородских посадников.

Билет 9.

1. Памятники эпохи бронзы лесной полосы.

2. Древнейшие княжеские и дружинные курганы славян.

Билет 10.

1. Эпоха бронзы в Сибири.

2. Ремесла Золотой Орды по археологическим памятникам.

Билет 11.

1. Гальштат.

2. Сейменский могильник.

Билет 12.

1. Материальная культура Греции.

2. Особенности древнейших кремневых орудий.

Билет 13.

1. Греческие колонии Причерноморья.

2. Фатьяновские погребения.

Билет 14.

1. Скифо-сарматские памятники.

2. Греческая керамика.

Билет 15.

- 1. Дьяковские городища.*
- 2. Обряд погребения и могильный инвентарь ананьинских могильников.*

Билет 16.

- 1. Латен.*
- 2. Характерные черты ананьинских городищ.*

Билет 17.

- 1. Римское оружие и орудия труда.*
- 2. Жертвенные места Прикамья.*

Билет 18.

- 1. Римская культура и искусство.*
- 2. Начальная стадия добычи и обработки металла.*

Билет 19.

- 1. Рязанские и муромские могильники.*
- 2. Скифское искусство.*

Билет 20.

- 1. Алано-хазарская эпоха.*
- 2. Экономика и социальный строй населения степей СССР в эпоху бронзы.*

Билет 21.

- 1. Ранний железный век Сибири.*
- 2. Погребения в андроновскую эпоху.*

Билет 22.

- 1. Гунно-сарматская эпоха Алтая и хакасские древности Енисея.*
- 2. Социальный строй населения в андроновскую эпоху.*

Билет 23.

- 1. Половецкие древности и древности Волжской Болгарии.*
- 2. Характерные черты эппалеолита и раннеолитических памятников.*

Билет 24.

- 1. Киев.*
- 2. Наиболее известные скифские курганы.*

Билет 25.

- 1. Смоленск. Тьмутаракань.*
- 2. Неолитические погребения лесной полосы СССР.*

Билет 26.

- 1. Владимир.*
- 2. Ископаемые типы человека.*

Билет 27.

- 1. Золотая Орда.*
- 2. Особенности техники среднего палеолита и причина ее появления.*

Билет 28.

1. Новгород.

2. Особенности техники верхнего палеолита.

Билет 29.

1. Москва.

2. Палеолитическое искусство.

Билет 30.

1. Ананьинская и пьяноборская эпохи.

2. Черты древней металлургии» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.63-70).

В 1946 г. К.В.Сальников создал, очевидно, первую в уральской археологии учебную программу курса «Археология Урала». Она представляет особенный интерес как первое сочинение такого рода. Эта программа отражала степень изученности Урала в археологическом отношении и круг актуальных проблем. В отличие от программ по основам археологии она очень детально и подробно раскрывает основное содержание курса.

«Лекция 1. История археологических исследований на Урале.

XVIII в. Частные коллекционеры XIX в. Деятельность научных организаций. Первые крупные исследования в Перми, Казани, Екатеринбурге. Исследование памятников каменного, бронзового и железного века.

Лекция 2. Палеолит Урала.

Малоизученность уральского палеолита. Природные условия ледникового периода. Ближайшие памятники - до открытий в 1938 г. Усть - Катавская пещера. Пещерные стоянки на р.Юрюзани. Условия залегания, культурный слой, его состав. Стоянка им. М.В.Талицкого. Геологические условия. Состав инвентаря и фауны.

Неолит Прикамья. Вопрос о докерамическом неолите. Левшинская стоянка. Экономика поселения. Состав инвентаря. Предметы из меди. Социальный строй.

Лекция 3. Энеолит Прикамья.

Стоянка у с. Астраханцева. Жилища и их устройство. Особенности каменных изделий и керамики.

Сейменская культура. Турбинский могильник. Вопрос о его характере. Аналогии с Сейменским могильником и Галичским кладом. Территория распространения вещей сейменско - турбинского типа. Экономика.

Лекция 4. Ананьинско-пьяноборское время.

Ананьинский могильник. История его открытия и изучения. Погребальный обряд, инвентарь. Другие одновременные могильники.

Галкинское городище. Экономика. Характер охоты. Обмен. Социальный строй. Пьяноборский могильник. Нырғындынский могильник. Гляденовское костыще.

Ломоватовская эпоха. Характер памятников, степень их изученности. Сасанидские и Византийские блюда. «Чудские» образки. Находки на городищах. Экономика. Неволинский могильник.

Лекция 5. Шигирская культура.

Территория распространения. Характер памятников. Вопрос о датировке. Находки на Горбуновском и Шигирском торфяниках. Стоянка «Калмацкий Брод» на озере Кысы-Куль. Экономика. Характер орудий. О земледелии. Идолы и предметы культов. Назначение искусства. Социальный строй.

Лекция 6. Андроновская культура.

Территория распространения. Типы погребальных памятников. Федоровский могильник. Алакульский могильник. Поселения. Климатические условия. Жилища. Экономика. Металлургия. Характерные орудия труда. Социальный строй.

Лекция 7. Скифо-сарматские памятники Зауралья.

Различия памятников лесостепи и степи. Городище «Чудаки». План. Оборонительные сооружения. Жилища. Состав находок. Экономика. Погребальный обряд. Состав инвентаря в скифо-сарматских курганах. Иртышское городище.

Лекция 8. Археологические памятники Башкирии.

Разнообразие памятников эпохи бронзы. Селище Баланбаи. Курганы. Сарматские погребения на юге. Городище «Кара-Абыз». Его отношение к ананьинским памятникам. Бахмутинский могильник.

Лекция 9. Поздние кочевники Приуральяских степей.

Курганы в районе Челябинска. Могильники тюрок и половцев в Оренбуржье. Каменные бабы. Памятники Золотой Орды. Мавзолее у пос. Варна» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.827, л.354).

Позднее для студентов-археологов К.В.Сальников разработал еще один спецкурс «Новые достижения советской археологии», содержание и программу которого обнаружить пока не удалось.

С лета 1946 г. К.В.Сальников организовал для студентов археологическую практику, которую они проходили в составе Южноуральской и Среднеуральской экспедиций УрГУ. Сам факт существования в университете двух археологических экспедиций был весьма нерационален. Это приводило к распылению сил и средств небольшого археологического коллектива. Тематически исследования велись в контексте решения разных научных проблем, что не позволило научным

силам УрГУ объединиться и стало негативным фактором в развитии археологии в университете.

К.В.Сальников был организатором и бессменным руководителем Южноуральской археологической экспедиции, которая успешно работала в Челябинской, Курганской областях и в Башкирии. Она исследовала многие памятники эпохи неолита, бронзы и раннего железного века (Викторов В.П., 1999, с.33). Среднеуральской экспедицией с 1949 по 1959 г. руководила Е.М.Берс.

Важной формой подготовки археологов стал студенческий археологический кружок. Именно он являлся основным способом специализации студентов, удовлетворяя их познавательный интерес к археологическому прошлому Урала. Его организация последовала сразу же вслед за приходом К.В.Сальникова в УрГУ в 1946 г. В начале в нем занималось всего 4 студента, но уже в 1947 г. было 15 человек (ГАСО, ф.2110-р, оп.3, д.4, л.49). Кружок созывался с периодичностью 1 раз в месяц (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.51). Как научный руководитель студенческого кружка К.В.Сальников предлагал студентам для обсуждения самые разнообразные темы. Так, в 1946-1947 учебном году ими были рассмотрены следующие вопросы:

- «1. Конструкция палеолитических жилищ.
2. Пещерная живопись в СССР.
3. Палеолит в Восточной Сибири.
4. Уральский энеолит.
5. Наскальные изображения эпохи энеолита на Северо-Западе СССР.
6. Горное дело в эпоху бронзы.
7. Вооружение скифо-сарматских племен на Урале.
8. Андроновские погребения Южного Зауралья и Приуралья.
9. Городища Прикамья.
10. Археологическая экспедиция в УрГУ в 1946 г.
11. Ископаемый человек на территории СССР.
12. Эпоха бронзы в Среднем Поволжье» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.56).

На заседаниях кружка К.В.Сальников обучал студентов методике ведения полевых исследований. «Узнав от О.Н.Бадера об успешном привлечении студентов к археологическим разведкам, Константин Владимирович провел для кружковцев цикл занятий по методам археологических разведок, поиску археологических памятников, их первичному изучению и документации» (Викторов В.П., 1999, с.33).

Здесь же обсуждались сообщения ученого об итогах ежегодных археологических совещаний в Москве, результатах его собственных полевых исследований, доклады студентов по прочитанной литературе. Например, В.П.Викторову запомнились доклады Р.В.Ивановой «Скифы Урала» и Б.Цыпина «Роль керамики в изучении древних культур».

Студенты готовили доклады на конференции, опираясь на научную литературу и анализ обрабатываемого в кабинете археологии материала. Так, на студенческой конференции 1952 г. с докладами по теме «Керамика Южной Башкирии по разведкам 1952 г.» выступила В.Д.Красноперова, студентка III курса. Студент V курса В.П.Викторов изложил результаты разведок Ишимбаевского отряда Южноуральской археологической экспедиции УрГУ (Пономарева Т.М., 1999, с.15).

Ежегодно в археологическом кружке навыки практической и теоретической деятельности получали около 10 студентов. В отчетах СНО кружок «Археология Урала» из года в год фигурировал в качестве лучшего кружка истфака, а К.В.Сальников в качестве лучшего руководителя (Дмитриевская Т.В., 1999, с.78).

Сохранилась тематика курсовых и дипломных работ, которую К.В.Сальников предлагал своим студентам. Она немногочисленна, что, очевидно, может свидетельствовать о небольшом количестве студентов, занимавшихся археологией в 1946 - 1947 учебном году. Это были следующие темы:

1. *К вопросу о возникновении скотоводства на Урале.*
2. *Уральские торфяники как исторический источник.*
3. *Археологические данные о древнейшем земледелии на Урале»* (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.55). Судя по каталогу ПНИАЛ УрГУ, тематика курсовых носила конкретно-исторический характер и кроме названных тем включала в себя следующие: «*Становление патриархата у древних племен степного Зауралья*», «*Древнейшее скотоводство на Восточном Урале*». Были здесь и темы, связанные с научными интересами К.В.Сальникова: «*Памятники срубной культуры на территории Южной Башкирии*», «*Сарматские племена на территории Башкирской АССР*», «*Культурные связи андроновских племен с западными соседями*» (Архив ПНИАЛ, ф.III. Диссертации, курсовые и дипломные работы).

Важным событием в развитии археологии в УрГУ стало первое уральское археологическое совещание, проходившее в Перми в апреле 1947 г. Кроме К.В.Сальникова и Е.М.Берс,

работавшей тогда ассистентом кафедры истории СССР, в Пермь были командированы и занимавшиеся в археологическом кружке студенты: И.Ф.Житкова, Р.Д.Кормина и В.И.Кикиморина. «Наши студенты, - написал в отчете об этом совещании К.В.Сальников, - кроме участия в заседаниях, установили личную связь со студентами-археологами Молотовского университета, участвовали в заседании археологического кружка, на котором взаимно познакомились с работой научных студенческих кружков Уральского и Молотовского ГУ» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.146).

Вся организационная, педагогическая, исследовательская работа по археологии с конца 1940-х до 1960 г. формально по многим параметрам совпадает с тем, что делалось в эти же годы в Пермском университете (создание кабинета, кружка, специализации по археологии, наличие двух археологических экспедиций в университете). Однако это не позволяет говорить о складывании в данный период научной школы в Свердловске.

Причины этого, на мой взгляд, кроются в целом ряде обстоятельств. Первое. В коллективе археологов существовало два самостоятельных исследователя, обладавших качествами лидера, развивавших совершенно различные исследовательские подходы. Программа К.В.Сальникова территориально была ориентирована на Южный Урал. В содержательном плане в его работах отчетливо прослеживается ориентация на концепцию бронзового века В.А.Городцова. В методическом - все его творчество освящено своего рода культом источника (Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999, с.32). Наконец, за К.В.Сальниковым был большой опыт профессиональной подготовки.

Е.М.Берс исследовала археологические памятники горно-лесного Зауралья в верховьях р.Исети. Ее научный подход опирался на личный исследовательский опыт, почерпнутый из участия в работе экспедиций П.А.Дмитриева и А.А.Берса. Специального профессионального образования и вообще высшего образования Е.М.Берс не имела. Этот факт ничуть не умаляет ее научного вклада в изучение археологии Урала. Но, по всей видимости, именно он сыграл негативную роль в несостоявшейся консолидации исследовательских программ в одно целое. Это позволило бы в рамках единого подхода изучать памятники не только в связи с личными научными

интересами, но и определить те актуальные проблемы, к решению которых можно было бы привлечь и студентов, обеспечив тем самым линию преемственности программы и возможности ее содержательного расширения. Этого не произошло. Оба направления в исследованиях развивались параллельно.

Иногда интересы ученых пересекались не только в сфере исследований, но и в области психологии научного творчества. Не раз возникали сложные ситуации, связанные с оценкой научной компетентности Е.М.Берс. Среди протоколов заседания кафедры истории СССР за 1951 г. большой пакет документов связан с негативным отзывом на отчет Е.М.Берс по итогам работ Среднеуральской экспедиции за 1951 г. и отказом ИИМК в выдаче исследовательнице очередного Открытого листа.

Первый из документов называется «Отзыв на отчет Е.М.Берс по «раскопкам» и разведкам Среднеуральской экспедиции» из ИИМКа. В нем в очень жесткой форме давалась оценка полевых исследований ученого и подвергалась сомнению ее научная компетентность: «Составить отзыв на отчет, представленный Е.М.Берс, является делом очень сложным, поскольку и понять-то его далеко не всегда возможно. В некоторых случаях последнее объясняется тем, что отчет написан каким-то псевдонаучным, а по существу говоря просто ломаным языком, а в других-тем, что автор не составил себе достаточно четкого представления о предметах его рассуждений, не разобравшись в стратиграфии памятника». Отзыв резюмирует: «Е.М.Берс не владеет в надлежащей мере техникой археологических раскопок, не имеет достаточных знаний, подготовки и опыта правильного чтения стратиграфии, не в состоянии правильно понять и оценить обнаруживаемые при раскопках древние остатки и материалы. Не имеет достаточной подготовки для проведения формально-типологического анализа материала, что ведет к неправильным выводам. Не в состоянии сколько-нибудь ясно и понятно изложить результаты своей работы, хотя бы в виде отчета. В целом полагаю, что Е.М.Берс показала, что не обладает достаточной квалификацией, необходимой для самостоятельных раскопок, а тем более столь сложных и многосложных памятников» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.85-90).

В ходе обсуждения этого отзыва ИИМКа на заседании кафедры К.В.Сальников высказал следующее мнение: «В этом

отзыве Е.М.Берс брошено очень серьезное обвинение. Она лишена возможности вести раскопки. У Берс нет теоретической подготовки. С раскопками рядовых памятников она справлялась, но данные памятники очень сложны. В работе Берс есть большой недостаток: ее торопливость, стремление к эффектным памятникам. Я категорически возражал против раскопок на г.Думной. Это памятник очень сложный - первый памятник по древней металлургии Урала. Раскопки такого памятника требуют специальной подготовки по металлургии. Смелость Берс должна была применяться очень осторожно. Берс способный человек и расти может. Ей необходимо окончить университет. Кроме того, ей нужно учиться у опытных археологов. Она переоценивает свои силы. Считаю, что Е.М.Берс докажет в дальнейшем свои возможности и способности» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.75-76).

Доцент В.В.Адамов в своем выступлении постарался вскрыть причины проблем, вставших перед Е.М.Берс: «Дело не в отчете. Между археологами сложились ненормальные отношения. Как не права Берс, так же не прав и Сальников. По результатам раскопок Берс с 1947 г. кафедра всегда слушала отчеты, но Сальников ни разу не подверг сомнению методику работы Е.М.Берс. На материалах раскопок Берс делала ряд докладов, написала ряд статей и нигде ее методика не подвергалась сомнению. Вдруг она оказалась совершенно непригодной и порочной. *Вопрос об объединении наших археологов очень сложен. Научные интересы их расходятся. Работа над памятниками лесного Зауралья, над которыми работает Берс, очень необходима. Нужно обеспечить такую организацию работ, чтобы самостоятельность Берс не подавлялась, если мы должны будем пойти на объединение работ археологов. У меня сложилось впечатление, что это вопрос главный. А дружную работу археологов на кафедре нужно наладить*» (выделено мной - О.М.) (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.78).

К.В.Сальников в ответ на это предложение высказал мысль, по которой «наладить совместную работу сейчас трудно по формальным показателям. В отношении совместной работы вопрос ставился, но всегда встречал сопротивление со стороны Берс. Она может работать самостоятельно и будет работать, но пусть прислушивается к указаниям, пусть пользуется консультациями, чего она не хочет и не делает» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.79).

В фондах ГАСО, сохранилось письмо из сектора неолита и бронзы ИИМК, подписанное Н.Я.Мерпертом., являвшимся в 1955 г. ученым секретарем сектора. В нем дана негативная рецензия на книгу Е.М.Берс «Археологические памятники Свердловска и его окрестностей». Кроме детального анализа недостатков книги в письме указывалось, что «научные и научно-популярные книги нельзя выпускать без научной редакции. *Нельзя также не пожалеть об отсутствии в Уральском университете, где работает Е.М.Берс, научного коллектива археологов* (выделено мной - О.М), в котором могли бы обсуждаться и получать апробацию ее работы. Е.М.Берс работает в одиночку, в чем коренится причина ее многих ошибок. Хочется, чтобы УрГУ ближе интересовался работой своих сотрудников и оказывал им больше помощи» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.848, л.26).

Кроме этих обстоятельств, не позволяющих фиксировать наличие научной школы в УрГУ в 40-50-е гг. XX в. следует, очевидно, указать и на причины организационного свойства. Несмотря на то, что термин «специализация «археология»» нередко присутствует в материалах кафедры истории СССР, полноценной, оформленной организационно, специализации по археологии в УрГУ не было. Студенты получали общий диплом преподавателя истории. Следовательно, и объем часов, выделенных на профессиональную подготовку, был явно недостаточным. Два спецкурса и занятия в кружке «Археология Урала» не могли в полной мере компенсировать нехватку системных теоретических и практических знаний. Широкие междисциплинарные связи, приглашение специалистов для чтения спецкурсов было невозможно, в силу ограниченности учебного плана, не предусматривавшего при отсутствии специализации по археологии, глубокого обсуждения археологических проблем. Поэтому заложенные потенции для развития научной школы не были реализованы.

Во многом проблемы личного неприятия двух сотрудников, очевидно, были в немалой степени спровоцированы особенностями судьбы ученых, так или иначе сталкивавшихся с прессом тоталитарного государства. В плане развития научной деятельности это сыграло свою негативную роль: при формальном наличии студентов - учеников, строго говоря, нельзя называть последних именно учениками в понятиях концепции научной школы, поскольку отсутствовала единая взаимосвязь линии «учитель- ученик» в рамках общей

исследовательской программы. Наличие двух лидеров в коллективе, заинтересованных в решении разных исследовательских задач, сыграло центробежную, а не консолидирующую роль и не прибавило силы и интеллектуальной мощи той и другой программе.

В исследовании В.С.Горбунова и С.А.Яминовой, посвященном концепции бронзового века Южного Урала К.В.Сальникова, высказывается мысль о том, что ученым все же была создана своя научная школа, но уже в последующий период научного творчества, связанный с его деятельностью в Башкирии после 1960 г. (Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999, с.33). Думается, что эта оценка не вполне верна. Для научной школы характерно не только единство научных принципов и самостоятельность их развития. Важна деятельность школы в трех основных направлениях - организационном, педагогическом, познавательном. При этом существенную роль играет не только наличие исследовательской программы, но и развитие линии «учитель-ученик», связанной с качествами лидера школы. В предложенной трактовке мы имеем дело лишь с реализацией одного - последнего элемента - познавательной деятельностью, строго называемой исследовательской программой. В данной ситуации, возможно, следует говорить не о научной школе, а о научном направлении в изучении бронзового века на территории Южного Урала. Справедливости ради, следует указать, что данное замечание относится к следующему этапу деятельности К.В.Сальникова, не связанному с работой в УрГУ. Но оно важно для понимания существенных признаков научных школ.

В мае 1960 г. К.В.Сальников был приглашен на работу в Башкирский филиал АН СССР, стал старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы (Викторов В.П., 1999, с.33). В научной литературе по поводу этого ухода К.В.Сальникова из УрГУ встречается одно беглое замечание В.И.Матюшенко: «В начале 60-х гг. в Уральском университете активную работу развернул В.Ф.Генинг. Приход его в университет был сопряжен с серьезными осложнениями в жизни К.В.Сальникова и Е.М.Берс. Не пытаясь выяснить все тонкости перипетий отношений В.Ф.Генинга со своими свердловскими коллегами, отметим только, что в итоге К.В.Сальников был вынужден уехать в Уфу, а Е.М.Берс - в Новосибирск. Этот случай имел в среде археологов неприятный резонанс, свидетельствуя о возможностях

различных коллизий в отношениях поколений археологов. К счастью, такие случаи очень редки» (Матюшенко В.И., 2001, с.35). Этот факт еще раз подчеркивает необходимость проведения междисциплинарного исследования в изучении научных школ. В частности, важным компонентом такого изучения является психология научного творчества и субординация в отношениях между учеными. Во всяком случае, формально К.В.Сальников был приглашен в Уфу в мае 1960 г., а В.Ф.Генинг приступил к работе в УрГУ в сентябре 1960 г. Поэтому складывается впечатление о простой смене научных кадров в УрГУ. Хотя, не исключено, что за ними стояли иные, более впечатляющие причины, не нашедшие отражения в историографических источниках.

Таким образом, на протяжении более чем векового развития археология в Свердловске, и в том числе в Уральском университете, имела прочные традиции как в выборе предметной сферы исследований, так и в методическом смысле. К началу 60-х гг. XX в. в УрГУ были заложены организационные, исследовательские и педагогические основы будущей научной школы, связанной с деятельностью В.Ф.Генинга.

Глава 3

ОЧЕРК НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ В.Ф.ГЕНИНГА ДО НАЧАЛА РАБОТЫ В УРАЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1947-1960 гг.)

В.Ф.Генинг был приглашен в Уральский университет в 1959 г. (по другим свидетельствам - в 1960 г.). Есть информация, что его приглашение было инициировано Е.М.Берс. Но, учитывая сложный характер их последующих взаимоотношений, не очень верится в эти легендарные сведения.

К 1960 г. В.Ф.Генинг был уже сложившимся ученым, обладавшим опытом полевой и камеральной работы. Начальный этап его научного становления в археологии связан с пермской научной школой археологов О.Н.Бадера. Затем последовала самостоятельная работа в краеведческом музее в Ижевске и годы учебы в аспирантуре в Казани. Проанализируем процесс становления ученого более подробно. Это важно для определения генетических связей свердловской научной школы археологов.

Осмыслению творческой деятельности В.Ф.Генинга, изложению его научной биографии посвящено немало работ его учеников. Пионером среди этих исследователей стала В.Т.Ковалева (Ковалева В.Т., 1990). Затем появились небольшие статьи учеников, следовавшие как реакция на уход ученого из жизни (Ашихмина Л.И., 1994; Бунятян Е.П., 1994; Мельникова О.М., 1994; Пустовалов С.Ж., 1994). Было проведено немало научных конференций, посвященных В.Ф.Генингу (н.р.: Сыктывкар, 1994; Екатеринбург, 1999; Ижевск, 2000; Киев, 2002). За эти годы вышли работы биографического характера (н.р.: Генинг Владимир Федорович. Биография., 1995, с.222-223; Ковалева В.Т., 1999; Овчинникова Б.Б., 1999 и др.). Появились исследования, связанные с оценкой научного вклада В.Ф.Генинга в археологию (н.р. Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв., 2000).

Полученные мною сведения в архивах Екатеринбурга, Киева, Перми, Ижевска позволяют дать более обстоятельную характеристику научной деятельности В.Ф.Генинга. Особое место среди архивных материалов занимает его «Автобиография научной деятельности». В ней представлено собственное видение исследователем его научного вклада в археологию. В.Ф.Генинг, составляя «Автобиографию научной деятельности», подчеркивал, что «изложить научную биографию, по-видимому, невозможно без хотя бы краткого обзора общей трудовой деятельности, которая, конечно, оказывает большое влияние на научную работу, как в отношении выбора района работ, так и тематики. Кроме того, составляет проблему само изложение научной деятельности в археологии, где проведение экспедиций и получение материалов нередко отделено от его публикации и научного осмысления десятилетиями» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.145)*.

В.Ф.Генинг родился 10 мая 1924 г. в Алтайском крае. Биографические статьи указывают в качестве места рождения село Подсосново (Бунятян Е.П., 1994; Овчинникова Б.Б., 1999). Сам В.Ф.Генинг в рукописной «Автобиографии», хранящейся в «Личном деле» в Пермском госуниверситете, в качестве места рождения указывает г.Славгород. Отец В.Ф.Генинга Федор Карлович был учителем, мать - Софья Федоровна Роот - бухгалтером. По воспоминаниям дочери ученого Л.В.Чижовой старшее поколение Генингов оказалось на Алтае во время знаменитой столыпинской аграрной реформы, куда отправилось с берегов Волги в поисках лучшей доли. В 1930 г. родители разошлись. За новым браком матери последовал переезд семьи в 1932 г. в г. Новосибирск, затем в 1936 г. в г.Талды-Курган Казахской ССР (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело студента Генинга В.Ф., л.2).

В 1941 г. родители переехали в поселок Текели Талды-Курганского района Алма-Атинской области на строительство комбината. Именно там, в 1942 г., В.Ф.Генинг окончил Текелийскую среднюю школу. В аттестате, выданном по этому случаю, указывалось, что при отличном поведении В.Ф.Генинг обнаружил только отличные и хорошие оценки, за исключением немецкого языка, знание которого было оценено на посредственно (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело студента Генинга В.Ф., л.5).

* Ссылки приводятся по публикации «Автобиографии» в настоящем издании

После окончания школы В.Ф.Генинг разделил участь многих советских немцев. Он был мобилизован в трудармию по национальному признаку. С июня 1942 г. по апрель 1945 г. он находился в рабочих колониях Казани и Ульяновска, где работал на разных должностях (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело студента Генинг В.Ф., л.5). П.Н.Старостин, известный казанский археолог, рассказывал мне о том, что позднее, приезжая в Казань в научные командировки, В.Ф.Генинг с горечью вспоминал о своем участии в строительстве железной дороги Свияжск-Ульяновск, построенной на костях советских немцев. «Об этом я дважды слышал от Владимира Федоровича. Первый раз мне он рассказывал об этом в 1980 г. Тогда он прилетел из Киева в Казань, и ему нужно было добраться до Ижевска поездом. У Владимира Федоровича было свободное время, и он зашел в здание Казанского научного центра АН СССР. Тогда он рассказал о том, что в декабре 1942 г. около 500 немцев из Сибири были привезены в Казань и в лютую стужу были размещены в палатках на берегу р. Казанки. Труд пригнанных был связан со строительством моста через Казанку под Кремлем. Это было тяжелое время. К весне половина прибывших скончалась от голода, болезней и тяжелых работ. Владимир Федорович говорил, что к весне он почувствовал слабость и обратился к врачу. Тот осмотрел его и сказал: «Я напишу Вам справку, и Вас переведут на другую работу». Действительно, вскоре Владимира Федоровича перевели на строительство железной дороги «Казань-Сталинград», которое шло в 1943 г. Там уже жили в домах и кормить стали лучше. Владимир Федорович рассказывал, что прекрасно знает все станции от Свияжска до Ульяновска (Кильзуразы, Бурундуки, Буинск и все остальные). В 1944 г. В.Ф.Генинг был переведен на работы в один из совхозов Ульяновской области. Он рассказывал, что тогда стало жить более менее терпимо» (Личный архив автора).

В апреле 1945 г. Владимир Федорович был переведен на работу в Красновишерский леспромхоз Пермской области, где в течение четырех месяцев работал десятником лесозаготовок. Оттуда по распоряжению районного отдела народного образования и по указанию РК ВКП(б) был переведен в Велсовскую семилетнюю школу в качестве преподавателя истории, географии и немецкого языка. Через год после закрытия школы в поселке Велс последовал перевод

преподавателем немецкого языка в семилетнюю школу г. Красновишерска. Одновременно В.Ф.Генинг работал преподавателем в школе рабочей молодежи.

В 1946 г. он женился. А в 1947 г. поступил на I курс заочного отделения историко-филологического факультета Молотовского университета (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело студента Генинга В.Ф., л.5).

В том же 1947 г. В.Ф.Генинг провел со школьниками 6-7 классов г. Красновишерска туристский поход по р.Вишере - «реке дивной красоты, с прозрачной кристально чистой водой, шумными перекатами и тихими плесами, залесенными берегами с каменистыми обнажениями-«камнями», отвесно стоящими над рекой. Каждый из них имеет свое имя: Говорливый Камень, Писанный Камень, Моховой Камень и многие другие. В первый год мы больше любовались природой, собирали минералы и растения, а по реке добрались до самых порогов, что в 72 км от последнего поселка Велс» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.146).

В 1948 г. во время такого же похода по этому маршруту туристы занялись изучением истории края. «Посетили заброшенный еще с 1905 г. завод, построенный французским обществом на р.Кутим, а затем остановились у Писаного Камня, где по сведениям краеведческой литературы находились наскальные рисунки. Но к этому времени уже определилась моя «специализация». Накануне, в июле месяце я сдал экзамены за I курс в университете и познакомился с О.Н.Бадером. Он был страшно занят организацией работ на палеолитической стоянке им.Талицкого и поселениях эпохи бронзы в низовьях р.Чусовой. Времени у него было, вероятно, в обрез, поэтому мое обращение с просьбой проинструктировать, как провести полевые работы в походе, который я провожу со школьниками, вызвало довольно большое удивление (тем более что я еще не сдавал ему экзамен по археологии!). Вероятно, мои просьбы были настойчивы, и О.Н.Бадер дал мне на лето небольшую книгу, посвященную археологическим занятиям туристов, и пожелал успехов! Эта книжка была моим первым наставлением в археологической деятельности, поэтому в память о данном жизненном повороте, первая книжка, которую я написал и опубликовал, также была посвящена археологическим занятиям юных туристов!

Писанный Камень - это ряд отвесных стен-скал высотой 60-90 м. У подножья одной расположена узкая полоска земли

длиной всего 45 м! Над этим участком на скале нанесено множество разнообразных рисунков на высоте до 5-6 м. Приспособления для копирования рисунков были, конечно, весьма примитивны, но все же большинство лучше сохранившихся изображений мы скопировали. Кроме того, у подножия начали раскопки. И хотя вскрыли всего около 2 кв.м, вещей собрали много и самых оригинальных, которых в дальнейшем при вскрытии не оказалось на других участках!

С этой коллекцией и копиями рисунков я и появился в сентябре 1948 г. в кабинете археологии, несказанно удивив своих будущих однокурсников - В.Оборина, В.Денисова, Е.Белоусова, Т.Медведеву, С.Володину. Очень заинтересовался нашими открытиями и О.Н.Бадер» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.147).

В.П.Денисов, однокурсник Владимира Федоровича, дополнил эту информацию еще и тем, что во время того туристского похода, кроме Писаного Камня между деревнями Акчим и Писаной, В.Ф.Генингом было осмотрено несколько пещер. «На одном из первых заседаний археологического кружка О.Н.Бадер представил В.Ф.Генинга и попросил его познакомить членов кружка с результатами своих рекогносцировочных исследований, проведенных на Писаном Камне. Материал был настолько интересен, что О.Н.Бадер предложил продолжить начатое Генингом исследование и провести археологическую практику на Писаном Камне» (Денисов В.П., 2000, с.189).

1948 г. стал знаменательным для Владимира Федоровича не только тем, что он впервые прикоснулся к археологии. В этом году в связи с ликвидацией заочного отделения при Пермском университете В.Ф.Генинг переведен на II курс дневного исторического отделения историко-филологического факультета (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело студента Генинга В.Ф., л.5).

Т.А.Федорова, однокурсница В.Ф.Генинга, вспоминала о появлении его на курсе: «С первого же занятия он произвел на нас большое впечатление как человек эрудированный и очень приветливый, веселый, внимательный к людям. Он был всеми обожаемый человек. Очень серьезно относился к учебе (университет В.Ф.Генинг закончил с отличием). И нужно сказать, что он родился с призванием археолога, хотя интересовался не только археологией, но и историей края, т.к. он преподавал историю в школе. Это был человек большого

педагогического таланта, умел находить людей и умел воспитывать их. Он был настоящим учителем, не только способствующим тому, чтобы в головах у людей накапливались определенные знания, но и тому, чтобы они формировались как организаторы. К сожалению, он попал, как говорится, под колесо истории, ему было очень тяжело, и он иногда делился со мной. У меня было порой такое желание помочь, куда-то пойти, рассказать о нем, о таком человеке, что он никому никогда не принесет вреда. Но время было такое, что никуда не пойдешь и не скажешь. Его угнетало то, что ему нельзя было перемещаться, каждую неделю необходимо было делать отметки в спецкомендатуре и обо всех своих перемещениях сообщать туда» (Ильина Е.В., 1997, с.43).

В.Ф.Генинг был активным студентом, принимал участие не только в работе СНО, но и во всех делах факультета. В одной из сохранившихся характеристик, данных ему в университете, подчеркивалось, что он «имеет только отличные оценки, является весьма активным общественником по линии комсомольской организации, которому можно поручить ответственную общественную работу» (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело студента Генинга В.Ф., л.17).

Но главным его увлечением в университете была, все-таки, археология. О.Н.Бадер являлся не только блестящим лектором. Он сразу привлек студентов к настоящей профессиональной работе археолога. Свое педагогическое кредо О.Н.Бадер сформулировал достаточно четко в тезисах к заседанию кафедры всеобщей истории ПГУ: «Ничто не может возбудить у учащейся молодежи такой творческой энергии, какую возбуждает и развивает воспитание самостоятельности. Научно-исследовательская работа - одно из важнейших средств выработки этого необходимого качества. Научно-исследовательская работа студента - методическая форма высшего образования, обучения. Активная научно-исследовательская работа студента делает высшее образование особенно полноценным. Научная работа в высшем учебном заведении необходима потому, что она - обязательный элемент подготовки молодого специалиста. 1. Научно- исследовательская работа по специальности. 2. Применение марксистско-ленинской методологии. 3. Обучение студентов самостоятельной работе над источниками. 4. Связь научной работы студентов с практикой (у нас с работами КАЭ и краеведческим музеем). 4. Строить

взаимоотношения со студентами на принципах товарищеского сотрудничества (осознание себя членом научного коллектива). 5. Публикация лучших студенческих работ. 6. Тесная связь научного студенческого общества с другими кафедрами (история СССР, геология, ботаника, зоология, химия).

Связь теоретического преподавания с практикой как средство экономленного времени. Более рациональное использование времени в вузе откроет много резервов для научно-исследовательской работы. Ставить на кафедре студенческие доклады. Привлекать студентов. Регулярно обсуждать работы студентов. Равномернее распределять нагрузку. Второй день для самостоятельной научной работы студенчества» (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера).

Со своими учениками О.Н.Бадер часто проводил занятия в Пермском областном краеведческом музее, в котором хранилась большая часть известной коллекции Теплоуховых. В годы Великой Отечественной войны в музее размещался госпиталь, и коллекции были свернуты. С помощью студентов это собрание было разобрано и систематизировано. Результат этих работ не замедлил сказаться. В.А.Оборин и В.Ф.Генинг упорядочили керамику, относящуюся к гляденовской, ломоватовской и родановской культурам, и на заседании археологического кружка сделали совместный доклад, проиллюстрированный грандиозными таблицами.

«Отдельные вопросы или проблемы выносились на обсуждение более узкого круга старших студентов на коллоквиумах, которые проводил О.Н.Бадер. В результате жарких дискуссий приходили к решению тех или иных вопросов, касающихся точки зрения самих студентов. На этих заседаниях допускалось пересматривать или уточнять точку зрения учителя. Многие вопросы периодизации, хронологии и культурной принадлежности отдельных памятников или культур были решены на этих заседаниях. В дальнейшем, как правило, авторы этих дискуссий сохранили свою приверженность выбранной тематике и значительно расширили ее и во многом углубили, опираясь на новейший материал, который они добывали в многочисленных археологических экспедициях, архивах, музейных хранилищах» (Денисов В.П., 2000, с.190).

Направление научных изысканий В.Ф.Генинга, предложенное О.Н.Бадером, было связано с изучением эпохи

раннего железного века в Прикамье. Его последовательное изучение представлено в курсовых работах студента Генинга. Фундаментальной по своей научной смелости и объему стала уже упомянутая совместная с В.А.Обориным курсовая работа «Развитие гончарного производства в Верхнем Прикамье от неолита до первых русских поселений» (работа 1950 г.), написанная на основе коллекции Теплоуховых. В ней В.Ф.Генинг подготовил раздел «Гончарное производство в Прикамье в период до н.э.», а В.А.Оборин - «Гончарное производство в Прикамье в период н.э. до XVII в.». Но еще до этого в 1949 г. Владимир Федорович написал работу «К истории Вишерского края», в 1951 - «Могильники ломоватовской эпохи в бассейне р. Сылвы».

Кроме того, В.Ф.Генинг, как активно работающий студент-исследователь, неоднократно докладывал результаты своей работы на студенческих научных конференциях, которые ежегодно проходили в университете. В ГАПО сохранилось упоминание о работе «Распространение ананьинской культуры в Прикамье» (ГАПО, ф.р-180, оп.12, д.280, л.94), отмеченной поощрением Министерства высшего образования СССР. В 1951 г. ОК ВЛКСМ наградил В.Ф.Генинга грамотой за доклад «К вопросу о гляденовской культуре». В 1952 г. Министерством высшего образования была поощрена совместная работа В.Ф.Генинга и М.А.Ланько «Сылвенская культура IX-X вв.» (ГАПО, ф.р-180, оп.12, д.280, л.71,81).

Завершились студенческие научные исследования В.Ф.Генинга дипломным сочинением «Археологические памятники ломоватовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье». Оно было защищено на «отлично» 23 мая 1952 г. Сохранились черновые замечания и чистовик отзыва на эту работу, написанные научным руководителем О.Н.Бадером. Судя по содержанию черновика этого отзыва, О.Н.Бадер не делал скидки на то, что перед ним студенческая работа. Он вел себя как строгий оппонент. В чистовой вариант отзыва многие замечания не попали. Очевидно, они были учтены студентом. На черновике отзыва рукой Отто Николаевича вычеркнут ряд абзацев, а на первой странице стоит надпись: «Отметка карандашом - не включил в отзыв». Он датирован 19-20 мая 1952 г. О.Н.Бадер обращает внимание на следующее: «Вопросы:

-Когда Волегов положил начало сборам ломоватовских материалов?

-с.13. Не-харинских курганных могильников в Верхнем Прикамье нет, но на той же странице говорится об одиночных курганах, не нанесенных на карту. Если это не погребальные курганы, то надо бы взять их в кавычки.

-Откуда известно, что в качестве жертвы на древние святилища Прикамья приносили украшения местного изготовления и оружие? (с.39).

-Почему (с.152) датировка Шмидтом ломоватовской культуры VI-VIII в.в. неверна в своей ранней грани?

-Знаете ли примеры кочевого скотоводства со свиньей в стаде?

-Из чего следует, что в гляденовское время для земледелия использовались надпойменные террасы? И что между земледелием и скотоводством установилось «своеобразное равновесие»?

-Если гляденовская родовая организация мало отлична от ананьинской, то чем объясняется разница в площади ананьинских и гляденовских городищ? (с.42, 30)

-Если харинские и ломоватовские городища служили не постоянными жилищами, а убежищами, то можно ли исчислять их население по площади аналогично с постоянными поселениями?

-Каково хозяйство тех конкретных обществ, из которых описывает патриархальную семью?

-Почему методом исключения угры могут быть локализованы в области Среднего и Южного Урала?

Язык. Стиль. (с.8, 23, 39, 67, 75, 143, 156, 168, 191, 192, 201): «эллиптическая форма» (много раз), «святилища» (много раз). Много ошибок в тексте. Старая нелюбовь к знакам препинания. Типична несогласованность с подлежащим: «Большинство тиглей однотипны: это массовые высокие конические сосуды» (с.168). «Большинство...(много раз) - от спешки. Надо всегда, когда это можно, выражаться точно.

«Новейшие исследования» - слишком часто.

Стиль изложения (построение фраз, согласование сказуемого, прилагательных, определений с подлежащими) оставляет желать лучшего, в особенности в последних главах.

Замечания. В литературе вопрос о гляденовской культуре не только оставался, но и остается спорным, а для каждого из авторов, писавших по этому вопросу, он казался, вероятно, не менее ясным, чем Генингу и Оборину.

Недостатки. Нет ссылок на рисунки, нет табл. II. На таблицах следовало бы указать, что фото вещей сделаны по

коллекции такого-то музея или пересняты из работы такого-то, что придаст им более достоверный и документальный характер.

Неубедительна версия о местонахождении восточного серебра: будто это клады ценных вещей, похищенных с родовых святилищ. Не додумал: и в культе, и клады ценностей для обмена, но зачем же это только «похищенные с родовых святилищ?» - натяжка.

Датировка малых городищ неволинского времени еще только намечается, но еще не доказана: находками на городищах не доказана, но лишь сопоставлением близости неволинские могильники и находки к городищам небольших размеров. НАДО КОПАТЬ.

Разрешение вопроса об основных формах хозяйства, в особенности, о полукочевом скотоводстве не может быть окончательным до обработки фауны с нескольких раскопанных городищ и селищ с установлением соотношений.

Не убедительно, что пять линий укреплений строилось против конницы. И совсем уже напрасно автор использует это как аргумент в пользу полукочевого скотоводства.

Вообще выводы подчас не имеют прочной базы. Слишком преуменьшено значение лесной охоты «она носила чисто случайные встречи с животными». Очень неявно говорится о плавке железа в ямах. Очень часто говорится о совсем неоднозначных фактах, например: «изредка, вероятно, были уже и более...»

Фауна не определена.

Совершенно не выправлена! Невозможно читать! Ошибки даже в цитатах, примеров не привожу - они бесчисленны!

Плюсы. Харинско-ломоватовская эпоха в Прикамье впервые получила свою научную характеристику. Впервые выделены харинские городища, одно из которых подвергнуто раскопкам. При том широким.

Очень хороший подробный аппарат ссылок. Систематизация и реконструкция неволинского материала.

Очень интересно: процесс слияния харинской и гляденовской культур на примере ряда I Неволинского могильника. Большевесемейная община. Использует Энгельса, Косвена.

Этногенез, угорский. Преобладает угорский элемент в Сыктывкаре и Коми в Верхнем Прикамье» (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера). В завершении этого

отзыва на дипломную работу В.Ф.Генинга О.Н.Бадером подчеркнута та черта научного творчества ученого, которая будет характеризовать всю его последующую жизнь в науке: «Чрезвычайно увлекательная картина, над которой впервые поднимается завеса. И, увлекаясь ею вместе с автором, трудно оставаться трезвым, удержаться в рамках лишь вполне достоверных фактов» (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера).

Как видим, тематика научной деятельности В.Ф. Генинга была заложена в студенческие годы под воздействием О.Н.Бадера, привлечшего студентов к изучению разных эпох в прикамской археологии, с тем, чтобы равномерно были исследованы все стадии исторического развития региона. В.Ф.Генинг на долгие годы сохранил верность прикамской проблематике эпохи раннего железного века и раннего средневековья. Керамические изыскания так же впоследствии нашли свое продолжение в разработанной им методике анализа (Генинг В.Ф., 1992).

В студенческие годы научный интерес В.Ф.Генинга к археологии был связан не только с теоретическим обсуждением вопросов, но и активной ежегодной полевой работой. На первом этапе обучения студентов О.Н.Бадер давал им возможность самостоятельно работать на одном из раскопов изучаемых памятников. Это позволяло под наблюдением и руководством учителя осваивать навыки полевых исследований. С этой же целью часто делались выходы на археологические памятники в окрестностях Перми (Турбинский могильник, Галкинское городище, Левшинская стоянка). В эти годы систематически проводилась археологическая практика на раскапываемых КАЭ памятниках (стоянка им. Талицкого, Неволинский могильник, поселения Бор I, Боровое озеро II).

В.П.Денисов вспоминал, что первая, наиболее запомнившаяся ему, практика была проведена О.Н.Бадером на Писаном Камне в Красновишерском районе в 1949 г. Как уже указывалось, это место было избрано для работ под воздействием находок, привезенных В.Ф.Генингом в 1948 г. «Здесь В.Ф.Генинг показал, на что он способен. Практически он был нашим проводником, когда мы добирались из Красновишерска до Писаного камня. Через него осуществлялась связь с местным населением. Вместе с А.Д.Вечтомовым он детально скопировал писанцы, а

О.Н.Бадер и остальные члены этой небольшой экспедиции занимались изучением жертвенного места под Писаным Камнем» (Денисов В.П., 2000, с.190).

Другим местом приложения самостоятельных навыков студентов стала работа в течение месяца осени 1949 г. на раскопках большого жилища на стоянке Бор I на р.Чусовой. «Каждый сам копал, сам упаковывал, фиксировал остатки на чертежах и описывал все результаты. Полное самообслуживание и прекрасная школа! Это позволило О.Н.Бадеру уже на следующий год поставить каждого из нас - В.Оборина, В.Денисова, Т.Медведеву, В.Белоусова и меня - ответственными на раскопках, где работали 5-6 человек. Раскопки стоянок эпохи бронзы на Чусовой, весьма насыщенных кремнем и керамикой, так же остатками сооружений, требовали большой внимательности» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.149).

В.П.Денисов дополнил эту информацию: «В.Ф.Генинг показал, что умеет быстро принимать самостоятельные решения. Рядом со стоянкой нами была замечена неглубокая впадина, напоминавшая естественное понижение поверхности террасы. В.Ф.Генинг сразу же решил, что ее следует прозондировать. В результате была обнаружена еще одна стоянка - Боровое озеро VI, а затем и вскрыто большое жилище борской культуры» (Денисов В.П., 2000, с.190).

«Осенью того же года (1950 г.) вся наша группа проходила учебную практику на раскопках Неволинского могильника, где О.Н.Бадер так же организовал работы по принципу самообслуживания» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.149). Во время этих раскопок В.Ф.Генинг вместе с В.А.Обориным практически выполнили большую часть работ по фиксации погребальных комплексов. Владимир Федорович провел также обследование территории Кунгурского и Березовского районов Пермской области (Денисов В.П., 2000, с.190).

Такой подход О.Н. Бадера к подготовке археологов привел к тому, что уже в 1950 г. студентам были поручены самостоятельные раскопки - они стали руководителями отрядов нововстрочной КАЭ. В.Ф.Генинг был назначен начальником Добрянского отряда. «Отправляясь на раскопки Опутятского городища, Бурковского могильника и Усть-Туйского костища, он привлек к работе фотографа с полевой лабораторией, нескольких младших научных сотрудников и помощников. Жалел только об одном, что не сможет наладить

телефонную связь между раскапываемыми одновременно памятниками, т.к. не смог достать телефонного кабеля» (Денисов В.П., 2000, с.191). Сам В.Ф.Генинг подчеркивал, что в полевой работе в студенческие годы важно было в организации учебы и работы в широких масштабах не только личное участие, но и создание коллектива помощников, с которыми проводились ежегодные разведки и значительные раскопки. «В Пермском университете со мной активно сотрудничали В.И.Неприна, Ю.А.Поляков, М.А.Ланько, Э.Медникова, В.Лунев и другие» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.150).

Приобретение навыков полевой и камеральной работы позволило студентам ставить и решать серьезные научные проблемы. Это выразилось в том, что О.Н.Бадер прилагал усилия для публикации работ своих учеников в научных изданиях. Первая печатная работа В.Ф.Генинга вышла в 1951 г. в журнале КСИИМК «К вопросу о северной границе ананьинской культуры» (Генинг В.Ф., 1951, с.196-199).

Нередко юношеский максимализм вкупе со знанием новых источников, полученных КАЭ, приводил к выстраиванию самостоятельной аргументации собственной позиции исследователя и к критике научных авторитетов. В 1952 г. В.Н.Чернецов в письме к О.Н.Бадеру по поводу другой статьи В.Ф.Генинга писал: «Бор II втиснуть в МИА уже не удалось. Передаю его в «Советскую археологию». Отчет и работу Генинга - в КСИИМК. Последняя работа очень интересна, в отдельных частях дискуссионна. Это, конечно, неплохо, но авторы должны ожидать возражений со стороны А.П.Смирнова. Не могу согласиться с ними по датировке гляденовской культуры (II век до н.э.) по ее характеристике и т.д. Неясно, в какой связи с гляденовской культурой стоят такие памятники как Подчеремский клад III-IV вв. н.э.? Каковы этнические особенности гляденовской культуры, в отношении к Нижней Каме, с одной стороны, и Уралу и Зауралью, с другой? Я так же думаю, что, в отличие от Алексея Петровича, Среднюю Каму и Западное Зауралье следует в этническом отношении отличать от пьяноборской Нижней Камы, но считаю, что обоснования для этого утверждения следует дать глубже и шире, чем это делают авторы. Постараюсь кое-где смягчить излишне полемический характер некоторых высказываний, который едва ли будет полезен в данном случае. Работу я передам в КСИИМК, но, повторяю, она, несомненно,

вызовет возражения» (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера). Эта статья вышла в 1960 г. в соавторстве с В.А.Обориным (Генинг В.Ф., Оборин В.А., 1960, с.160-173).

О.Н.Бадер привлекал своих студентов и для написания статей для второго издания Большой Советской Энциклопедии. В письме в редакцию БСЭ по археологии и этнографии О.Н.Бадер направил «Дополнение к «Словнику»», где среди авторов предполагаемых статей - своих студентов - он называл В.Ф.Генинга как автора следующих возможных статей: «Ломоватовская культура», «Неволинский могильник», «Опутятское городище», «Лобач (городище)», «Харинский могильник», «Усть-Иргинский могильник», «Темная пещера на р.Вишере» (Архив кабинета археологии ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера). Правда, реально, если судить по «Библиографическому указателю» трудов В.Ф.Генинга, было опубликовано три его статьи: «Ломоватовская культура», «Неволинский могильник» и «Опутятское городище» (Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель, 1999, с.13).

Таким образом, в студенческие годы шло активное становление В.Ф.Генинга как ученого. Однокурсники выделяли в нем многие личные качества, которые способствовали этому. Сокурсница В.Ф.Генинга Т.А.Федорова вспоминала: «Владимир Федорович был очень трудолюбивым человеком, мог работать днями и ночами. В то время я была еще и лаборанткой в кабинете археологии, приходилось работать по ночам, обрабатывать материалы. Хотя кабинет на ночь закрывали и студентов не оставляли, а Генинг был студентом, но ему предоставлялось место для работы в кабинете археологии на всю ночь. Вообще он был неутомимый человек. Он был очень требовательным к себе, ученикам и коллегам. На раскопе и в быту царил дисциплина. Только она позволяла исключить всякие ЧП в лагере археологов. Одно и то же требование он не повторял дважды, «заслуженно наказывал». В университете Генинга считали первым, но по распределению направили учителем в деревню, в Коми-Пермяцкий округ, но даже там он остался незаурядным человеком, за что его любили ученики» (Ильина Е.В., 1997, с.42-43).

Другая однокурсница В.Ф. Генинга Л.Л.Сидорова вспоминала, что «Генинг был человеком светлым, жизнерадостным. Испытания жизни не сломили его интереса к археологии. Он был большим патриотом, причем истинным. О

таким человеком говорят, что это верный, настоящий, солнечный друг, излучавший энергию, широко образованный и, что самое главное, не заиклившийся на себе человек. Генинг - незаурядная личность, он был талантлив во всем, любил беседы о художественной литературе, в частности, о Мопассане, читал стихи Маяковского, всегда выступал на различных олимпиадах, приобщая других. Участвовал в университетской самодеятельности» (Ильина Е.В., 1997, с.42-43).

Характеристика, подписанная деканом историко-филологического факультета Молотовского университета А.А.Антоновым накануне госэкзаменов, подчеркивала, что «за время учебы т.Генинг показал себя дисциплинированным и хорошо успевающим студентом. Специализацию проходил при кабинете археологии. Работая в археологическом кружке, проявил большой интерес и способность к научно-исследовательской работе. За научную работу два раза награжден грамотами ОК ВЛКСМ. Как член ВЛКСМ, т. Генинг на II и III курсах был членом факбюро, на IV - председателем радиокомитета университета и участником художественной самодеятельности. Может быть использован на научно-исследовательской работе в области археологии» (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело. Генинг В.Ф., л.33). Эта характеристика была подтверждена и выданным В.Ф.Генингу дипломом №542706 (с отличием) о присуждении квалификации «научный сотрудник, преподаватель вуза и средней школы» (Архив ПГУ, ф.р-180, оп.2. Личное дело. Генинг В.Ф., л.35).

Однако началу самостоятельной научной деятельности предшествовало два года работы преподавателем истории в средних школах г.Кудымкар и с.Сива Пермской области. Возможно, это было связано с отсутствием в регионе вакансий для научных работников археологической квалификации. Об этом свидетельствует активная переписка О.Н.Бадера с научными учреждениями в Приуральском регионе, связанная с возможностью трудоустройства выпускников специализации «археология» (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера). Не исключено, что это являлось следствием положения этнических немцев и определялось сложностью их передвижений по стране. (Подобные проблемы были не только у Владимира Федоровича, но и у его жены - Тамары Карповны). Но свои занятия археологией в Кудымкаре В.Ф.Генинг не прекратил.

Будучи последовательным учеником своего учителя, он организовал при Кудымкарском музее кружок археологии из

старшеклассников. «Ребята познакомились с историей, занимались упорно, с большим интересом готовили доклады, даже с иллюстрациями. Не отпугнуло их и то, что пришлось в стужу заниматься в не отапливаемом помещении! Но они были вознаграждены - летом 20 школьников 8-9 классов составили основу экспедиции, проводившей раскопки Каневского могильника. 13 из них поехали затем на раскопки Бурковских курганов и Зародятского селища. Все они прекрасно рисовали, и это помогло уже в поле обработать весь материал. Одна из участниц этих работ Г.Климова увлеклась затем археологией и этнографией и стала специалистом-этнографом, а несколько других членов кружка избрали специальности, связанные с историей» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.150).

Еще в переписке 1952 г. с директором Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы И.Ф.Кутявиным и научным сотрудником УдНИИ А.Ф.Трефиловым О.Н.Бадер обсуждал кандидатуру Владимира Федоровича для работы в Ижевске. В июне 1952 г. А.Ф.Трефилов писал в одном из писем к О.Н.Бадеру: «Наши государственные органы, в том числе и Обком ВКП(б), заинтересовались Генингом. Дело в том, что почти сразу по приезде ему, вероятно, придется заступить к исполнению должности директора Удмуртского республиканского музея, так как Сутягин Михаил Никонович намерен повышать свое образование, и добивается освобождения от должности директора музея. Надо на имя музея срочно направить его анкетные данные. Я думаю, что мы с ним сработаемся, если он не возгордится своим высоким положением директора республиканского музея» (АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера).

Но приезд Владимира Федоровича в Ижевск состоялся лишь летом 1954 г., когда он по приглашению УдНИИ организовал Удмуртскую археологическую экспедицию, а осенью 1954 г. перешел на работу в Удмуртский республиканский музей заместителем директора по научной работе (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.147).

К началу 50-х гг. XX в. о памятниках археологии на территории Удмуртии чаще всего имелись краткие сведения, записанные археологами Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, а также местными краеведами-любителями, в особенности из г.Сарапула, где еще в 1913 г. было создано «Общество по изучению Прикамского края». Дореволюционные

археологические работы и исследования предвоенного времени были явно недостаточны для решения проблем, связанных с древней и средневековой историей местных народов. В «Книге учета исторических и археологических памятников по Удмуртской АССР за 1952 г.», которая велась Удмуртским Республиканским краеведческим музеем, называлось всего 46 известных археологических памятников, расположенных в 15 административных районах республики из 30 (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.50, л.1-44). (Для сравнения: в вышедшей в 1958 г. книге В.Ф.Генинга в материалах к археологической карте Удмуртии приводится перечень из 361 памятника (Генинг В.Ф., 1958, с.140-186)).

В 1952 г. вышла большая сводная работа И.А.Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р.Камы», где автор дала краткое систематическое справочное описание более 1,5 тыс. памятников, в том числе всех ранее известных памятников Удмуртии. Карта позволила выявить слабо исследованные районы Удмуртии и показала недостаточность фактического материала (Останина Т.И., 2000, с.30-31).

В начале 50-х гг. XX в. связи с подготовкой к изданию «Очерков по истории Удмуртской АССР» особенно остро стала ощущаться нехватка сведений по древней истории местного края. Выход из печати этого издания показал, что «история удмуртских племен, вошедших в состав удмуртского народа, до сих пор изучена весьма слабо. Это отразилось и в недавно изданной книге «Очерки по истории Удмуртской АССР» (том I), авторы которой при характеристике эпохи первобытности были вынуждены ограничиться, в основном, наброском общеисторической схемы, чрезвычайно слабо иллюстрированной конкретными археологическими материалами, относящимися к Удмуртии. Почти совершенно не освещен вопрос о сложении удмуртского народа, о том, какие этнические группы населения вошли в его состав» (Генинг В.Ф., 1958а, с.2).

В целях планомерного и всестороннего исследования археологических памятников по инициативе УдНИИ и Республиканского краеведческого музея Совет Министров УАССР издал в июле 1954 г. распоряжение об организации Удмуртской археологической экспедиции. В ее состав планировалось включить научных сотрудников УдНИИ и краеведческого музея и специалистов-археологов. Начальником экспедиции был утвержден В.Ф.Генинг. Ее

финансирование осуществлялось за счет средств УдНИИ и краеведческого музея (ЦГА УР, ф.р-551, оп.2, ед.хр.1980, л.62).

Перед экспедицией была поставлена цель - исследование ранней истории и этногенеза удмуртского народа на основе изучения памятников материальной культуры древних удмуртских племен. В «Пояснительной записке к плану полевых работ Удмуртской археологической экспедиции на 1954 г.» указывалось, что в 1954 г. УАЭ ставит перед собой задачу «начать систематическое изучение археологических памятников прикамской Удмуртии. С этой целью в 1954 г. будут проведены разведочные работы по выявлению и учету археологических памятников для составления археологической карты юго-восточных районов Удмуртии. В 1954 г. будут проведены раскопки археологических памятников I тыс. н.э. Этот период представляет наиболее существенный пробел в изучении истории удмуртского общества эпохи железа. По памятникам II в. до н.э. - V в. н.э. (пьяноборская культура) имеются материалы дореволюционных раскопок, но они крайне скудны, материал опубликован плохо и сейчас, находясь в других музеях, частично утрачен и мало доступен. Поэтому необходимо произвести археологические раскопки одного из древних мест поселения и древнего могильника, чтобы получить более полный перечень вещественного материала этого периода, а также характеристику захоронений этого времени. По памятникам VI-IX вв. экспедиция начинает широкие археологические раскопки, поскольку памятники этого периода не изучены. Из памятников VI-IX вв. будут произведены раскопки древнего городища, чтобы хотя бы предварительно составить характеристику этого периода.

Изучение истории и этногенеза удмуртского народа не сможет ограничиваться как этим узким районом, так и памятниками указанных периодов. Поэтому работа должна быть продолжена в будущем. В частности, особое внимание следует обратить на выявление на территории Удмуртии памятников ранних периодов бронзы, неолита, палеолита. Необходимо также изучение памятников X-XV вв. в южной Удмуртии, где памятники этого периода и не выявлены, и не изучены» (ЦГА УР, ф.р-551, оп.2, ед.хр.1979, л.66-67).

По плану работ за полевой сезон 1954 г. предполагалось обследовать левый берег Камы от д.Сайгатки до устья р.Белой, правый берег Камы от устья р.Сивы до устья р.Иж, берега р.Иж

от г.Ижевска до р.Камы, а так же провести рекогносцировочные раскопки одного из обследованных могильников пьяноборского времени и городища VI-IX вв. (ЦГА УР, ф.р-551, оп.2, ед.хр.1980, л.63).

Приехав в Ижевск, В.Ф.Генинг не порывал с Пермью. В качестве научного персонала экспедиции он привлекал своих однокурсников и коллег по Пермскому университету. Они сотрудничали с В.Ф.Генингом еще во время его работы в КАЭ. Это были М.А.Ланько и Э.М.Медникова, закончившие университет в 1954 г., студенты Б.Х.Кадиков и Г.И.Матвеева, а также студенты-археологи МГУ С.Ошибкина, М.Бухтеева, Г.Карпова, И.Голунова и В.Забелина, имевшие стаж работы в экспедициях ИИМК (ЦГА УР, ф.р-551, оп.2, д.1980, л.65).

Фактически научная школа О.Н.Бадера стала трансформироваться в незримый колледж, когда в самостоятельной работе ученики стали ориентироваться на усвоенную ими в ПГУ исследовательскую программу, расширяя территорию и хронологию ее приложения, используя в организационной работе приемы, усвоенные у своего учителя.

В результате за первый год работы УАЭ были проведены все намеченные разведки, в ходе которых было обследовано около 100 археологических памятников и проведены раскопки на 7, собран большой материал по истории местного населения. Количество собранного материала исчислялось по коллекционным описям в 11 тыс. номеров (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, д.54, л.53-54). В 8 разведывательных маршрутах были обследованы почти все ранее известные в этом регионе памятники и 31 выявлен вновь (Останина Т.И., 2000а, с.40-45).

К сожалению, в музее очень частой была смена кадров. За 1954 г. В.Ф.Генинг был третьим по счету заместителем директора музея по научной работе. Это приводило к проблемам научного и организационного свойства. По этой причине в ноябре 1954 г. работу музея проверяла комиссия Совета Министров и Министерства культуры УАССР. «После проверки комиссии состоялось совещание сотрудников музея и комиссии. На нем обсуждался вопрос о состоянии работы музея. Экспозиция была признана неудовлетворительной, отмечена запущенность в работе по перестройке экспозиции. Нарушен один из принципов музейного показа - хронологическая последовательность, бессистемное расположение материала. В первую очередь необходима

перестройка экспозиции по отделам истории» (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.54, л.54,55).

В.Ф.Генинг имел опыт участия в создании музея археологии ПГУ. Поэтому ему было поручено создание музейной экспозиции по археологии Удмуртии. В одном из писем, адресованных В.А.Оборину в Пермь в январе 1955 г., он писал: «Дорогой Володя! Не сохранился ли у тебя экземпляр тематико-экспозиционного плана музейной экспозиции? Я сейчас здесь ее переделываю, некоторые тексты и цитаты могли бы пригодиться» (Архив ПОКМ. Личный фонд В.А.Оборина. ВХ 40/1, л.1097).

Это была первая большая научная археологическая экспозиция в музеях Удмуртии, выдержанная в хронологической последовательности. В ней были отражены темы «Происхождение человека», «Палеолит», «Мезолит», «Эпоха бронзы», «Эпоха железа». Материалами для построения экспозиции стали находки УАЭ 1954 г. Причем, наиболее полно была развернута тема «Эпоха железа». Незавершенными остались темы «Эпоха VI-IX вв.» и «Эпоха X-XV вв.» силу отсутствия достаточного источниковедческого материала. В.Ф.Генинг проводил тематические экскурсии «Ранняя история Удмуртии», читал лекции перед населением на тему «Первоначальное заселение территории Удмуртии» (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.56, л.3).

Верный принципам научной деятельности, усвоенным у О.Н.Бадера, В.Ф.Генинг активно популяризировал археологию на страницах местной периодической печати - в журнале «Молот», газетах «Советской Удмуртия», «Удмуртская правда», «Комсомолец Удмуртии», «Блокнот агитатора» (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.56, л.3-4). Им оказывалась шефская помощь Сарапульскому краеведческому музею. При музее был организован археологический кружок.

Работа В.Ф.Генинга в республиканском краеведческом музее складывалась не всегда гладко. Возникали сложности с руководством музея. По этому поводу Владимир Федорович писал в одной из своих статей в газете «Удмуртская правда»: «В древней истории удмуртского народа еще очень много неясных и слабоосвещенных вопросов. Это настоятельно требует дальнейших, еще более широких исследований археологических памятников. В этой связи весьма странно отношение к организации работ археологической экспедиции со стороны некоторых работников Министерства культуры

УАССР и особенно директора республиканского музея т.Андреева. Вместо того, чтобы всемерно содействовать работам, которые вскрывают еще неизвестные страницы истории удмуртского народа, руководство музея всячески затрудняет их. Музей должен быть заинтересован в пополнении своих фондов новыми материалами, которые позволят показать посетителям, как и где конкретно происходило формирование удмуртского народа» (Генинг В.Ф., 1958а, с.2).

Археологическая работа в Ижевске связывала В.Ф.Генинга не только с музеем и УдНИИ. С 1954 г. в учебный план подготовки учителей истории в пединститутах страны был введен курс «Основы археологии». В.Ф.Генингу последовало предложение прочитать этот курс для студентов историко-филологического факультета. В письме к В.А.Оборину в январе 1955 г. он писал: «В пединституте с 8 числа читаю вновь археологию и спецкурс по истории Удмуртии» (Архив ПОКМ. Личный фонд В.А.Оборина. ВХ. 40/1, л.1097).

Впервые в своей практике ему пришлось подготовить лекционный курс по археологии. Кроме того, как следует из уже цитированного письма к В.А.Оборину, В.Ф.Генинг читал курс по «Истории Удмуртии». К сожалению, в эти годы в пединституте было сложно организовать масштабные археологические исследования. Исторический факультет в начале 1950-х гг. был переименован в историко-филологический. Отсутствие археологической практики в учебных планах факультета не позволяло организовывать массовую работу студентов в экспедиции (ЦГА УР, ф.р-1282, оп.2, ед.хр.217, л.21). Однако многие студенты УГПИ работали в УАЭ в летние месяцы в качестве младших научных сотрудников и вспомогательного персонала.

«В работах экспедиции в течение многих лет участвовали студенты Удмуртского пединститута В.А.Семенов, Г.Т.Кондратьева, ставшие затем и археологами-профессионалами, а Л.Голикова, И.Питиримова, Р.Нурмухамедова, И.Поскребышев, Н. Главатских, В.Семенова и другие составляли основной костяк рабочей силы высокой квалификации Удмуртской и других экспедиций» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.150-151).

В переписке В.Ф.Генинга с друзьями в эти годы помимо научных и учебных подробностей жизни встречаются и бытовые: «Ты получил комнату? Я, к сожалению, еще нет.

Обещают...» (Архив ПОКМ. Личный фонд В.А.Оборина. ВХ. 40/1, л.1097).

По плану деятельности музея на 1955 г. В.Ф.Генинг должен был разрабатывать тему «Ранняя история Удмуртии». Предполагалось продолжение работы над составлением археологической карты Удмуртии. План предусматривал подготовку 10 выставок-передвижек по предприятиям и учреждениям города по теме «Археологические памятники Удмуртии». Естественно, намечалось продолжение полевых работ УАЭ (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.55, л.7,8).

В 1955 г. музей командировал В.Ф.Генинга в Москву в ИИМК на ежегодную отчетную сессию. В своей «Автобиографии научной деятельности» В.Ф.Генинг высоко оценивает роль этой поездки для своей будущей научной судьбы: «В 1955 г. я впервые участвовал в Пленуме Института археологии, где представил выставку о работах Удмуртской экспедиции и выступил с докладом. Здесь я познакомился со многими археологами Москвы, Казани, других городов и получил предложение поступить в аспирантуру ГИМа или ИИМК к А.П.Смирнову. Но меня привлекала Казань, где я в 1955-1958 гг. проходил аспирантуру в Институте языка, литературы и истории при Казанском филиале АН СССР» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.147).

Отказ от поступления в аспирантуру в Москву был принят А.П.Смирновым с недоумением, и на какое-то время привел к холодным взаимоотношениям между учеными. Однако причина этого отказа лежала намного глубже и была связана с социальными условиями жизни советского общества того времени. По словам дочери ученого Л.В.Чижовой супруга Владимира Федоровича не имела права поселиться в Москве. Самым западным регионом для ее передвижений по стране была Казань. Поэтому, высоко ценя семью, Владимир Федорович принял решение ехать в Казань. Очевидно, оно обсуждалось и во время поездки В.Ф.Генинга вместе с научным сотрудником музея Г.С.Трефиловым в Казань в мае 1955 г. на расширенное заседание ученого совета Татарского Государственного музея (ЦГА, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.56, л.3).

Однако привязанность В.Ф.Генинга к Удмуртии осталась: на долгие годы археологические памятники этой территории станут предметом научного интереса ученого. Им была посвящена и тема кандидатской диссертации «Пьяноборская культура на Средней Каме». Еще несколько лет В.Ф.Генинг

продолжал руководить экспедицией, в которую привлекались студенты Казанского университета и УГПИ. «Среди них постоянно работали В.Стоянов, Е.Казаков, И.Вайнер, освоившие практику полевых исследований и подготовки полевых отчетов, а затем и навыки научного исследования археологического материала. Все, кто проявлял желание специализироваться по археологии, получали возможность не только участвовать, но и самостоятельно проводить археологические работы, осваивая навыки исследования» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.151).

Таким образом, уже на самой первой стадии самостоятельной работы археологом В.Ф.Генинг выступил в качестве учителя для нового поколения исследователей, охотно приобщая студентов к научной работе. Как известно, многие из них нашли в ней свой собственный путь не без влияния личности Генинга.

В 1955-57 гг. УАЭ сосредоточила внимание на изучении памятников в южной Удмуртии: было исследовано 98 памятников, из них 29 открыто впервые, охвачено раскопками 18 памятников в Прикамской Удмуртии. Под руководством самого В.Ф.Генинга исследовалось 8 памятников в южной Удмуртии и 3 в среднем течении р.Вятки. Полученный материал позволил ему выделить мазунинскую и азелинскую культуры, разработать новую, порою отличную от предложенных другими учеными дат, хронологию и периодизацию исследуемых им памятников и культур. Комплексный подход к археологическому материалу, усвоенный еще у О.Н.Бадера, привел к сотрудничеству с антропологами МГУ: в раскопках целого ряда могильников принимали участие члены антропологической экспедиции под руководством М.С.Акимовой.

В.Ф.Генинг постоянно совершенствовал методику раскопок в зависимости от характера культурного слоя - от снятия слоями он переходил к горизонтам, зачисткам. Верный марксистской методологии науки при исследовании каждого памятника, он стремился решать проблемы социально-экономических отношений, определять содержание исторических событий, связанных с появлением того или иного археологического комплекса.

В 1957-1958 гг. интересы УАЭ переместились на север Удмуртии в бассейн р.Чепцы. «Учитывая опыт прошлых лет, было решено вести более тщательно поиск археологических

памятников, что сократило обследованную территорию, но дало много пунктов археологических находок. Изменилось отношение к методике изучения: в обязательном порядке собирались все находки с целью определения культурной принадлежности и времени существования памятника. Археологические исследования на р.Чепце позволили В.Ф.Генингу выделить 2 группы памятников: поселения и могильники III-IX вв. полумской культуры, памятники IX-X вв. чепецкой» (Останина Т.И., 2000, с.193-194).

Знаменательной работой, которая обобщала собственный опыт изучения территории Удмуртии и способствовала формированию интереса к изучению археологического прошлого республики, стала книга 1958 г. «Археологические памятники Удмуртии». В ней В.Ф.Генинг демонстрирует свою генетическую взаимосвязь со школой О.Н.Бадера. Очевидно, и сам замысел книги был выношен под влиянием бадеровской книги «Археологические памятники Прикамья» (Бадер О.Н., 1950). Издание, выпущенное достаточно большим тиражом, структурно повторяет исследование О.Н.Бадера. В нем дана история археологического изучения края, показана необходимость такого исследования, охарактеризованы виды археологических памятников, дано хронологическое описание их на территории Удмуртии, в том числе и тех, которые относились к археологическим культурам, впервые выделенным В.Ф.Генингом. Важным составным элементом книги стали «Материалы к археологической карте Удмуртии», сыгравшие большую роль в последующем изучении Удмуртии. Книга содержала подробную информацию для краеведов. Аналогичную роль сыграла и вышедшая двумя годами раньше небольшая брошюра В.Ф.Генинга «Что должен знать юный турист об археологических памятниках Удмуртии» (Генинг В.Ф., 1956).

Так же, как и О.Н.Бадер, В.Ф.Генинг своевременно информировал своих коллег о работе УАЭ. Это давало возможность получения предварительной информации о географии, хронологии, результатах выполняемой работы. Такая информация весьма полезна и для последующих исследователей, поскольку создает целостное видение проводимых работ. Она значима и для самого исследователя, так как позволяет ставить новые исследовательские задачи (Генинг В.Ф., 1954; 1956; 1957; 1958; 1959а; 1961).

Учеба в аспирантуре проходила с 1 октября 1955 г. до 1 октября 1958 г. Научным руководителем В.Ф.Генинга был

утвержден известный археолог и историк Николай Филиппович Калинин. П.Н.Старостин в рукописи доклада «Казанский период жизни и научной деятельности В.Ф.Генинга», прочитанного в Ижевске на конференции «Российская археология: итоги XX и перспективы XXI вв.», любезно переданной мне, писал по этому поводу: «Для очной аспирантуры в 1955 г. было выделено одно место. Претендовал на это место и позднее очень известный археолог Г.А.Архипов. Геннадий Андреевич рассказывал мне, что на вступительном экзамене Владимир Федорович отвечал блестяще по всем вопросам. Первоначально тема диссертации планировалась «Ломоватовская культура». Утверждена же была тема «Пьяноборская культура на Средней Каме». Он пришел в аспирантуру уже подготовленным ученым, с накопленной базой фактического материала. Им в то время было исследовано более 20 археологических памятников.

По воспоминаниям Владимира Федоровича, это были «прекрасные годы». Нормализовывалась обстановка в стране. Благоприятствовала и обстановка тех лет в стенах Казанского филиала АН СССР. В то время в КФАН СССР работали такие ученые как Н.И.Воробьев, Н.Ф.Калинин, академики-химики А.Е. и Б.А.Арбузовы и другие знаменитые исследователи. В аспирантские годы Владимир Федорович занимался не только археологией, но и философией. Бывший сотрудник сектора археологии и этнографии Г.М.Хисамутдинов рассказывал, что на кандидатском экзамене по философии Владимир Федорович показал блестящие знания. Философы университета предлагали ему заняться философией, а не археологией. Долгое время в кабинете археологии хранились записи лекций по философии, сделанные В.Ф.Генингом. В них были не просто механические записи, но поставлены вопросы. Сделано много особых подчеркиваний. Штудирование философии было определенной подготовкой к изучению теоретических основ археологии. У Владимира Федоровича был интерес к философским и общетеоретическим проблемам науки» (Личный архив автора).

Помимо активной полевой работы в Удмуртии, в аспирантские годы Владимир Федорович принимал участие в исследованиях на территории республики Марий-Эл, в обследовании ряда памятников на р.Вятке и ее притоках, в том числе Кочергинского могильника, в поисках Безводнинского клада и других пунктов.

«В казанский период жизни В.Ф.Генинг проводил исследования на памятниках Татарстана, значимость которых трудно переоценить. В середине 50-х гг. XX в. им исследовался комплекс памятников у с.Рождествено. Вместе с А.Х.Халиковым велись раскопки Большетарханского могильника ранних болгар, а также Тураевских курганов, Кумысского комплекса памятников, включающего поселение эпохи бронзы и могильник эпохи бронзы и средневековья» (Старостин П.Н., 2000, с.195).

Казанские годы жизни - один из наиболее плодотворных периодов научных исследований. Уже через год после переезда в Казань осенью 1956 в Казани В.Ф.Генинг выступил с докладом «Об этнокультурных общностях Нижнего Прикамья в эпоху железа» на конференции по археологии, древней и средневековой истории Поволжья. Впоследствии она была переработана в большую работу «Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа».

«В ней автор отмечал, что имеющиеся материалы позволили ставить вопрос не только о широких культурных общностях прикамского населения, как это сделано предшественниками, но и о выделении на территории Прикамья различных локальных и этнических культур. В данной статье отражены многие проблемы, которые позднее получили у Владимира Федоровича дальнейшее развитие и явились его серьезным вкладом в развитие теоретических основ археологии (культурная общность, археологическая культура, соотношение археологической культуры и этноса, роль миграционных процессов в формировании древних этносов). Уже тогда В.Ф.Генингом была предложена новая схема археологических культур Прикамья раннего железного века. Это было сдвигом в понимании этнокультурной ситуации региона. В адрес В.Ф.Генинга было много критики и возражений. Не все культуры были приняты, но некоторые культуры, выделенные В.Ф.Генингом, стали признаваться (азелинская, именьевская, мазунинская)» (Старостин П.Н., 2000, с.195).

В одном из писем В.А.Оборину в 1957 г. В.Ф.Генинг писал: «Засел вплотную за диссертацию. Тема, я тебе писал, «Пьяноборье». Закончил сейчас монографическое описание городища Чеганда I. Теперь на очереди могильник и Чеганда II. А там пойдет основное исследование. Думаю, к весне закончу, а в мае защита. Я сейчас получил на последний

просмотр рукописи «Археологические памятники Удмуртии». Очевидно, в начале будущего года пойдет в дело» (Архив ПОКМ. Личный фонд В.А.Оборина. ВХ. 40/1, л.1097).

После окончания аспирантуры с сентября 1958 г. В.Ф.Генинг начал работать младшим научным сотрудником сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР. Его коллеги в одной из характеристик, данной Владимиру Федоровичу, отмечали, что «в период учебы в аспирантуре Генинг В.Ф. руководил в 1955-1959 гг. Удмуртской археологической экспедицией. Активно печатается в центральной и республиканской печати, имеет около 30 названий опубликованных работ, среди них вышедшее в 1958 г. монографическое исследование «Археологические памятники Удмуртии», объемом в 12 п.л. Принимает активное участие в жизни ИЯЛИ, является редактором газеты КФАН СССР, работает агитатором среди населения. Тов. Генинг способный молодой работник. Много работает над повышением квалификации» (Архив УрГУ, оп.4, д.55, л.20).

Защита диссертации «Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н.э. - II в н.э.)» состоялась 26 ноября 1959 г. в диссертационном совете ИИМКа под председательством Б.А.Рыбакова.

Осень 1960 г. стала поворотной в биографии В.Ф.Генинга - из Казани он переехал в Свердловск. Обстоятельства этого переезда до конца не ясны. Есть устные сведения, полученные мной от старшего научного сотрудника СОКМ С.Н.Паниной о том, что приглашение в Свердловск последовало от Е.М.Берс. Если оно было, не исключено, что мотивы такого приглашения связаны с ее сложными отношениями с К.В.Сальниковым. Во всяком случае, сам В.Ф.Генинг писал о том, что в 1960 г. поступило предложение подать документы на конкурс в Уральский университет на кафедру истории СССР на должность доцента. «В беседе с деканом факультета В.Я.Кривоноговым и зав. кафедрой истории древнего мира М.Я.Сюзюмовым было высказано пожелание организовать на истфаке специализацию по археологии и развернуть широкие экспедиционные работы с финансированием за счет университета. Это как нельзя лучше совпадало с моими интересами в дальнейшей работе, тем более что обширные пространства равнинного Зауралья и лесостепи Западной Сибири фактически оставались белым пятном на археологической карте. Познакомившись с условиями работы,

я переехал в Свердловск» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.151). Эту информацию подтверждает П.Н.Старостин: «Причины отъезда из Казани были не только житейские, но и интерес Владимира Федоровича к проблемам истоков многих древних и средневековых народов Среднего Поволжья и Прикамья, которые в то время он видел в Зауральских регионах» (Личный архив автора).

Возможность исследования памятников в Зауралье и Западной Сибири позволяла ставить более глубокие задачи в изучении некоторых компонентов археологических культур Волго-Камья и Южного Приуралья. Но обширные пространства этих территорий археологически были мало исследованы.

К 1960 г. В.Ф.Генингом было заложено ядро его будущей самостоятельной исследовательской программы, связанное с решением этногенетических проблем в обширном Урало-Поволжском регионе. Работа на территории Пермской области, Удмуртии, Татарии, Марий-Эл, Кировской области расширила проблемное видение археологического прошлого региона. Стало очевидно, что задачи по формированию археологического источника должны стать основой для решения этногенетических проблем края. Их изучение следовало вести на качественно новом материале, полученном в результате широкомасштабных долговременных работ. Проблема объяснения археологических материалов стала выдвигаться на первый план, несмотря на всю значимость полевых исследований. Важно было разрабатывать эффективные способы систематизации источника, методологию его описания и объяснения, вырабатывать исторические гипотезы и концепции. Полученные в многонациональном регионе Урало-Поволжья, они со всей очевидностью диктовали необходимость изучения проблем этногенеза, характеристики древних этносов как одной из важнейших структурных единиц исторического процесса в древности.

Предстоящая работа в Свердловске открывала возможность составления широкой исторической панорамы в решении этой проблемы на обширных пространствах Предуралья, Урала и Зауралья. Для таких масштабных работ был необходим высокий творческий потенциал вызреваемой исследовательской программы, первоначальное содержание которой тесно связано с широкомасштабными раскопками как основы изучения древней истории региона. Но нужен был

также и коллектив единомышленников, который необходимо было создать, обучить в процессе становления и развития исследовательской программы.

Такие возможности у В.Ф.Генинга были. Еще в студенческие годы он проявил качества лидера коллектива, способность к принятию самостоятельных решений, ответственности за них, умение создавать вокруг себя творческую обстановку, стремление к новизне, что придавало ему научную смелость в выдвижении новых гипотез, критике научных авторитетов. Совпадение всех этих обстоятельств и способствовало быстрому становлению коллектива археологов в Уральском университете и трансформации его в научную школу.

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ. СОЗДАНИЕ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ В УРГУ

Свердловский этап в жизни В.Ф.Генинга наиболее подробно представлен в историографической литературе (Ашихмина Л.И., 1995; Ковалева В.Т., 1999; Овчинникова Б.Б., 1999). Начало научно-педагогической деятельности ученого в Уральском университете датируется личным делом: он был зачислен на должность доцента кафедры истории СССР 18 сентября 1960 г. на основании приказа 563. В следующем, 1961 г., 5 октября В.Ф.Генинг был утвержден в звании доцента (Архив УрГУ, оп.4. д.55, л.1).

Ученый выделял в своей деятельности в Свердловске несколько основных направлений - учебный процесс, организацию специализации по археологии, исследования в области урало-сибирской археологии (Генинг В.Ф. Автобиография...). Они были подчинены общей традиционной проблематике кафедры истории СССР, плодотворно развивавшейся в предшествующие годы, - комплексной разработке важнейших проблем по истории Урала. Археология и история древнейшего населения Урала в эпоху первобытнообщинного строя стали ведущими среди направлений научной деятельности кафедры (Дмитриевская Т.В., 1999, с.54).

Первоначально костяк археологического коллектива на кафедре составили приглашенные В.Ф.Генингом в Свердловск его ученики и коллеги из Казани (В.Е.Стоянов) и Перми (Г.А.Шокшуев, Ю.М.Кутаков). Это было важно для того, чтобы археологическое направление в УрГУ начинать не с нуля, а сразу же приступить к полноценным исследованиям. Кроме того, для исследовательской программы следовало «закрепиться» на территории Западной Сибири. «Человек широкого научного кругозора, хорошо знавший Прикамье и Приуралье, интересовавшийся

проблемами Северного Урала, а затем и Зауралья, В.Ф.Генинг не мог не коснуться Обского бассейна - Оби, Иртыша и прилегающих регионов» (Викторов В.П., 2002, с.18). Определенную роль в активном освоении памятников Западной Сибири сыграл элемент научной конкуренции: в это время в Новосибирске шло становление большого исследовательского коллектива. Задачи поиска и изучения источников, в особенности в Западной Сибири, вынуждали ускорять проведение полевых исследований. А это было возможно при наличии уже подготовленных кадров.

Позднее к ним присоединилась Р.Д.Голдина. По этому поводу она писала в своих воспоминаниях: «Однажды весной 1962 г., заскочив в кабинет археологии ПГУ, я застала не совсем обычную картину: наши руководители - В.А.Оборин, А.Д.Вечтомов, Ю.А.Поляков были радостно возбуждены, разговаривая с незнакомым мне, симпатичным мужчиной. Красивое, волевое лицо, серо-синие глаза, черные волнистые волосы, выразительный излом бровей и характерный рисунок губ. Как заговорщически сообщила Ирина Сергеевна Поносова, лаборант кабинета: это Владимир Федорович Генинг. Он только что переехал в Свердловск и формирует команду. Ему нужны помощники - лаборанты и аспиранты. Поскольку все наше руководство и В.Ф.Генинг учились примерно в одно время и вышли из школы О.Н.Бадера, чувствовалось, что они рады приезду и встрече с В.Ф.Генингом.

Он пробыл совсем недолго. Посмотрел наши курсовые работы, мельком - нас и уехал. Спустя некоторое время, В.А.Оборин передал мне его приглашение: перевестись для завершения университетского курса в Свердловск, а по его окончании - учиться в аспирантуре у В.Ф.Генинга.

Я написала заявление на имя ректора Пермского университета с просьбой разрешить перевод в Уральский университет. Тогда ректором был доктор исторических наук, автор монографии «Падение крепостного права на горных заводах Урала», очень известная и яркая личность, ученый-фронтоник Федор Семенович Горовой. При нем в университете были открыты первые докторские советы и качество преподавательского состава резко улучшилось. И мы с В.А.Обориным отправились к нему на прием. Вошли, говорил Владимир Антонович. Я слушала. Ф.С.Горовой удивился: «Что ж ты девчонку соседу отдаешь? Бери к себе в

аспирантуру. Умные и молодые и нам нужны». На что В.А.Оборин ответил, что у него только одно место в аспирантуру, и он обещал его В.П.Денисову. Так была решена моя судьба. Ректор подписал заявление, и дело закрутилось. Я стала готовиться к переезду в Свердловск.

Явившись в Свердловск, нашла в университете В.Ф.Генинга. Тогда истфак размещался на 4 этаже здания на ул.8 Марта. Потом это здание занял Институт народного хозяйства, созданный на основе экономического факультета университета. В.Ф.Генинг мне сразу понравился. Он умел быть очень обаятельным и нравился многим женщинам. Но справедливости ради следует сказать, что он этим не злоупотреблял. Он увлекался своими учениками и ученицами, периодически выделяя то одного, то другого. Но никогда эта привязанность не переходила границы дозволенного. Оказалось, что мне, кроме обычных семестровых экзаменов за 5 курс, надо сдавать еще 7 спецкурсов по археологии, так как в Перми я сдавала другие спецкурсы по общим проблемам истории. Я, конечно, очень расстроилась, но В.Ф.Генинг заверил меня, что все будет в порядке. С археологией оказалось сложнее. Выяснилось, что пермская школа теоретически готовила неважно. Я ощутила себя редкой невеждой, не знавшей многих элементарных вещей и, хотя В.Ф.Генинг был ко мне явно снисходителен, пришлось заниматься много и настойчиво. После освоения значительного числа литературы, я начала кое-что понимать не только в полевой археологии, но и в самой науке. Появилась уверенность, что я кое-что знаю.

Владимир Федорович был талантливым педагогом. Он очень любил воспитывать и обучать молодых людей. И у него это прекрасно получалось. Люди хотели учиться у него и все, что он знал, он с открытой душой старался отдать» (Голдина Р.Д., 2002, с.29-30).

Из учеников К.В.Сальникова вместе с В.Ф.Генингом со студентами стала работать В.Д.Викторова, получившая приглашение в аспирантуру на кафедру истории СССР. Первое время работы В.Ф.Генинга в Свердловске кабинетом археологии заведовала Е.М.Берс.

В университете В.Ф.Генингу были поручены общие курсы по истории первобытного общества, основам археологии и руководство трехнедельной учебной археологической практикой. После первого года чтения лекций ученый предложил объединить курсы по истории первобытного

общества и основ археологии в единый курс (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.151-152).

Программа была опубликована (Генинг В.Ф., 1964). Ее особенностью стало соединение в едином изложении сведений по археологии, этнографии, истории первобытного общества. Разделы программы органично включали в себя методические, теоретические, конкретно-исторические вопросы, изложение истории становления научных дисциплин, изучающих первобытность. В процессе изучения курса В.Ф.Генинг применял разные формы занятий со студентами: лекции, собеседования по каждому разделу с обязательным знанием студентами научной литературы, практические занятия, включавшие работу с коллекциями разных эпох. Сетка часов по «Истории первобытного общества и основам археологии» включала следующие темы:

1. **Лекции.** Предмет истории первобытного общества. Археология как историческая наука. Периодизация первобытно-общинного строя (4 час.).
2. **Лекции.** Происхождение человека и зачатки его культуры (6 час.).
3. **Собеседование.** Борьба материалистических и идеалистических идей происхождения человека (2 час.).
4. **Лекции.** Раннеродовой строй. Поздний палеолит. Мезолит (6 час.).
5. **Практическое занятие.** Археологические коллекции по палеолиту и мезолиту (2 час.).
6. **Собеседование.** Проблема становления *homo sapiens* и родового строя (2 час.).
7. **Лекции.** Расцвет родового строя. Неолит. Энеолит. (8 час.).
8. **Практическое занятие.** Археологические коллекции из неолитических памятников (2 час.).
9. **Лекции.** Начало разложения родового строя. Культуры эпохи бронзы (8 час.).
10. **Практическое занятие.** Знакомство с коллекциями памятников эпохи бронзы (2 час.).
11. **Собеседование.** Проблема развития родового строя (2 час.).
12. **Лекции.** Эпоха первобытной соседской общины. Железный век (12 час.).
13. **Практическое занятие.** Знакомство с археологическими коллекциями эпохи железа (2 час.).
14. **Собеседование.** Разложение первобытно-общинного строя (2 час.).
15. **Лекции.** Археология раннеклассовых обществ на территории СССР (8 час.).

16. Собеседование. Книга Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (2 час.).

17. Лекции. История накопления археологических знаний и новейшие достижения советской археологии (2 час.) (Генинг В.Ф., 1964, с.12).

Важно, что в содержательном плане программа ориентировала студентов на понимание единого поступательного движения исторического процесса от момента возникновения человека до позднего средневековья, вырабатываемое на основе познавательных возможностей разных наук. Курс, разработанный В.Ф.Генингом, превратился в важнейшее обобщение, системно излагавшее марксистско-ленинское понимание истории человечества. Кроме того, что археологически тематика курса базировалась на материалах археологии СССР, значительную роль в нем играли и источники по археологии Урала. То, что курс «История первобытного общества и основ археологии» читался для всех студентов, имело непреходящее значение. Знание первобытной истории и основ археологии формировало широкий исторический кругозор будущих специалистов, создавало представление о роли и месте археологии в изучении исторических проблем.

Впоследствии В.Ф.Генинг так оценивал свою программу и курс, который он читал: «На основе этой программы читались лекции на историческом факультете, а также на отделении искусствоведения и философском факультете. Следует отметить, что такое соединение курсов оказалось весьма рациональным. Студенты хорошо усваивали не только общие закономерности развития первобытности, но и большой археологический материал, иллюстрировавший этот процесс на конкретных памятниках» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.152).

Однако широкомасштабные работы в огромном урало-западносибирском регионе были невозможны без постоянного притока новых кадров и формирования научного коллектива, способного работать на обширной территории. Напомним, что предшественники В.Ф.Генинга вели работы либо в окрестностях Свердловска (Е.М.Берс), либо на Южном Урале (К.В.Сальников). Масштабы и характер их работ при всей важности научного вклада в археологию Урала, не позволяли создать системное видение археологического развития региона. Эпизодические, а иногда и мелкомасштабные исследования, затрудняли формирование устойчивого коллектива исследователей. Поэтому важно было

сконцентрировать усилия на подготовке значительного числа специалистов, труд которых в археологии не может мыслиться иначе как коллективный. Следствием этого и стало создание специализации по археологии, явившейся важным организующим и консолидирующим звеном в становлении научной школы.

Сам В.Ф.Генинг подчеркивал, что «необходимо так организовать подготовку молодых специалистов, чтобы они получили за время учебы как общие знания по археологии, так и всесторонние навыки исследовательской деятельности и могли специализироваться по какой-то узкой проблематике» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.152). Правда, следует подчеркнуть, что специализация по археологии в УрГУ отличалась по своей форме от той, что была в Перми во времена О.Н.Бадера. В ПГУ археология была специальностью - в дипломе указывалось, что его владелец обладает квалификацией научного сотрудника, преподавателя вуза и средней школы. В Свердловске это была специализация в рамках общей специальности история, преподавание истории и обществоведения.

Весь курс специализации был поделен В.Ф.Генингом на четыре основных раздела:

1. Общетеоретическую подготовку давали циклы лекций-спецкурсов по различным эпохам и регионам (каменный век и бронзовый век, античная и славяно-русская археология и др.), принятые в СССР при подготовке специалистов-археологов. «Я читал наиболее крупный годовой курс по археологии Урала, включавший углубленное изучение всей основной литературы (более 80 наименований). Для чтения спецкурсов приглашались специалисты из Москвы и Ленинграда - по каменному веку Л.Я.Крижевская, по палеоантропологии - Г.Ф.Дебец, по этнографии М.Бахта и В.В.Пименов и культурологии Э.С.Маркарян» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с. 152). Такая практика приглашения специалистов для чтения лекций была принята еще у О.Н.Бадера в Перми и хорошо усвоена его учеником.

«2. Методика полевых археологических исследований включала несколько циклов, разделенных по нарастающим курсам. Лекционный цикл знакомил с основными принципами раскопок различных категорий археологических памятников. Практические навыки полевых работ студенты получали на рабочих местах в Уральской археологической

экспедиции, усваивая последовательно, как работают с лопатой, как проводится фиксация материалов, остатков сооружений. Первоначально они сами копали, затем работали в качестве помощников у опытных сотрудников, а далее становились руководителями раскопов. Точно так же проходили школу археологической разведки. Обычно это осуществлялось на больших раскопках, где коллективно, систематически обсуждался ход работ. Обязательным разделом полевой практики было проведение археологических разведок в течение 2-3 сезонов, с последующим оформлением отчетов.

На семинарских занятиях в течение года анализировались итоги полевых работ каждого студента. Зачет по курсу состоял из результатов работ за все годы учебы. Все специализирующиеся получали за время учебы Открытые листы, так что к окончанию они имели право вести самостоятельные полевые исследования.

3. В особый курс была выделена методика камеральной обработки археологического материала, которая включала работу над теми коллекциями, которые добывались каждым студентом во время полевой практики. Кроме того, здесь проходило знакомство с основами реставрации археологических материалов, типологии и классификации, правил оформления чертежей, рисунков и т.п. Особое внимание уделялось освоению различных методов формализованно-статистических процедур при обработке массовых источников, в первую очередь керамики.

4. Исследовательскую практику специализирующиеся получали при выполнении курсовых (уже со 2 курса) и дипломных работ, которые содержали обычно анализ результатов полевых материалов, добытых при участии самого студента» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.153).

Помимо того, что В.Ф.Генинг читал общепрофессиональные курсы «Истории первобытного общества и основ археологии», им были разработаны спецкурсы «Железный век», «Методика полевых исследований», «Методика камеральных исследований», «Этнический процесс в первобытности» (по последнему было издано уникальное одноименное учебное пособие) (Архив УрГУ, д.55, оп.4, л.28). В «Личном деле» ученого, хранящемся в ИА НАНУ указывается, что В.Ф.Генинг так же вел курс «Древнейшая история Урала» (точнее, это был раздел «Первобытная история» в общем курсе «История Урала»

- О.М.) и «Археология Урала и Западной Сибири» (Архив ИА НАНУ, Особова справа, л.14).

В целом специализация по циклу «археология» в первый год ее работы включала следующие дисциплины: 1. Основы исторической библиографии (32 час. - С.З.Гамельная). 2. Каменный и бронзовый век (32 час. - В.Е.Стойнов). 3. Железный век (36 час. - В.Ф.Генинг). 4. Античная археология (36 час. - Е.Г.Суров). 5. Археология Древней Руси (36 час. - по всей видимости, не читалась - преподаватель не указан). 6. Методика полевых исследований (16 час. - В.Ф.Генинг). 7. Методика камеральной обработки (66 час. - В.Д.Викторова). 8. История археологических знаний (36 час. - В.Е.Суров) (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.861, л.209).

Археологическая практика для студентов исторического факультета не была формальной - они являлись не просто младшим вспомогательным персоналом. В задачу практики ученый вводил ознакомление будущих историков с различными видами археологических источников и приемами полевых исследований путем непосредственного участия в раскопках археологических памятников и разведках под руководством студентов, специализирующихся по археологии (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.861, л.31). Впервые такая широкомасштабная практика была проведена в 1961 г. (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.868, л.9). Регулярность учебной практики студентов давала им хорошие знания по археологии, используемые в учебном процессе в школе. «Здесь они проводили лекции, устраивали экскурсии, демонстрировали фильмы, отснятые в первые годы работы экспедиции. Практику студенты проходили небольшими группами в отрядах Уральской археологической экспедиции, поэтому всегда была возможность оставить для дальнейшей работы тех, кто интересуется археологией» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.152).

В.Ф.Генинг стремился к тому, чтобы во время практики студенты могли основательно познакомиться с работой археолога в поле. Так, в «Отчете об археологической практике», сделанном на заседании кафедры истории СССР в 1964 г., ученый отмечал: «так как шли исследования одновременно пяти объектов, то студенты поработали на всех. Они были разбиты на бригады. Этот метод себя оправдал» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.867, л.22).

По договоренности на историческом факультете специализация по археологии начиналась на 2-м курсе и группы

археологов (до 6-8 студентов) набирались через год. Между этими наборами энтузиасты проходили подготовку по индивидуальному плану (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.153-154).

Первый выпуск специализации состоялся в 1965 г. Это были В.Т.Юровская (Ковалева), В.Швечникова, Т.Бушуева (Гашева), М.Позднякова, С.Данилевич, В.Неживых, В.Фролов. Главное направление их деятельности состояло в поиске археологических памятников. Была выполнена огромная работа по разведочным обследованиям в Зауралье по Тоболу и Ишиму, ставшими в этот период главными объектами усилий Уральской экспедиции.

В.Ф.Генинг ввел еще один новый элемент работы, прежде не применявшийся в преподавании уральской археологии. Студенты провели архивную практику в ЛОИА, собирая материалы по дореволюционным работам в Зауралье. Новым в их подготовке оказалось и то, что учитель не замыкал интересы студентов только на региональной археологии: на последнем курсе они осуществили поездку в Крым для ознакомления с античными и средневековыми памятниками (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.154).

В итоге, курсовыми работами студенты были подведены к дипломным сочинениям, посвященным начальному этапу планомерного изучения любого региона - составлению археологических карт. Они выработали основы будущей культурно-хронологической периодизации памятников Зауралья и Тобол-Ишимской лесостепи от неолита до позднего средневековья. С.Данилевич выполнила работу «Археологическая карта среднего и нижнего течения р.Туры», В.Швечникова «Археологическая карта среднего течения р.Тавды», В.Юровская «Археологическая карта среднего течения р.Тобол», М.Позднякова «Археологическая карта среднего течения р.Ишим», В.Фролов «Археологическая карта нижнего течения р.Исети», Т.Гашева «Археологические памятники среднего течения р.Тобол», В.Неживых «Археологические памятники среднего Прииртышья (Материалы к археологической карте Омской области)» (Архив ПНИАЛ УрГУ, ф.III. Дипломные и курсовые работы). В дальнейшем эти темы получили развитие в специальных работах, в том числе в диссертации В.Е.Стоянова (1967 г.), В.Д.Викторовой и других (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.154).

Второй выпуск специализации состоялся в 1966 г. Это были Г.Б.Зданович, В.В.Евдокимов, С.Я.Медведчук (Зданович), Б.Б.Овчинникова, Е.М.Шилина (Мырсина), Л.Г.Шорикова (Пешкова), М.К.Болотов. Как писал В.Ф.Генинг, «этот курс наряду с разведками большое внимание уделял стационарным раскопкам, поэтому их интересы имели «специализацию» по эпохам» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.154).

Дипломные работы студентов этого выпуска также были связаны с темами курсовых работ. Они продолжали разработку культурно-хронологической периодизации на основе сравнительного анализа и типологии. Г.Зданович выполнил работу «Археологические памятники раннего железного века Западной Сибири и лесостепного Зауралья», В.Евдокимов - «Памятники эпохи развитой и поздней бронзы лесостепной зоны Западной Сибири», Б.Овчинникова - «Этнокультурные районы Зауралья и Западной Сибири в эпоху позднего средневековья IX-XIII вв.», Е.Шилина (Мырсина) - «Зауралье и Западная Сибирь в эпоху неолита и ранней бронзы», Л.Шорикова (Пешкова) - «Птицевидные идолы Урала и Сибири», М.Болотов - «Из истории первобытной религии удмуртов» (Архив ПНИАЛ УрГУ, ф.III. Дипломные и курсовые работы).

Третий выпуск сам В.Ф.Генинг в «Автобиографии» датирует 1969 г. и относит к нему Т.Чебакову, Ю.Рыжова, Н.Федюневу (Алексашенко), Л.Жукову, М.Тимофееву, В.Овчинникова и Е.Сулина. Они специализировались в основном по ранним эпохам и работали в большинстве в Южном Зауралье (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.154).

Но в фонде дипломных и курсовых работ ПНИАЛ УрГУ дипломные работы части этих студентов датируются разными годами. Очевидно, эти студенты учились по индивидуальным планам. В 1967 г. - это работа Ю.Рыжова «Неолит лесостепного Зауралья (по материалам раскопок 1966 г.)», Л.Жуковой - «История изучения археологических памятников на территории Зауралья и Западной Сибири», Л.Зверевой - «Зауральские палеолитические орудия», Р.Енютинской - «Ранние кочевники Казахстана». 1968 годом датируется работа Т. Чебаковой «Жилища андроновской культуры». Н.Федюнева окончила университет в 1969 г., написав работу «Каменный инвентарь среднего Приишимья (эпоха неолита и ранней бронзы)». Тогда же завершили свое обучение Г.Бельтикова («Поселения Иткульской культуры»),

Л.Корякова («Культура племен Среднего Приишимья в эпоху раннего железного века»), Г.Макеева («К вопросу о развитии скотоводства и охоты в андроновское время») (Архив ПНИАЛ УрГУ, ф.III. Дипломные и курсовые работы).

Выпуск 1971 г. - Л.Ашихмина («Памятники Среднего Прикамья конца II-I тыс. до н.э.»), Л.Генинг (Чижова) («Бронзовое культовое литье Урала и Западной Сибири»), Н.Ещенко (Стефанова) («Могильники эпохи бронзы «Чернозерье-I»), В.Одинцов («Классификация и хронология пьяноборских украшений»), В.Стефанов («Поселения андрово-карасукского времени в Среднем Прииртышье»), В.Трофименко («Поселения эпохи бронзы на северном берегу Андреевского озера») и Н.Федорова («Подчевашская культура») - выполнял основные работы в Прииртышье, особенно на комплексах Чернозерья. В 1971 г. окончила университет с этой же специализацией Л.Сухина («Памятники эпохи ранней бронзы на берегах Андреевского озера»). Следует добавить к этому списку И.А.Бадаляна, написавшего теоретическую работу «Этнический процесс на поздней фазе разложения первобытного общества». В хронологии В.Ф.Генинга существует неточность - Н.К.Стефанова окончила университет в 1972 г.

В качестве преддипломной практики этот курс в течение месяца работал на памятниках Средней Азии - в Туркмении на раннеземледельческом поселении Пенджикент, Афрасиаб, Бухара (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.154). Эта поездка стала возможной благодаря организаторским способностям и личным качествам В.Ф.Генинга. Договорившись с учеными Ленинградского отделения Института археологии (с Л.Я.Щетенко), он смог вывести группу из 20 человек в Среднюю Азию. Знакомство с другой культурой, с другого рода археологическими материалами значительно расширило кругозор студентов, а для В.Ф.Генинга это было первоочередной задачей.

Следуя каталогу ПНИАЛ УрГУ, хронологию выпуска учеников В.Ф.Генинга можно продолжить следующим образом: 1970 г. - В.Петрин («Стоянка Чернозерье II - памятник эпохи эппалеолита на территории Западно-Сибирской низменности»); 1972 г. - Т.Гусенцова («Памятники каменного века на р.Синташта»), Л.Косинская («Неолитические памятники лесостепной полосы Среднего Прииртышья»), Ю.Чемакин («Металлические изделия эпохи бронзы бассейна

р.Оби»), Л.Казимирова («Археологическая карта южного берега Андреевских озер»). Тогда же закончили обучение в УрГУ В.Кананин («Агафоновский I и II могильники ломоватовского времени на Верхней Каме») и А.Прокопов («Памятники неволинской культуры»), выполнившие свои дипломные сочинения под руководством старшего преподавателя Р.Д.Голдиной - ученицы В.Ф.Генинга. В 1973 г. защитил дипломную работу «Методика сравнительного анализа андроновских погребальных памятников» В.Борзунов (Архив ПНИАЛ УрГУ, ф.Ш. Дипломные и курсовые работы).

Единая исследовательская программа связала воедино тематику курсовых, дипломных, кандидатских работ. Для большинства студентов В.Ф.Генинга темы курсовых и дипломных работ впоследствии стали предметом и диссертационных исследований, защищенных на базе научной подготовки, полученной в Уральском университете (В.Е.Стойнов, В.Д.Викторова, Р.Д.Голдина, В.Т.Юрковская, Г.Б.Зданович, С.Я.Зданович, В.В.Евдокимов, Л.И.Ашихмина, В.Т.Петрин, Л.В.Чижова, Л.Н.Корякова, Т.М.Гусенцова, Л.И.Дерябина, Б.Б.Овчинникова, В.А.Борзунов, В.М.Морозов, Ю.П.Челякин).

Такая интенсивная работа по созданию коллектива археологов требовала и соответствующей организации полевых исследований и поиска новых, нетрадиционных организационных форм работы. Так в 1965 г. ученым советом исторического факультета обсуждался перспективный план развития исторического образования на факультете. Он касался вопросов основательной теоретической, методологической и практической подготовки историков. По нему предполагалось разделение кафедры истории СССР на две: 1) кафедру истории СССР периода феодализма и 2) кафедру истории СССР периода капитализма и истории советского общества и создание отдельной кафедры археологии (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.866, л.92-102).

В основу каждого из этих выделяемых направлений легли курсы, охватывавшие узловые проблемы истории. Таких курсов на каждом потоке устанавливалось по пять и две специальные дисциплины, которые строились на местном материале. Для специализации кафедры предполагали сочетание широкой проблематики с узкоспециальными вопросами истории Урала. В соответствии с новыми учебными планами была обновлена и тематика курсовых и дипломных

работ (Дмитриевская Т.В., 1999, с.74-75). Однако кафедра археологии в эти годы так и не была создана. Практика подсказала иные формы организации университетской науки, о чем речь пойдет дальше.

Интенсивность археологической деятельности требовала приращения кадров высококвалифицированных археологов. Так, в «Отчете» кафедры за 1966 г. указывалось, что «усиления требует археологическая специальность. С приходом В.Ф.Генинга на кафедру археология из вспомогательной дисциплины превратилась в одно из основных направлений в учебной и научной работе кафедры. В интересах факультета и университета необходимо поддерживать и развивать это направление. Но для этого археологию надо укрепить хотя бы еще одним штатным работником» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.868, л.35).

Учебный процесс был поставлен В.Ф.Генингом таким образом, чтобы готовить самостоятельных ученых в сфере археологии. Такой фундаментальный подход сделал привлекательной археологию как учебный предмет. С приходом ученого в университете археология окончательно оформилась из второстепенной дисциплины в одно из ведущих направлений в работе исторического факультета.

Верный принципам организации научно-педагогической работы, усвоенным у О.Н.Бадера, В.Ф.Генинг сохранил уже существовавшую в УрГУ традицию научно-исследовательской работы студентов в форме научного кружка. Он руководил СНО на факультете и научным кружком по археологии Урала. Первоначально в составе кружка было 19 человек. Помимо участия в археологических экспедициях, члены кружка занимались камеральной обработкой и систематизацией археологических материалов, проведением хоздоговорных работ.

Основные направления работы кружка состояли в следующем: 1. Разведочные поиски и обследования новых археологических памятников. 2. Участие в раскопках археологических памятников. 3. Обработка материалов раскопок. 4. Подготовка отчетов о летних работах. Заседания кружка, как правило, включали обсуждение сообщений и докладов по материалам летних работ, обсуждение докладов на региональные и всесоюзные конференции, дискуссии по актуальным проблемам археологии (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив).

В «Отчете» кафедры истории СССР за 1964 г. высоко оценивалась его деятельность: «Члены кружка тесно связаны с исследовательской работой археологов: принимают участие в археологической экспедиции, камеральной обработке и систематизации археологического материала, проведении археологической практики, выполнении кафедрой хозяйственных работ. Результаты работы кружковцев публикуются. Например, в 6 выпуске ВАУ студентка М.К.Позднякова в соавторстве с доцентом В.Ф.Генингом опубликовала статью. Готовятся к печати еще несколько работ студентов» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.868, л.9). В последующие годы появилось еще множество статей, выполненных В.Ф.Генингом в соавторстве со своими учениками. Из сотни работ, вышедших за годы работы в Свердловске, 26 написаны вместе с учениками (Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель, 1999, с.16-21). Совместные публикации последовали и после его отъезда из Свердловска.

Значимым нововведением в СНО стала организация школы юных археологов, которой руководили члены кружка. Ежегодно сами кружковцы (2-3 человека) принимали участие в работе Всесоюзных студенческих конференций, практика созыва которых была начата с 1955 г. по инициативе СНО МГУ (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив).

На IX Всесоюзной студенческой археологической конференции в Москве в 1963 г. выступали Г.Зданович и С.Данилевич (ГАСО, ф.2110, оп.2, д.865, л.121). В 1964 г. на X Всесоюзной археологической студенческой конференции в МГУ успешно выступили с докладами по уральской археологии В.Евдокимов и Б.Овчинникова. В 1965 г. на ВАСКе, проходившем в Ереване, Е.Мырсина и Б.Овчинникова были отмечены как активные студенты-археологи. На X ВАСКе руководителем и координатором студенческой археологии такого большого региона как Поволжье, Урал и Сибирь стала Б.Овчинникова. Позже по ее инициативе было предложено разделить Поволжье, Урал и Сибирь на отдельные регионы и закрепить курирование этих регионов за представителями университетов Казани (Поволжье), Новосибирска (Сибирь) и Свердловска (Урал). Студенты, участвовавшие в ВАСКах, имели первые научные публикации (тезисы) всесоюзного масштаба, которые вошли в официальные тома библиографических справочников (Дмитриевская Т.В., 1999, с.78-79).

В 1966 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция по итогам полевых исследований 1965 г., на которой официально была признана школа В.Ф.Генинга. В конференции участвовали студенты V курса Б.Овчинникова, Е.Мырсина, Л.Шорикова, Г.Зданович и другие. На ней студентку Б.Овчинникову пригласили принять участие в самой крупной археологической экспедиции СССР - месте затопления Саяно-Шушенской ГЭС - Саяно-Тувинской археологической экспедиции (Дмитриевская Т.В., 1999, с.79).

Вся работа студентов проходила в кабинете археологии. Он стал центром координации и организации научной работы по археологии. В момент прихода В.Ф.Генинга в УрГУ кабинетом археологии заведовала Е.М.Берс. Однако личные отношения ученых не сложились (об этом в общих словах писал В.И.Матющенко) (Матющенко В.И., 2001, с.35)). Е.М.Берс не устраивало то, что «в связи с организацией специализации по археологии, в кабинете создавались рабочие места для студентов и аспирантов. Здесь стали проводиться практические занятия. В.Ф.Генингом была предложена новая форма обслуживания студентов коллекциями и книгами в форме самообслуживания. Сотрудники археологической секции получили доступ для работы в кабинете археологии в любые часы» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.861, л.152). Кабинет археологии был расширен, там появился художник-археолог, несколько лаборантов. В конечном итоге это привело к разрыву с Е.М.Берс. Она уехала в Новосибирск в 1962 г., где по просьбе А.П.Окладникова продолжала сотрудничать с археологами. Заведовать кабинетом археологии стала Р.Д.Голдина.

В.Ф.Генинг был блистательным педагогом. Все его ученики в Свердловске отмечают, что в нем прекрасно сочетались качества учителя и великолепного лектора, блестяще излагавшего материал. Студентка исторического факультета УрГУ М.А.Щупак в 2000 г. для дипломного сочинения «Владимир Федорович Генинг - ученый, педагог» собрала ряд воспоминаний учеников Владимира Федоровича (Щупак М.А., 2000, с.26-31). Как отмечают И.А.Бадалян, Н.В.Федорова, В.Ф.Кернер, Н.В.Лоскутова, каждое занятие было наполнено яркими примерами, а ритм лекций позволял хорошо усваивать материал, слушать и записывать одновременно. Сочный, лаконичный, но и научный, богатый терминами язык лекций В.Ф.Генинга поражал и увлекал.

Кроме того, Владимир Федорович владел отличной техникой рисования, ни одно занятие не обходилось без использования доски и мела. Прекрасные рисунки, чертежи, сопровождавшие лекции, позволяли лучше усвоить и запомнить материал. Надо заметить, что лекции по археологии достаточно скучны. В.Ф.Генинг подошел к изучению этой науки с других реалий, используя и материалы истории первобытного общества. Его лекции по археологии - это не просто описание источников, он фокусировал внимание студентов на ключевых, проблемных моментах археологической науки, одновременно стараясь дать развернутую картину археологического знания, привлекая смежные дисциплины. В.Ф.Генинг был прирожденным актером, поэтому старался вызвать интерес к археологии у человека, которого эта наука раньше не интересовала, что вдвойне заслуживало уважения. А что касается «прикорнуть на лекции», то у В.Ф.Генинга это было просто невозможно.

«В.Ф.Генинг был строгим педагогом, но одновременно уважаем и любим студентами. Как вспоминает Г.И.Селиванова, читая лекции сразу у второго курса, который только что вернулся с археологических раскопок под его руководством, и у первого курса, В.Ф.Генинг делал замечания только первокурсникам. Второкурсники, уже знакомые с педагогом по практике, сидели тихо и слушали внимательно.

Многим впоследствии ученый помог определиться в жизни и науке. Одним - поступить в аспирантуру, подобрать тему научных изысканий, другим, если археологией не увлеклись, найти научных руководителей. А после переезда в Киев все время В.Ф.Генинг поддерживал связь со своими бывшими студентами, каждый раз интересуясь их жизнью и научной работой.

Как куратор целого курса В.Ф.Генинг очень заботился о своих подопечных. Как вспоминает Т.Ф.Кардаполова (комсорг курса), он не только знал каждого по имени и каждый раз посещал комсомольские собрания, но и интересовался, чем живет студент, в чем нуждается, как справляется с трудностями, и, естественно, помогал, чем мог. Его удивительная требовательность к себе и другим сочеталась с сердечной отцовской добротой. Все студенты курса ощущали его поддержку и могли опереться на него в трудную минуту. В общении ученого со студентами шла

индивидуальная работа с каждым, чувствовалась обратная связь, ведь понять и прочувствовать мир ученика- это мастерство, которым владеют немногие педагоги. В.Ф.Генинг этим мастерством владел» (Щупак М.А., 2000, с.26-27).

В.Ф.Генинг известен и как организатор внедрения на историческом факультете так называемой нетрадиционной системы изучения дисциплин, сдачи экзаменов. «Генинговская система» - так стали называть метод, внедренный Владимиром Федоровичем в качестве эксперимента на целый 1968 г. Это педагогическое новаторство имело свою подоплеку. Университет переходил на пятигодичное образование. Возникли сложности и серьезные изменения в структуре распределения времени на ту или иную дисциплину. Необходимо было перестраивать сложившуюся систему организации учебного процесса. Система В.Ф.Генинга основывалась на учебе без сессии. Предполагалось свободное посещение занятий и сдача экзаменов сразу же по окончании прочтения всего курса. После чего начиналось чтение нового предмета, опять же, с последующей его сдачей. Но оценка на экзамене должна быть не ниже «четверки». Если же студент получал «удовлетворительно», то автоматически лишался права сдавать экзамен в удобное для себя время. Такая система «погружения» имела определенные преимущества. Студент не кидался в поисках драгоценной тетради с лекциями, материал был свеж, и его легко можно было воспроизвести в памяти за счет того, что он прослушан буквально на днях.

В результате этого эксперимента резко подскочила успеваемость студентов. Эксперимент проводился только у третьего курса, куратором которого был В.Ф.Генинг, и длился один год. Кроме того, у студентов высвобождалось время для научной работы. Именно с этого времени в практику стали входить «автоматы» ученикам, которые добросовестно трудились на всех занятиях (материалы предоставлены М.А.Щупак учениками В.Ф.Генинга В.А.Кузьминым, Н.В.Федоровой, И.А.Бадалян) (Щупак М.А., 2000, с.27).

В процессе работы с учениками ярко проявились такие черты ученого как увлеченность предметом и неутомимость в достижении цели. Как вспоминает Н.К.Стефанова, В.Ф.Генинг, занимаясь наукой, даже мог забыть пообедать. На первом месте у него всегда стояла работа. А одним из

суровых слов, которыми пользовался исследователь в минуты недовольства кем-то из своих учеников, было слово «растяпа», звучавшее жестко и хлестко, так, что становилось стыдно.

Некоторым из своих учеников В.Ф.Генинг давал работу на полставки, что в то время очень помогало и стимулировало, учитывая то, что студенты полностью отдавали себя науке, беря пример со своего учителя, которого между собой коротко называли «шеф». Р.Д.Голдина вспоминала по этому поводу: «Оценив мое трудолюбие, В.Ф.Генинг еще до окончания учебы принял меня на работу лаборантом и положил жалованье 76 рублей. Если учесть, что стипендия тогда была 28 рублей, то это были для меня бешеные деньги. Но приходилось работать с 8 до 20 часов. У Владимира Федоровича просто так денег не давали. Он сам работал очень много и не щадил других» (Голдина Р.Д., 2002, с.21).

От них, будущих археологов, В.Ф.Генинг жестко требовал хорошей успеваемости. На первом месте должна была стоять и стояла наука, а все другие увлечения ушли в небытие. В этом проявлялся авторитарный стиль руководства В.Ф.Генинга, в отличие от его учителя О.Н.Бадера. Очевидно, эта жесткость была оправдана тем, что дисциплинировала студентов, формировала в них чувство ответственности за работу, за коллектив. Занимаясь археологией у В.Ф.Генинга, невозможно было увлечься чем-то еще. Н.В.Федоровой, например, пришлось забросить баскетбол.

Методы обучения археологии были сравнимы с методом «выплывешь - не выплывешь». Это давало свои преимущества, именно обладание свободой и самостоятельностью, но в рамках, поставленных учителем. Все ученики В.Ф.Генинга рано стали самостоятельными. Сами могли в 18 лет вывести на раскопки группу до 15 человек, а на 2-3 год обучения возглавить группу из 3-4 человек в археологической разведке. К третьему курсу у всех были уже темы курсовых работ, которые зачастую представляли собой целую исследовательскую рукопись (по воспоминаниям учеников В.Ф.Генинга И.А.Бадаляна, В.А.Кузьмина, Т.Ф.Кардаполовой, Н.В.Лоскутовой, Г.И.Селивановой, Н.В.Федоровой, В.Ф.Кернер) (Щупак М.А., 2000, с.29-30).

Очень важно указать, что организаторские, педагогические, исследовательские навыки, полученные

студентами, специализировавшимися у В.Ф.Генинга, оказали им услугу в их последующей работе вне сферы археологии. В одном из воспоминаний Л.Г.Шорикова писала «...Жизнь моя сложилась не так, как я мечтала, когда писала дипломную работу «Птицевидные идолы Урала». Но навыки, полученные под руководством В.Ф.Генинга, В.Д.Викторовой, З.П.Соколовой – аналитика, систематизация, обобщение, - очень помогли и помогают мне и в сегодняшней практической деятельности» (Шорикова Л.Г., 2002, с.9).

Активная научная и жизненная позиция ученого была примером для его учеников. Помимо руководства археологическим кружком и СНО, В.Ф.Генинг являлся членом областного Совета Краеведения, членом Президиума Свердловского областного совета общества охраны памятников, вел активную общественную работу в университете (Архив ИА НАНУ. Особова справа. Генинг В.Ф., л.15). Неоднократно В.Ф.Генинг был признан лучшим преподавателем исторического факультета. Так, в «Отчете исторического факультета за 1961-1962 учебный год» отмечалось, что «В.Ф.Генинг обладает хорошими качествами лектора и педагога. Он умеет заинтересовать студентов, вызвать у них стремление к дополнительному, самостоятельному изучению предмета, к исследовательской работе. Не случайно вокруг него создалась постоянная группа студентов-любителей археологии, которая активно участвует в учебной, научной и общественной работе» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.822, л.100). В «Отчете исторического факультета» следующего года подчеркивалось, что «В.Ф.Генинга отличает стремление искать новые современные формы чтения лекций и ведения практических занятий. Много внимания им уделяется организации самостоятельной работы студентов» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.822, л.119).

В.Ф.Генинг сохранил основные организационные формы, которые сложились в УрГУ до его прихода, наполнив их новым содержанием. Блистательный педагог, он сумел привлечь к предмету большое количество студентов. Преданный науке бесконечно, В.Ф.Генинг увлекал этим фанатизмом своих учеников. Огромная эрудиция, артистизм, глубокое знание предмета, несмотря на явно выраженный авторитарный стиль научного руководства, делала археологию значимой для большого количества студентов. Эта важность определялась не только организацией учебного

процесса, но и характером непосредственной самостоятельной полевой работы. Созданная им Уральская археологическая экспедиция УрГУ явилась не только местом, где студенты могли проходить учебную практику, но и важной организационной формой воспитания нового поколения исследователей и наиглавнейшим источником получения информации о древнейшем прошлом урало-сибирского региона.

Глава 5

УРАЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В.Ф.ГЕНИНГА

В создании организационных форм эффективного функционирования археологического коллектива в Свердловске В.Ф.Генинг пошел по тому же пути, что и О.Н.Бадер в Перми. Он создал специализацию по археологии, возглавил работу археологического кружка и школы юных археологов при нем, перестроил деятельность кабинета археологии. Естественным шагом в развитии этой деятельности стала организация единой археологической экспедиции в Уральском университете.

Это было дальновидным и результативным шагом, поскольку до В.Ф.Генинга в университете действовало две экспедиции - Южноуральская и Среднеуральская, что приводило к неэффективному использованию кадровых и финансовых ресурсов, делало невозможным решение широкомасштабных исследовательских задач для воссоздания целостной картины древней истории обширного региона. Уральская археологическая экспедиция по своему территориальному охвату значительно расширяла хронологическую и тематическую сферу деятельности археологов. Задуманная как долговременная экспедиция, она позволяла сосредоточиться на системном рассмотрении древней истории региона.

В.Ф.Генинг позднее так оценивал значимость создания этой экспедиции: «При планировании начала работ Уральской экспедиции, приходилось считаться с рядом объективных обстоятельств, среди которых, в первую очередь, почти полное отсутствие археологических исследований на равнинах лесостепей Зауралья и Западной Сибири. Кроме того, необходимо было создать научный коллектив, который мог бы решать задачи первоначального археологического обследования указанной территории и создания культурно-

хронологической периодизации памятников, выявляемых в ходе работ. В дальнейшем можно было заняться уже более углубленными исследованиями отдельных культур, эпох, регионов» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.167).

В деятельности экспедиции под своим руководством В.Ф.Генинг выделял несколько этапов, соответствующих целям формирующейся исследовательской программы. «Первый этап работ Уральской экспедиции - 1961-1965 гг. Основные задачи состояли в обследовании бассейна рр.Тобола, Исети, Туры, Тавды и Ишима. Раскопки проводились на памятниках всех периодов, которые представляли наибольший интерес. Научное руководство осуществлялось в основном мной совместно с В.Е.Стойновым и В.Д.Викторовой, а в дальнейшем Р.Д.Голдиной. Из Москвы и Ленинграда были приглашены Л.Я.Крижевская, М.С.Акимова, М.Г.Мошкова. Но все разведочные и в значительной мере камеральные работы выполнялись студентами-археологами 1 и 2 выпусков. Они были нашими ударными кадрами. Общие итоги экспедиции освещены в печати очень неравномерно. Наиболее полная информация о работах Уральской экспедиции в 1961- 1965 гг. содержится в многочисленных отчетах, хранящихся в архивах Полевого Комитета ИА АН СССР и кабинете археологии УрГУ.

«Из научных результатов работ этого этапа в первую очередь следует отметить составление археологических карт районов перечисленных работ экспедиции, выполненных в дипломных работах выпускников 1965 г. В них обобщены материалы разведок, и эти карты послужили надежной источниковой базой в дальнейших исследованиях. Но еще большую ценность имело установление хронологии и выделение культурных типов, а в ряде случаев и АК по вновь собранным материалам разведок и раскопок. Фактически необходимо было создать культурно-хронологическую периодизацию огромного региона - лесного Зауралья и Тобол-Иртышской лесостепи, ранее совершенно не изученных в археологическом отношении, и это потребовало напряженной работы большого коллектива дипломников I выпуска под руководством В.Ф.Генинга, В.Д.Викторовой и В.Е.Стойнова. Здесь не раз возникали жаркие дискуссии, когда для сравнительного анализа привлекались коллекции, наблюдения по стратиграфии и т.п. Эта периодизация была принята в дальнейших исследованиях» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.168).

В первые годы своей работы Уральская археологическая экспедиция финансировалась университетом, а также Курганским областным краеведческим музеем, Свердловским управлением культуры и Свердловским краеведческим музеем. Работа экспедиции в 1961 г. была организована тремя отрядами: Исетским (во главе со В.Е.Стояновым), Туринским (В.Д.Викторова) и Тобольским (В.Ф.Генинг). В полевых работах экспедиции на ряде памятников работала антропологическая экспедиция Московского государственного университета под руководством кандидата биологических наук М.С.Акимовой. В полевых исследованиях в течение всего летнего сезона, а так же в обработке материалов участвовала научный сотрудник Курганского краеведческого музея Т.М.Потемкина.

Только за два первых года работы экспедиции в Зауралье и Западной Сибири было организовано 23 разведочных маршрута, в которых обнаружено 336 памятников, из них - 199 поселений, 125 курганных могильников с 794 курганами, 4 грунтовых могильника, 6 местонахождений и 1 жертвенное место, относящиеся к различным археологическим периодам (Голдина Р.Д., 1969, с.7-10)

С 1965 г. начинается новый этап в работе Уральской экспедиции, когда значительную организационную и научную автономию приобрели исследования отдельных районов в Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской областях и Удмуртии. Эта тенденция усилилась в 1967 г. с началом широких хозяйственных работ на новостройках и формированием штата сотрудников-археологов при кабинете археологии из выпускников, получивших специальную подготовку по археологии (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.168). Постоянный штат лаборатории достигал 20 человек (Архив ИА НАНУ. Особова справа. Генинг В.Ф., л.15).

В этой новой организационной форме работы археологов - хозяйственной лаборатории археологических исследований - был предпринят новый шаг в развитии региональной археологии. Она соединяла образовательные возможности университета и постоянную научно-исследовательскую деятельность штата квалифицированных сотрудников. Причем результаты этой работы могли сразу же внедряться в учебный процесс, значительно повышая качественный уровень подготовки специалистов. Значительно сокращался путь от получения нового знания до его потребления. Студенты

получили возможность и перспективу реализации своих возможностей в профессии, связанной с научно-исследовательской деятельностью, что в условиях провинциального города, не имевшего разветвленной сети академических археологических учреждений, было чрезвычайно значимо. «Хоздоговорные работы давали возможность создать материальную базу для масштабных экспедиций, роста кадров, приоритет в подготовке которых прочно закрепился за Уральским университетом» (Ковалева В.Т., 1999, с.19).

Это привело к значительной активизации археологического изучения Урало-Западносибирского региона. Одновременно, как следствие этого, расширилась география привлекаемых кадров младшего научного персонала - в работах стали участвовать научные силы и студенты Тюменского, Челябинского пединститутов, Свердловского, Тюменского краеведческих музеев. Это способствовало формированию кадров не только в Свердловске, но и других регионах Урала и Сибири (Архив УрГУ, оп.4, д.55, л.21).

Экспедиция приобретала черты междисциплинарного образования. Это отразилось и в ее названии: в целом ряде публикаций она именовалась как «Уральская комплексная археологическая экспедиция». Комплексный характер достигался не только сотрудничеством с антропологами, но и наличием в составе экспедиции этнографической группы (Генинг В.Ф., 1967, с.102).

В экспедиции проявились многие качества В.Ф.Генинга как педагога, ученого, организатора науки. Студенты вспоминали, что как руководитель раскопок Владимир Федорович «был очень строгим и жестким человеком, но в то же время добрым и справедливым. С одной стороны, он не принимал вольность в поведении студентов, строго наказывал их за недостойное поведение, вплоть до отправки домой (железная дисциплина была необходима, ведь отряды В.Ф.Генинга иногда достигали 80 человек). А с другой стороны, он был человеком душевным и компанейским. У него можно было «стрельнуть сигаретку» во время перекура, чем он только поднимал свой имидж преподавателя, знавшего подход к душам студентов. Кроме того, обладая прекрасным голосом, В.Ф.Генинг любил украсить им незабываемые вечерние посиделки у костра. Особенно любил Владимир Федорович русские народные и походные песни.

Раскопки под руководством В.Ф.Генинга были чем-то особенным и даже в чем-то импровизированным. Так, на раскопках городища Большой Лог (около Омска), как вспоминает Г.И.Селиванова, среди однотипных находок был найден бронзовый наконечник стрелы. Находку сразу же окрестили уникальной. Тут же на раскопе последовала лекция обо всех видах наконечников, обогащенная свежим материалом. А наглядные пособия, как известно, способствуют хорошему усвоению материала и в дальнейшем помогают быстро воспроизвести в памяти полученные знания» (Щупак М.А., 2000, с.27).

Владимир Федорович стремился к тому, чтобы студенты-археологи имели максимально большой исследовательский опыт. Р.Д.Голдина, осмысливая свой путь в археологию, упоминает среди прочих уроков Генинга следующие: «Сейчас я понимаю, что Генинг старался как можно лучше и быстрее познакомить меня с памятниками разного типа и времени. Он считал, что настоящий исследователь должен быть универсалом и уметь копать все. И я, по его настоянию, не только копала, но и анализировала материал, т.е. влезала в незнакомые проблемы, читала литературу и пыталась сделать что-то свое» (Голдина Р.Д., 2002, с.26).

Это же касалось и участия студентов в многочисленных разведках. «Каждое воскресенье, поскольку Генинг был помещан на обучении студентов, мы выезжали на новые памятники. Нормальные студенты наслаждались жизнью. Ненормальные, специализирующиеся по археологии, поднимались в 6 утра, загружались в машину и ехали, чтобы посмотреть на известные памятники или открыть новые, неизвестные еще науке памятники. Но поездки эти были очень продуктивны, мало того, что они готовили плацдарм для будущих работ, но и для будущих археологов давали возможность увидеть новые памятники, быстро формировали опыт, который не могли заменить никакие картинки, рассказы и описания» (Голдина Р.Д., 2002, с.32).

Как руководитель экспедиции В.Ф.Генинг был очень заботлив и внимателен к студентам и к полевому быту в целом. Он тщательно заботился о качестве питания юных археологов, следил, чтобы пища была полезной и разнообразной, выбирая завхозом такого студента, которому безоговорочно мог доверить самочувствие большого числа людей.

«Надо отметить такую его черту как тактичность. Увидев ошибку в технике раскопок, он никогда не указывал на нее при всех, а лишь отведя в сторону, четко и строго выговаривал студенту все с глазу на глаз. Особенностью обучения технике раскопок было то, что В.Ф.Генинг учил разбираться тут же в поле и требовал: «Пока не поймете, дальше не копайте. С источником надо разбираться на месте». Найденный археологический материал сразу же наносился на план, на карту. Позже, весь памятник, как на ладони, был виден на рисунке. В поле В.Ф.Генинг постоянно учил студентов. Проверая знания студентов, он мог спуститься в раскоп и, поочередно указывая на слои, спрашивать их названия.

В то же время он был в какой-то мере склонен к риску, авантюрам и приключениям. В нем всегда чувствовался поиск нового и неизведанного. Интересна в этом плане уже упомянутая поездка на раскопки в Среднюю Азию.

Со студентами, которые выбрали в качестве специализации археологию, В.Ф.Генинг занимался очень добросовестно и порой даже жестко, но именно авторитарные методы в этом случае помогали вчерашним студентам стать учеными и исследователями» (Щупак М.А., 2000, с.27-29).

В.Ф.Генинг обучал студентов не только археологии, но и многим премудростям, необходимых для организации археологической деятельности. Р.Д.Голдина называет несколько жизненных правил, усвоенных ею от Владимира Федоровича: «Лучше отказать сразу, чем потом рисковать комфортом и здоровьем других. Любое дело сделать сам может и дурак, а вот организовать других на дело нужен талант. Или: когда идете на прием к начальству с какой-либо проблемой, надо иметь несколько вариантов решения. Не подходит один - предлагайте другой, третий и наверняка чего-нибудь добьетесь» (Голдина Р.Д., 2002, с.23).

В.Ф.Генинг постоянно стремился к тому, чтобы работа в экспедиции была максимально продуктивной. Так, на одном из заседаний кафедры истории СССР в 1964 г. он отмечал: «Для дальнейших экспедиций необходимо приобрести какой-то надежный транспорт. Необходим мотоцикл с коляской для сообщения между бригадами и для перевозки продуктов» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.867, л.22).

В организационном плане Уральская археологическая экспедиция стала важным звеном в подготовке

высококвалифицированных кадров археологов, способных ставить и решать самостоятельные исследовательские задачи. Она явилась местом консолидации археологических сил в обширном Урало-Западносибирском регионе, продуцирующим как новые знания, так и педагогический и организационный опыт археологии, который нашел свое продолжение в региональных, дочерних научных коллективах, сформированных выпускниками специализации археология. Масштабы экспедиции, количество заинтересовавшихся археологией студентов, высококачественная теоретическая и методическая подготовка впервые в уральской археологии позволили создать собственный научный исследовательский коллектив, полностью состоящий из местных археологов. Университетская система образования получила в лице хоздоговорной археологической лаборатории (ныне - ПНИАЛ - Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория), с одной стороны, источники и новое, самое авангардное знание по археологии Урала, с другой - возможность использования этого знания в учебном процессе, формируя тем самым высокопрофессиональные и, следовательно, востребованные археологические кадры. Наконец, возникла возможность постановки самостоятельных исследовательских задач, ставших основой собственной оригинальной исследовательской программы - индикатора формирования самостоятельной, достаточно влиятельной научной школы археологов. Важным звеном в этом процессе стало возрождение бадеровской идеи уральских археологических совещаний, практика созыва которых уже никогда более не прерывалась на столь долгое время, как прошедшее между первым и вторым совещаниями.

Глава 6

ВТОРОЕ УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СИЛ НА УРАЛЕ

В апреле 1947 г. в Пермском университете состоялось первое уральское археологическое совещание. Оно приняло решение о созыве ежегодных совещаний по очереди в одном из уральских городов. Эта идея, по сути, повторяла дореволюционную практику МАО, проводившего археологические съезды в губернских городах, что дало возможность консолидации археологических сил в регионах. Дальновидный шаг по созыву первого уральского совещания привел к объединению ученых, краеведов, музейных и педагогических работников, студентов, школьников в деле планомерного археологического изучения Урала. В его решениях предполагалось проведение следующего совещания в 1948 г. в Свердловске, поскольку там существовал кабинет археологии, работали специалисты-археологи К.В. Сальников и Е.М.Берс. Об этом писал в своем отчете о поездке в Пермь в 1947 г. К.В. Сальников: «Следующее аналогичное совещание признано необходимым созвать в начале 1948 г. в Свердловске в нашем университете» (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.147).

В письме подготовительного комитета второго уральского археологического совещания подчеркивалось: «Первое уральское археологическое совещание рекомендовало археологам Урала периодически собираться для обмена опытом работы, что, безусловно, должно содействовать быстрейшему внедрению в научный оборот новейших открытий. Однако решение совещания о периодическом созыве археологов Урала осталось невыполненным» (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив. О созыве второго уральского археологического совещания).

Не исключено, что причина столь длительного перерыва в организации совещания состояла в сложных взаимоотношениях между археологами УрГУ, проблемами,

которые возникли в связи с оценкой научной компетентности Е.М.Берс. Хотя известен факт приезда О.Н.Бадера в Уральский университет в 1955 г. на конференцию историков, в которой принимали участие так же археологи К.В.Сальников, Е.М.Берс и В.Н.Чернецов (Подпись под фотографией из необработанного архива ПНИАЛ УрГУ), и работала отдельная археологическая секция.

Безусловно, решающая роль в возрождении уральского археологического совещания принадлежит В.Ф.Генингу. Не случайно именно Уральский университет инициировал его проведение, запоздавшее на 13 лет. В информационном письме о созыве совещания указывались следующие причины, способствовавшие его возрождению: «Уральская археология имеет немало хороших научных традиций. На Урале, как в дореволюционное время, так и после всегда были свои кадры местных археологов, внесших большой вклад в изучение истории края. В апреле 1947 г. по инициативе Пермского государственного университета было проведено первое уральское археологическое совещание, на котором присутствовали работники местных и центральных научных учреждений. На совещании были подведены итоги предвоенных исследований и разработаны основные положения общего плана археологических работ на Урале. С тех пор ряды археологов Урала значительно пополнились. Одновременно была проведена огромная работа по изучению многих памятников, значение которых выходит далеко за пределы местной истории. Но, тем не менее, ряд кардинальных проблем древней истории Урала продолжают оставаться дискуссионными и настоятельно требуют своего решения. А это может быть достигнуто постановкой их на обсуждение широкого круга специалистов» (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив. О созыве второго уральского археологического совещания).

Как и в Перми, приглашение не ограничивало круг потенциальных участников совещания: «Уральский университет приглашает всех археологов Урала выступить с сообщениями о полевых работах, проведенных в 1960 г. На совещании будет организована археологическая выставка по результатам работ 1960 г., поэтому желательно, чтобы на ней были представлены ваши материалы» (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив. О созыве второго уральского археологического совещания).

Для обсуждения была предложена обстоятельная повестка:
«1. Основные итоги и проблемы изучения археологии Урала.
2. Археологические исследования на Урале в 1960 г. 3. О плане и периодичности работы уральского археологического совещания» (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив. О созыве второго уральского археологического совещания).

Совещание состоялось 1-7 февраля 1961 г. Согласно «Списка участников второго уральского археологического совещания» в нем приняло участие 60 человек. Хотя в численном выражении количество участников совещания практически осталось прежним, что и в 1947 г. в Перми, изменилось соотношение в пользу высококвалифицированных специалистов. Всего среди участников совещания 15 человек представляли вузы, 13 были студентами, 4 - аспирантами, 17 - музейные работники, 9 - сотрудники академических учреждений, 2 - краеведы. Среди них - 12 - кандидаты и доктора наук (Список участников второго уральского археологического совещания, 1961, с.168-169). «30 человек являлись специалистами-археологами центральных и местных научных учреждений, ведущих систематические исследования на Урале» (От Уральского университета, 1961, с.5).

Расширилась география участников совещания: Москва, Ленинград, Свердловск, Пермь, Уфа, Киров, Ижевск, Сыктывкар, Магнитогорск, Троицк, Курган, Челябинск, Тюмень, Кунгур, Невьянск (Список участников второго уральского археологического совещания, 1961, с.168-169).

О.Н.Бадер, выступая на открытии совещания, подчеркнул значимость его возрождения для продолжения преемственности в развития уральской археологии, оценил дальновидный шаг создания специализации по археологии в Перми для региональной науки: «В опубликованном списке участников первого Уральского археологического совещания, помимо более или менее случайных фамилий студентов можно найти и фамилию учащегося 37 школы г.Перми В.Оборина, и этот факт весьма символичен. С тех пор мы, ветераны уральской археологии, не только понесли новые потери, но и успели обрасти крепким молодым поколением, в руках которого будущее уральской археологии. В самом деле: бывший тогда школьником В.А. Оборин - теперь кандидат наук, автор более 20 печатных работ, доцент, руководитель археологии в Пермском университете. То же самое можно сказать о выпускнике Пермского университета кандидате наук

В.Ф.Генинге, руководителе археологических работ в Свердловске, об их товарищах по университету З.П.Соколовой, Б.Г.Тихонове, Р.В.Чубаровой. Скоро приобретут ученую степень аспиранты - уральцы В.Д.Викторова, В.А.Могильников. Активно работают молодые археологи - выпускники уральских университетов: В.П.Денисов и Ю.А.Поляков (Пермский музей), А.Д.Вечтомов и И.С.Поносова (Пермский университет), Ю.М.Кутаков (Пермское управление культуры), Г.А.Шокшуев (Кунгурский музей), Н.А.Мажитов (Башкирский филиал АН), Г.И.Матвеева (Троицкий музей), В.С.Стоколос (Челябинский музей), В.Е.Стойнов (Уральский университет), Г.Т.Кондратьева (Ижевский музей). На Урале нашли применение своим силам молодые питомцы Киевского университета, присутствующие здесь Г.М.Буров и В.И.Канивец (Коми филиал АН). Умножилось и число краеведов-археологов, многие из которых принимают участие в настоящем совещании.

Чрезвычайно усилила уральскую археологию организация археологических групп при Башкирском и Коми филиалах АН. После первого уральского археологического совещания шире развернули археологические исследования на Урале Институт археологии АН СССР, Государственный Исторический музей (Москва), некоторые уральские музеи (например, Челябинский, Пермский, Тагильский, Удмуртский).

Естественно, что все перечисленные факты обусловили постоянное и быстрое накопление очень большого нового археологического материала, нуждающегося в обобщении. В то же время усилия многих археологов и научных организаций по изучению огромного по протяженности Урала давно требуют постоянной координации. Вот почему созыв уральских археологических совещаний становится все более настоятельной необходимостью» (Бадер О.Н., 1961, с.11-12).

Подводя итоги археологическому исследованию Урала со времени, последовавшего после первого уральского археологического совещания, О.Н.Бадер подчеркнул: «План археологических исследований, намеченный первым совещанием, давно выполнен. Следует пожелать, чтобы второе Уральское археологическое совещание сформулировало задачи для наших дальнейших объединенных работ и явилось новым толчком для дальнейшего развития археологии на Урале» (Бадер О.Н., 1961, с.15).

Судя по программе работы совещания, всего заслушано 24 доклада (хотя в последующей публикации его материалов было опубликовано 14 работ). Фундаментальный анализ материалов и постановка новых проблем в уральской археологии были сделаны О.Н.Бадером в докладе «Основные итоги и задачи изучения Урала в эпоху камня и бронзы». В нем подробно излагалась оценка степени изученности региона, приводилась историографическая справка, формулировались первоочередные задачи в области изучения палеолита, мезолита, неолита и бронзы. Актуальность изучения этих периодов определялась решением уже поставленных в прежние годы задач, связанных с построением культурно-хронологической линии археологического развития региона, проблемой заселения Урала и проведением междисциплинарных исследований (Бадер О.Н., 1961, с.15-22).

Весьма обстоятелен круг докладов, связанных с детальным изучением тех или иных эпох и регионов: В.Ф.Генинг «Основные итоги и задачи изучения железного века Урала», В.П.Денисов «Некоторые итоги изучения эпохи бронзы в Прикамье», Г.М.Буров «Итоги и задачи археологического изучения Коми АССР», В.Е.Стойнов «Итоги археологического изучения Удмуртской АССР», Е.М.Берс «Основные итоги археологического исследования лесного Зауралья», В.А.Оборин «Некоторые итоги и проблемы изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья». В них представлена культурно-хронологическая периодизация развития отдельных регионов и эпох по археологическим материалам, предпринято решение новых исследовательских задач - этнической интерпретации материалов, их социально-исторической реконструкции.

Целый ряд выступлений был связан с исследованием отдельных памятников на Урале: в Башкирии, Коми, Пермской, Челябинской, Свердловской областях, Удмуртии, Татарии. Идея междисциплинарного подхода в археологическом изучении Урала реализована в докладах В.П.Алексеева «О смешанном происхождении уральской расы», М.С.Акимовой «Некоторые итоги антропологического изучения древнего населения Прикамья», Б.В.Вишневого «Следы угров на западном Урале в свете антропологии», А.К.Матвеева «Проблемы изучения уральской топонимики». Впервые был представлен и историографический материал: в программе совещания указан доклад Б.Н.Вишневого «Семен Ремизов об Ирбитской писанице и Кунгурской пещере», а в

опубликованных материалах совещания - тезисы доклада студента УрГУ А.В.Яркина «Материалы по археологии Зауралья в архиве В.Я.Толмачева» (Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив. Второе уральское археологическое совещание, 1961; Пригласительный билет участнику второго уральского археологического совещания).

Основываясь на результатах обсуждения и выдвинутых предложениях по перспективам развития археологии на Урале, совещание приняло «Постановление», где подчеркивалась особая роль первого совещания, активизировавшего работу на местах с участием вузов, музеев, филиалов АН СССР. Значительную роль сыграли кабинеты археологии, организация специализации студентов, давшие возможность подготовить кадры местных молодых исследователей. Начато изучение неисследованных прежде территорий, возросла роль смежных наук в археологии (палеоантропология, топонимика), резко увеличилось число публикаций на местах.

С организационными проблемами, недостаточной координацией отдельных исследований связывалось отсутствие работ на территории лесостепного Зауралья и Западной Сибири, Уральского хребта, севера Свердловской области. Еще мало использовались возможности краеведческих музеев, научных обществ, управлений культуры. Публикация материалов значительно отставала от накопления научного материала из раскопок. Нарушена периодичность созыва уральских археологических совещаний. В качестве актуальных научных проблем выдвинулись вопросы этнической истории, становления культур эпохи раннего железа.

Для решения этих вопросов совещание предложило создать Уральскую координационную археологическую комиссию, в состав которой вошли О.Н.Бадер (ИА АН СССР), В.Ф.Генинг (УрГУ), В.И.Канивец (Коми филиал АН СССР), В.А.Оборин (Пермский университет), К.В.Сальников (Башкирский филиал АН СССР). Секретарем комиссии был рекомендован В.Ф.Генинг. Комиссии вменялась разработка рекомендаций по темам научных работ, наблюдение над реализацией сводного плана археологических исследований, созыв уральских совещаний, участие в рецензировании полевых отчетов по Уралу, издательские дела.

Совещание рекомендовало расширять междисциплинарный статус археологических исследований, обратить внимание на неисследованные и малоизученные районы Урала, публиковать

научно-популярную литературу по археологии, наладить обмен литературой по региональной археологии, публиковать библиографические справочники, каталоги коллекций, активно заниматься охраной памятников, развивать археологическое образование, особенно в Башкирии, где в университете не было специалиста по археологии, издавать учебные пособия, расширять работу кабинетов и музеев археологии в университетах (Постановление второго уральского археологического совещания, 1961, с.159-161).

Решающим организующим началом стало принятие «Сводного плана археологических исследований на Урале на 1961- 1965 гг.». Он включал в себя «Важнейшие проблемы археологического изучения Урала». Круг их значительно расширился, содержание стало приобретать ярко выраженный конкретно-исторический характер. Если часть вопросов была связана с расширением полевых исследований, то значительный их раздел, несомненно, предполагал теоретическое обоснование предлагаемых исторических объяснений археологического источника. Это были вопросы последовательности этапов заселения Урала, в особенности севера, выявление культурного своеобразия уральского палеолита, проблема происхождения локальных вариантов уральского мезолита, локальных вариантов и периодизации неолитических культур Урала, определение территории распространения культур эпохи бронзы, их хронологическое соотношение, этническое движение в бронзовую эпоху. Существенным разделом этих проблем стали вопросы изучения эпохи железного века: становление культур, периодизация памятников в Зауралье, выделение локальных и хронологических вариантов, этногенетические проблемы, характеристика этнических особенностей, изучение исторических закономерностей в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления феодальных отношений, заселение русскими Урала и проблема взаимоотношений их с местным населением, история антропологических типов, изучение природной среды (эволюция климата, растительности, животного мира).

В связи с этим был определен план важнейших направлений полевых исследований по эпохам с указанием исполнителей из числа местных и центральных научных, исследовательских, музейных, образовательных учреждений, намечен перечень научных работ, рекомендуемых к публикации (Сводный план

археологических исследований на Урале, 1961, с.162-167). Безусловно, этот сводный план отражал исследовательскую программу интеллектуальных лидеров в археологическом изучении Урала - О.Н.Бадера и его пермских учеников, одновременно учитывал зарождение новых научных проблем, которые лягут впоследствии в основу новых исследовательских программ.

Материалы второго уральского археологического совещания были опубликованы в 1961 г. (Второе уральское археологическое совещание, 1961). Хотя в публикацию не вошли все тексты присланных докладов, некоторые из них весьма обстоятельны, а другие тезисны, они создают целостную картину состояния уральской археологии и перспектив ее развития. Важным элементом в их содержании стала библиография научных трудов по уральской археологии, представленная достаточно полно как список литературы к статьям сборника, включающая дореволюционные издания и новейшие публикации. Сама публикация материалов совещания стала основой новой формы коммуникации уральских археологов, инициированной В.Ф.Генингом, существующей и поныне - серии сборников «Вопросы археологии Урала». (За время работы В.Ф.Генинга в университете вышло 13 номеров ВАУ объемом в 10 п.л. каждый). В них публиковались статьи сотрудников экспедиции, были опубликованы и результаты исследований В.Ф.Генинга в Прикамье (Овчинникова Б.Б., 1999, с.8).

Таким образом, второе уральское совещание в содержательном смысле поддержало идеи В.Ф. Генинга в изучении малоисследованных районов Урала и Западной Сибири, одобрило постановку целого спектра этно-исторических проблем в изучении раннего железного века. В организационном смысле было закреплено интеллектуальное лидерство Уральского университета как одного из ведущих центров уральской археологии и роль в нем В.Ф.Генинга. Безусловно, это было следствием силы предложенной исследовательской программы, которая и подтвердилась всем последующим развитием коллектива археологов УрГУ и его трансформацией в научную школу В.Ф.Генинга. Состоявшееся спустя год в Уфе третье уральское археологическое совещание в своем «Постановлении» дало высокую оценку проведенных работ в малоисследованных районах Урала (в т.ч. лесостепной части Западной Сибири) Была отмечена важность создания

специализации по археологии в Уральском университете, издание материалов второго совещания в «Вопросах археологии Урала», одобрена начатая в УрГУ серия сборников с таким названием (Материалы III Уральского археологического совещания, 1962. Архив ПНИАЛ УрГУ. Необработанный архив).

Глава 7

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В.Ф.ГЕНИНГА В УРАЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Как известно, эпоха раннего железного века стала основным предметом исследований В.Ф.Генинга еще в студенческие годы. Изначально она была связана с Прикамьем и являлась составной частью исследовательской программы О.Н.Бадера, предполагавшей совершенствование методов полевых исследований, создание культурно-хронологической систематизации археологических памятников как основы изучения древней истории Уральского региона.

Самостоятельное проведение раскопок и камеральное изучение материалов привело ученого к мысли о более глубоком анализе вопросов хронологии, культурной специфики и особенно проблем социально-экономического развития, которые были поставлены им еще в дипломной работе.

Вызревание собственной исследовательской программы произошло позже, в годы учебы в аспирантуре, когда определились ее общие контуры, а с переездом в Свердловск появилась возможность ее целостной реализации. Причем интересно, что усвоенная В.Ф.Генингом программа О.Н.Бадера присутствует в его собственной программе «в снятом виде», как ее неотъемлемая составная часть, и отражает поступательный процесс развития научного знания. Позднее ученый напишет: «Во всех работах, связанных с раскопками памятников, а они занимали немало времени, сами раскопки и публикация памятника никогда не были для меня самоцелью. Так же как и культурно-хронологическая классификация, хотя этой проблеме уделялось очень много внимания. Все это в конечном итоге должно было иметь выход на вопросы изучения социально-исторического развития древнего населения, изучаемого по археологическим источникам. Это было для меня аксиомой, без которой археология, при всей ее привлекательности, теряла смысл как историческая наука.

Конечно, это было нелегко и вызывало нередко весьма бурное противодействие наших маститых археологов» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.172).

«И, хотя большинство материалов из обширных раскопок многочисленных памятников почти всех археологических эпох не удалось до конца обработать, осмыслить и подготовить к публикации, это было время, когда я пришел к твердому убеждению, что прогресс в развитии археологического знания, эффективность осмысления источников невозможна без разработки теоретико-методологических вопросов археологического познания. Но одно дело - понять эту, казалось бы, простую истину, совсем другое - найти пути ее преодоления!» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.148).

В современной историографической литературе получили свое осмысление и оценку различные элементы исследовательской программы В.Ф.Генинга (н.р.: Богданов А.В., 2000; Викторова В.Д., 2000; Журавлева Г.Н., 2000; Казанцева О.А., 2000; Ковалева В.Т., 2000; Лещинская Н.А., 2000; Макаров Л.Д., 2000; Мельникова О.М., 2000; 2000а; 2002; Мельничук А.Ф., Лепихин А.Н., 2000; Останина Т.И., 2000; Старостин П.И., 2000; Сучасні проблеми археології, 2002 и др.). Сам ученый изложил ее понимание в «Автобиографии научной деятельности» (Генинг В.Ф. Автобиография...). Однако следует реконструировать все ее элементы в единой целостности.

По всей видимости, истоки формирования собственной исследовательской программы В.Ф.Генинга можно найти в его работе 1957 г., опубликованной в 1959 г., «Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа» (Генинг В.Ф., 1959, с.157-221). Это был переработанный доклад, с которым В.Ф.Генинг выступил в 1956 г. в Казани на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья. В нем нашли отражение многие проблемы, которые позднее получили в трудах ученого дальнейшее развитие и стали основополагающими для археологической науки.

В.Ф.Генинг обосновывал возможность изучения этнической истории на археологическом материале: «Как известно, ни один народ или народность не выступает в своем происхождении как нечто «чистое», а в конечном итоге представляет собой синтез многих этнических групп, сложившихся в результате взаимодействия или взаимоассимиляции. Поэтому вполне понятно, что для

истории сложения народов огромное значение приобретает выявление тех многочисленных этнических групп, которые в свое время представляли нечто самостоятельное. Решающее значение в этой работе должны приобрести археологические исследования, поскольку они в первую очередь освещают развитие этнических групп в пространстве и времени» (Генинг В.Ф., 1959, с.157).

При этом исследователь подчеркивал, что нельзя ограничиваться в решении данной проблемы только археологическими источниками: «Ограничиваясь археологическими исследованиями, мы едва ли сможем прийти к исторически известным и современным народам. Такая работа будет односторонней, поэтому не менее важное значение приобретают этнографические, антропологические, языковые и фольклорные исследования» (Генинг В.Ф., 1959, с.157).

Опираясь на новые археологические материалы, В.Ф.Генинг внес изменения в схему классификации археологических культур в Прикамье А.А.Спицына, поставил вопрос не только о широких локальных культурных общностях прикамского населения, как это сделано в спицынской схеме, но и о выделении на территориальных границах Прикамья различных локальных этнических культур, находящихся на определенных стадиях исторического развития (Генинг В.Ф., 1959, с.159).

Пожалуй, впервые для археологии Прикамья детально обсуждались вопросы теоретического содержания. В.Ф.Генинг обосновал свое видение содержания понятия локальной этнической культуры (= «археологическая культура»), вводя в качестве его обязательного атрибута для археологических культур железного века этническую окраску: «Критерием выделения локальных культур должны служить, прежде всего, массовые материалы, отражающие на себе этнические особенности населения. Несомненно, что большое значение здесь имеют керамика и комплексы вещей. Но еще большее значение должны иметь такие стороны, как погребальный обряд, характер памятников, устройство жилищ и т.п. Особое место мы отводим женскому костюму, поскольку в нем наиболее ярко отражаются этнические отличия отдельных групп населения. Комплексы основных орудий труда и оружия, которые, прежде всего, указывают на хронологические различия культур, при этническом разделении одновременных

культур приходится чаще всего исключать как вещи чрезвычайно быстро нивелирующиеся и широко распространяющиеся. Несомненно, что эти комплексы имеют большое значение при экономической характеристике, но хозяйственное развитие синхронных локальных культур в Прикамье было более или менее одинаковым, поэтому они едва ли могут многое дать при этническом расчленении» (Генинг В.Ф., 1959, с.159).

По сути, здесь сформулированы основы идей объяснения феномена археологических культур, которые в дальнейшем не будут претерпевать особенных изменений, а получают новое подтверждение археологическим материалом. Идея социально-исторического подхода в решении проблем этногенеза оказалась весьма плодотворной в последующем научном творчестве ученого.

Весьма показателен еще один аспект в этих теоретических рассуждениях. Речь идет о проблеме археологической периодизации. Имея опыт упорядочения археологических памятников Удмуртии (Генинг В.Ф., 1958), ученый проделал методологический анализ ее познавательных возможностей: «Принятая у нас археологическая периодизация по материалу, из которого изготовлялись орудия труда - неолит, эпоха бронзы, эпоха железа и т.д., отнюдь еще не является периодизацией истории каждого конкретного общества. Несмотря на общеисторическую закономерность, в каждом конкретном обществе есть свои пути и этапы в развитии. Одни проходят их быстрее, другие - медленнее. Археологическая периодизация этой стороны почти не отражает. Например, начало употребления железа почти всюду относится к VIII-VII вв. до н.э., и повсюду с этого времени мы начинаем эпоху железа. Однако в различных районах это важнейшее культурное достижение застало общества на разных ступенях развития: на одних территориях это были уже классовые общества, на других - еще первобытные, но и последние имеют различия. Как видно, археологическая периодизация не отражает иногда самых существенных сторон истории первобытного общества. Все это, конечно, не значит, что мы должны отбросить установившуюся археологическую периодизацию. Однако когда речь идет об истории первобытного общества какой-либо конкретной территории, мы не ограничиваемся лишь археологическими материалами. Наряду с археологией привлекаются материалы и ряда других

наук. Археология в изучении первобытной истории является лишь одним из источников, пусть в большинстве и главным, но не единственным. Поэтому ставить знак равенства между археологией и историей первобытного общества, а также других ранних обществ, где имеются археологические материалы, ни в коем случае нельзя. В силу этого археология может иметь свою периодизацию, которая, по нашему мнению, носит источниковедческий, рабочий характер. Археологическая периодизация вполне удовлетворяет нас при работе над археологическими памятниками как источниками для изучения истории общества. В плане же периодизации истории общества археологическая периодизация имеет лишь подсобное значение. Каждая из отраслей исторической науки имеет свою периодизацию. Периодизация же истории первобытного общества, как и любого другого, должна иметь в своей основе тот критерий, который положен в основу всей марксистской периодизации исторического процесса. Таким критерием является способ производства материальных благ» (Генинг В.Ф., 1959, с.178-179).

В своей конкретно-исторической части в статье предлагалась новая схема развития археологических культур Прикамья. Было обосновано выделение локальных этнических культур, находящихся на разных этапах исторического развития. Ряд выделенных археологических культур (азелинская, именковская, мазунинская) был в целом принят научным сообществом.

В этой работе существенным было и то, что она поставила сквозь призму конкретных проблем прикамского региона основополагающие проблемы не только региональной, но и всей советской археологии: содержание понятия культурная общность, археологическая культура, соотношение археологической культуры и этноса, роль миграционных процессов в формировании древних этносов. Для решения этих вопросов важно было выйти за географические рамки прикамского региона и исследовать материалы Урала и Зауралья, археологическая карта которых была весьма скудной на археологические памятники.

Поэтому приглашение работать в Свердловске оказалось для В.Ф.Генинга весьма своевременным. «Это как нельзя лучше совпадало с моими интересами в дальнейшей работе, тем более что обширные пространства равнинного Зауралья и лесостепи Урала оставались белым пятном на археологической карте» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.151).

Перед В.Ф.Генингом встала цель создания научного коллектива, который бы сумел решать задачи первоначального археологического обследования указанной территории и создания культурно-исторической периодизации памятников, выявляемых в ходе работ. В дальнейшем можно было заняться уже более углубленными исследованиями отдельных культур, эпох, регионов (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.167). Соавторами в решении указанных проблем и стали ученики В.Ф.Генинга. Эта задача фактически была решена к 1970 г. В 1970 г. на совещании в Томске коллектив археологов во главе с В.Ф.Генингом представил целостную концепцию развития Ишимо-Иртышской лесостепи эпохи неолита, бронзы и железного века. Солидная источниковедческая база позволила выделить новые культуры и общности, показать их генезис и взаимодействие на огромном пространстве лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири (Ковалева В.Т., 1999, с.21). «Было выделено несколько культур эпохи неолита (кокуйская), бронзы (логиновская, кротовская, большеложская) и железного века (абатская, подчевашская). Нашими работами по Тоболу, Ишиму, Иртышу, Оби было заполнено большое «белое пятно» в археологической карте Зауралья и Западной Сибири. Впервые выявлены и раскопаны памятники практически всех эпох. Эти работы положили начало систематического исследования значительного региона, где в настоящее время трудится несколько научных коллективов» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.174).

Но все-таки полевые исследования и культурно-историческая систематизация археологических памятников не являлись конечной целью программы. Они были основой для решения вопросов исторического развития региона. Последние, в свою очередь, нуждались в теоретическом и методологическом обосновании, что со всей очевидностью было продемонстрировано Генингом еще в Казани (Генинг В.Ф., 1959).

«Мой интерес к исследованию социально - исторических вопросов обнаружил сразу со всей очевидностью отсутствие методологических и теоретических оснований в практике исследований археологов и актуальность разработки этих проблем, которых, к сожалению, достаточно много. На осознание этого ушли многие, многие годы и вырваться из эмпирического плена «романтики» археологических раскопок оказалось очень нелегко. Поэтому пришлось остановиться на разработке отдельных вопросов теории и методологии

археологии. В археологии 50-х-начала 60-х гг. вопросы методологии археологического знания не выходили, как правило, за пределы описания методов полевых работ - археологических раскопок» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.174-175). Так в работах О.Н.Бадера пермского периода очень большое место занимает описание методики раскопок поселений и камеральной обработки материалов.

Естественно, что первой в решении теоретико-методологических проблем была поставлена проблема периодизации и выделения археологических культур, что было связано с дальнейшими шагами в использовании предложенной культурно-хронологической периодизации Урала, и стало актуальным для исследователя еще в процессе написания кандидатской диссертации. Именно об этой проблеме говорил В.Ф.Генинг на втором уральском археологическом совещании: «Одной из центральных проблем при изучении археологического материала является вопрос о периодизации и тесно связанный с ним вопрос о выделении археологических культур. Здесь не достигнуто единства мнений. Термин «археологическая культура» употребляется слишком универсально. Не останавливаясь подробно на данной проблеме, уже много раз поднимавшейся в археологической литературе, укажем, что нам кажется совершенно необходимым введение следующих по объему и значимости терминов. «Культурная область» - определенная общность в материальной культуре большой группы населения, обусловленная развитием в сходных естественно-географических условиях одних и тех же форм хозяйства и общественной организации. Понятие «культурная общность» должно включать обширные области, занятые группами родственных племен, связанных постоянным общением между собой» (Генинг В.Ф., 1961, с.24).

«Дискуссия по АК сосредоточена практически вокруг ее определения. Традиционно АК определялась как совокупность сходных памятников одного времени, расположенных на ограниченной территории. Но в таком определении нет указаний на его связь с социально-исторической действительностью» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.175).

Проблема обоснования социологического содержания АК, поставленная в 1959 г. на обширных прикамских материалах, привела ученого к пониманию ее как отдельного общества древности или этноса на определенном этапе социально-экономического развития. Поэтому этнические проблемы в

своем частно-научном аспекте и были поставлены во главу угла новой исследовательской программы. «Интерес В.Ф.Генинга к теории проявился при обобщении археологических материалов Прикамья эпохи железа. Тогда началось обоснование тезиса о возможности соотношения археологических культур с социальными и этническими образованиями. Последний сюжет потребовал более серьезной проработки. Теории этноса не существовало, да и само понятие этноса было весьма расплывчатым» (Викторова В.Д., 1999, с.24-25).

Проблема происхождения древнейших (первоначальных) этнических общностей и истоков этнического процесса была впервые поднята В.Ф.Генингом в 1964 г. в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве на материалах, связанных с уральской языковой семьей. Основная идея сводилась к утверждению этнических свойств как неотъемлемой части социального развития (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.176).

Эти и другие проблемы обнаружились более отчетливо в ходе работы над докторской диссертацией «Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э.» (Генинг В.Ф., 1974). В письме к В.А.Оборину 12 февраля 1968 г. В.Ф.Генинг фактически излагал замысел концепции своей диссертации и идеи будущей книги «Этнический процесс в первобытности»: «Я сел за диссертацию, т.к. тема «Этническая история», взялся за знакомство с состоянием теоретической стороны этой проблемы и оказался в тупике - по этому вопросу нет не только ни одной теоретической работы, но и вообще ничего нет! Что такое этнос? Эту проблему подняли в дискуссии историки. А как он «ведет» себя в первобытности, как развивается, как трансформируется и прочее, прочее - ничего нигде!!! По наивности решил - надо в диссертации хоть во вступлении написать кое-что, и ниточка потянулась так, что до сих пор сижу и не могу оторваться. Написал первую часть (около 90 стр.) - развитие этноса в родовом обществе. Казалось бы, для диссертации для чего она нужна? Но не будешь строить дом со второго этажа?! Да сейчас залез в самые дебри - развитие этноса в период разложения первобытного общества. Тут дело движется плохо, ибо в жизни человечества был полнейший бардак - в прямом и переносном смысле! Самое тяжелое, что пока я все это делаю на этнографическом материале, т.е. хочу проследить, как было у живых людей, чтобы в свете этого

посмотреть на наших покойничков. Мне кажется, кое-что интересное получается. Когда закончу, пошлю тебе на первую пробу. Да по пути сидел еще с одним вопросом - о племенной организации. И здесь такая же чехарда! Сейчас закончил маленькую статейку. Смысл ее таков - племя - институт политической надстройки, зарождающейся в эпоху разложения первобытного общества» (Архив ПОКМ. ВХ 991/19).

«Новизна позиции В.Ф.Генинга выразилась в стремлении не просто выявлять и определять этнические компоненты в ходе формирования этнических общностей в эпоху первобытного общества, а исследовать этнические процессы, которые приводят к возникновению этнических общностей и основного их типа - этносов» (Томилов Н.А., 2000, с.17).

Размышления ученого получили свое воплощение в учебном пособии «Этнический процесс в первобытности» (Генинг В.Ф., 1970). «Это была (и осталась) единственная попытка представить этнический процесс в первобытную эпоху» (Викторова В.Д., 1999, с.25). В предисловии «От редактора» к этой книге известный этнограф В.В.Пименов подчеркивал: «Автор попытался, опираясь преимущественно на этнографический материал, построить общую концептуальную схему, некую теоретическую модель этнического процесса с тем, чтобы потом перенести, наложить ее на археологические факты, интерпретируя их не путем привлечения отдельных этнографических параллелей, а с помощью построенной таким образом модели» (Пименов В.В., 1970, с.5).

«Здесь этнический процесс рассматривается как явление надстроечного порядка, т.е. детерминированное структурой и генезисом экономического базиса, а в конкретно-историческом проявлении особенностями развития экономики и общественно-исторических условий формирования отдельных обществ - социальных организмов. Данный подход заставил особое внимание обратить на институт племени, который нередко отождествляется с этносом первобытности. Фактически это зарождающийся институт организации власти и управления в обществе, т.е. ее политической надстройки, а не этнической. Анализ развития общественно-экономической системы первобытности позволил выделить четыре качественные ступени, различающиеся степенью проявления факторов, характеризующих этносы и тем самым их общую структуру и тенденции развития» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.176).

Конкретно-историческое приложение своих теоретических идей В.Ф.Генинг осуществил в монографиях, связанных с его давним научным интересом - Прикамьем в эпоху раннего железного века, - «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» в двух частях (1970а; 1971).

Естественно, что вопросы теории этноса и этнической интерпретации АК были не только плодом исключительно личного творчества ученого. Для поиска путей их решения им на историческом факультете был организован теоретический семинар. На нем обсуждались злободневные проблемы археологии и первобытной истории: критерии выделения археологических культур, определение и содержание понятия археологической культуры, предмета археологии, соотношение археологической культуры и этноса (Ковалева В.Т., 1999, с.22).

Постановка этих научных проблем отражала наличие проблемной ситуации в археологии, обозначившейся в советской археологии начала 60-х гг. XX в. Для их разрешения ученый привлекал и своих учеников. Так, И.А.Бадалян, будучи студентом второго курса, познакомился с учебным пособием В.Ф.Генинга «Этнический процесс в первобытности» еще в рукописи. Студент впервые увидел, что этническую историю можно рассматривать как целостный специфический процесс, имеющий свои закономерности. Позже это определило и круг научных интересов И.А.Бадаляна - В.Ф.Генинг помог ему с поступлением в аспирантуру Института этнографии АН СССР (Щупак М.В., 2000 с.31).

Приобщению студенчества к системному пониманию исторического процесса в древности способствовал объединенный курс «История первобытного общества и археология». Это подводило студентов к формированию исторического понимания сути археологического источника, что позволяло четко осознавать предмет археологии как науки о древнем обществе, изучаемый по специфическому - ископаемому - источнику. По сути, данным курсом утверждалось социально-историческое направление в археологии с его этническим ответвлением, что четко прослеживается в исследовательской программе научного коллектива. Культурно- хронологическая периодизация выступала в нем как средство перехода к историческим объяснениям археологического материала.

Детально вопросы методологии изучения этноса по археологическим материалам (характеристика дискуссии о

понятии «археологическая культура», определение археологического содержания понятия АК, определение этноса и возможности изучения его по археологическим источникам, историко-социологическое содержание понятия АК, анализ методик их выделения, обоснование понятия «археолого-этнический тип» и их конкретно-историческое приложение к материалам Южного Прикамья) нашли отражение в докторской диссертации «Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э.» (Генинг В.Ф., 1974). «Введение термина археолого-этнический тип, может быть, не очень удачно этимологически, но важно в содержательном отношении. Это была попытка увидеть за разнотипными, но совместно залегающими и синхронными находками на поселениях и в могильниках процесс становления новых этнических образований» (Викторова В.Д., 2000, с.196-197).

Представление докторской диссертации в 1973 г. в скифо-сарматский сектор Института археологии АН СССР вызвало длительную дискуссию, в которой против прямой постановки этнической проблемы особенно возражали А.П.Смирнов, Ю.А.Краснов, В.И.Мошинская и Н.В.Членова. Защита диссертации длилась 5 часов (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.166). Такая острота вопроса свидетельствовала о том, что в работе был представлен новый взгляд на познавательные возможности археологии в изучении истории прошлых обществ, а этническая и социальная история древних обществ конституировалась в самостоятельное научное направление. ВАК утвердил решение диссертационного совета 23 января 1976 г., выдав диплом доктора наук за № ИТ 000002 (Архив ИА НАНУ. Особова справа, л.2).

Между прочим, есть интересный факт, упомянутый в протоколе заседания кафедры истории СССР еще в июне 1965 г., где указывалось: «Поручить зав. кафедрой О.А.Васьковскому организовать ходатайство кафедры перед вышестоящими организациями о представлении В.Ф.Генинга к докторскому званию по совокупности работ (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.867, л.75). (Всего за время работы в Свердловске ученым было опубликовано 90 статей и монографий общим объемом почти 200 п.л. (Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель, 1999, с.15-21)).

Однако теоретические построения не могли решить научной проблемы объяснения археологических материалов вне их методологического обоснования. Важно было найти и

выработать такие методологические подходы и принципы, которые бы непосредственно воздействовали на археологический материал столь эффективно, что позволяли раскрыть конкретно-историческое содержание предлагаемых теоретических конструкций. Поэтому поиск новых методов археологического исследования на стадии объяснения материала стал составной частью исследовательской программы. В этом отразилось системное понимание познавательного процесса в археологии, что позднее, уже в годы работы в Институте археологии Украины, вылилось в создание монографии «Структура археологического познания», где раскрыта и обоснована система познавательного процесса в археологии (Генинг В.Ф., 1989).

Массовый археологический источник, который был получен в результате планомерных работ на обширных пространствах Урала и Западной Сибири нуждался в новых методах обработки и введения в научный оборот. Прежде всего, это касалось таких категорий массовых источников как керамика, украшения, погребальные памятники. «Лишь к концу 60-х гг. мы начали понимать, что для обработки массовых источников необходимы единые методы. Особенно остро эта проблема неожиданно всплыла на совещании в Томске в 1970 г., вызвав довольно большую дискуссию в отношении керамики. Поскольку в наших докладах чаще всего фигурировали статистические таблицы по керамике, совещание предложило уральской группе заняться специально разработкой методики статистической обработки керамики. Это и подтолкнуло к обобщению тех многочисленных опытов, которые во второй половине 60-х гг. проводились в Уральском университете, как при подготовке отчетов по вновь раскопанным памятникам, так и при специальных исследованиях в курсовых, дипломных работах и научных статьях» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.168). Судя по материалам архива ПНИАЛ УрГУ из 73 курсовых работ, выполненных на протяжении 1961-1973 гг. 14 (20%) специально были посвящены анализу керамики либо отдельных поселений и могильников, либо целой археологической культуры, или характеристике элементов керамики. Естественно, что анализ керамического инвентаря присутствовал и при рассмотрении в дипломных и курсовых работах отдельных памятников или АК (Архив ПНИАЛ УрГУ, ф.П. Диссертации, дипломные и курсовые работы).

Накопленный опыт позволил уже на Пленуме ИА АН СССР в 1971 г. в Москве выступить с докладом «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» (Генинг В.Ф., 1971). Статья с подобным названием была опубликована в журнале «Советская археология» в 1973 г. и нашла широкое применение у исследователей (Генинг В.Ф., 1973, с.114-136). Позднее, в 1992 г. ученый опубликовал монографию «Древняя керамика. Методы и программа исследования в археологии» (Генинг В.Ф., 1992), куда были внесены некоторые дополнения и изменения, учитывавшие слабые места в программе, обнаруженные в процессе ее применения. В самой же монографии керамика рассматривалась не просто с позиций формального анализа, а как составной элемент в познании социально-исторических проблем.

В процессе изучения погребального обряда совместно со студентом В.А.Борзуновым была предложена методика статистической обработки и сравнительного анализа погребального обряда (Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с.43-73). Первоначально ее элементы разрабатывались в курсовых работах В.А.Борзунова по андроновской культуре и нашли свое завершение в дипломной работе «Методика сравнительного анализа андроновского погребального обряда» (Архив ПНИАЛ УрГУ, ф. III). Эта методика также получила широкое применение при решении конкретно-исторических и источниковедческих задач и в дальнейшем была усовершенствована киевскими коллегами и учениками В.Ф.Генинга. Методика позволяла проводить формализованно-статистические процедуры анализа источников и решать вопросы о культурной принадлежности, половозрастной, социальной и этнической стратификации общества.

Оригинальность содержания исследовательской программы научной школы В.Ф.Генинга очевидна. Она включала четыре основных направления: 1) общую теорию развития этноса в эпоху первобытности; 2) этническую историю развития Прикамья и сопредельных территорий в эпоху разложения первобытного общества; 3) периодизацию и характеристику культур Зауралья и Западной Сибири; 4) методологию социально-исторического исследования на основе теоретического и формализованно-статистического анализа. Ученый сумел увидеть и сформулировать социально

значимые проблемы перед созданным им научным коллективом и выработать вместе с ним эффективные приемы ее решения.

В содержательном и организационном плане эта программа имеет несколько стадий, выделенных для развития исследовательских программ в науковедении (Карцев Б.Б., 1982, с.52). Актуальность научных проблем, выбранных для решения, была столь очевидна, что процесс реализации стадий исследовательской программы стремительно развивался во времени.

Стадия готовности (предпрограммная) в развитии исследовательской программы связана с выходом коллектива на соответствующий интеллектуально-ценностный уровень, включающий образование, контакты, овладение археологическими знаниями, восприятие социального заказа в наиболее обобщенном виде. В познавательном плане она связана с традициями развития археологии в Уральском университете (преподавание археологии в университете Н.Н.Бортвиным, А.А.Иессеном, С.А.Судаковым, К.В.Сальниковым и Е.М.Берс). В организационном смысле это имело проявление в создании первого на Урале кабинета археологии, наличие двух экспедиций в УрГУ - Южноуральской и Среднеуральской. Но эти организационные формы не удовлетворяли потребностей системного видения исторического развития в регионе в первобытности. Поэтому и было инициировано руководством исторического факультета приглашение в УрГУ В.Ф.Генинга.

Ученый, в свою очередь, имел новый взгляд на процесс исторического развития прикамского и шире - уральского региона, изложенный им в ряде публикаций и кандидатской диссертации. Для целостного развития этих концепций важен был уральский и зауральский археологический материал. Можно утверждать, что исследовательская программа В.Ф.Генинга имела свои корни в программе О.Н.Бадера. Культурно-хронологическая периодизация археологических памятников Урала и Сибири стала рассматриваться ученым как составная часть более сложной программы по изучению исторических процессов первобытности. Поэтому уже в первый же год работы в университете В.Ф.Генинг организовал специализацию по археологии с широким перечнем археологических дисциплин (до этого читались лишь общий курс основ археологии и археология Урала). Для

исторического взгляда на познавательные возможности археологического источника он разработал синтетический курс по археологии и истории первобытного общества с тем, чтобы сразу развивать в своих учениках социально-историческое понимание сути процессов, результатом которых стал ископаемый предметный мир. Частью этой стадии работы явилась организация Уральской археологической экспедиции с широко идущими познавательными целями - изучения обширного Урало-Западносибирского региона в археологическом отношении со времени каменного века до средневековья. Развитие познавательного интереса к археологии у студентов осуществлялось через активную деятельность археологического кружка, участие студентов в научных студенческих конференциях.

Стадия выбора научной проблемы четко обозначилась уже в феврале 1961 г. во время проведения второго уральского археологического совещания. Идея его возрождения принадлежала, безусловно, В.Ф.Генингу. Именно Уральский университет стал инициатором его проведения. В «Постановлении» второго уральского археологического совещания особым образом подчеркивалась недостаточная разработка ряда актуальных вопросов древней истории Урала: вопросы этнической истории, становление культур раннего железного века и т.д. В число важнейших проблем региональной археологии выдвинулись вопросы этнического движения, периодизации памятников, выделения локальных и хронологических вариантов культур Урала и Зауралья, этнические особенности культур, проблемы разложения первобытнообщинного строя и становление феодальных отношений на Урале (Сводный план археологических исследований, 1961, с.162).

Организация Уральской археологической экспедиции летом 1961 г. свидетельствовала о переходе коллектива к новой стадии в реализации программы - разработка и обсуждение ее содержания и решения конкретных исследовательских задач. Первостепенной из них явилось создание культурно-исторической периодизации памятников Урала и Зауралья, что было невозможно без широкомасштабных разведок и раскопок памятников. Изучались памятники всех периодов. Первоначально научное руководство осуществлялось квалифицированными археологами В.Ф.Генингом, В.Е.Стойновым, Р.Д.Голдиной

и столичными археологами М.Г.Мошковой, Л.Я.Крижевской и М.С.Акимовой.

Составление археологических карт районов работы экспедиции, выполненных в дипломных работах первых выпускников специализации, свидетельствовало о том, что программа перешла в стадию своей реализации – выполнение «рутинных операций». В дипломных сочинениях фактически была создана источниковедческая база для дальнейших исследований. «Ценность имело установление хронологии и выделение культурных типов, а в ряде случаев АК по вновь собранным материалам разведок и раскопок. Эта периодизация была принята в дальнейших исследованиях» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.168).

Вслед за этим исследовательская программа вступила в стадию обеспечения социально-значимого результата деятельности, когда итоги внутренних обсуждений, дискуссий, написания курсовых и дипломных работ переносились на страницы научных публикаций, студенческих и научных конференций. Материалы раскопок и разведок, культурно-хронологическая периодизация целенаправленно доводились до научного сообщества путем публикаций, выступлений на конференциях и т.п. Одним из наиболее ярких событий этой стадии явилось участие коллектива археологов на совещании в Томске в 1970 г., где была представлена культурно-хронологическая периодизация Иртыш-Ишимской лесостепи от эпохи неолита до позднего средневековья. Целостная концепция развития памятников этого региона разрабатывалась коллективно для этого совещания, когда авторами были выявлены и раскопаны памятники практически всех эпох. «Особое место занимает разработка по археологии ранних индо-иранцев - одной из наиболее актуальных проблем современной истории европейского и индийского населения» (Генинг В.Ф. Автобиография..., с.164).

Создание Уральской экспедиции с ее задачами долговременных широкомасштабных исследований породило многообразные аспекты в научных изысканиях, постепенно выдвигая на первый план проблемы общеисторического характера, которые становились основой для разработки частных сюжетов. Организация таких работ потребовала концентрации усилий значительного числа их участников, труд которых не мыслился иначе как

коллективный. Поэтому в условиях больших раскопок в едином коллективе объединились усилия и уже подготовленных специалистов, и студентов, начинавших свой путь в археологии. Единой программой исследования оказались связаны темы кандидатских диссертаций, курсовых и дипломных работ. Проходящий практику студент видел на таких раскопках совокупность множества археологических источников и взаимосвязанных проблем, а не штучные комплексы или малопонятные фрагменты целого, которое не в состоянии были охватить мелкомасштабные предшествующие экспедиции УрГУ. Однако широкомасштабные раскопки вели к колоссальному накоплению материалов, которые требовалось осмыслить, подвергнуть всестороннему анализу, что под силу только значительному коллективу, складывающемуся в ходе самих полевых работ.

Поэтому эта стадия в развитии программы имела организационное подкрепление созданной в 1967 г. хоздоговорной научно-исследовательской лабораторией. Были созданы условия для совершенствования и развития программы, особенно в ее теоретико-методологическом аспекте, поскольку в ней работали не просто студенты, но высококвалифицированные специалисты, получившие опыт полевой и камеральной работы в студенческие годы, создавшие достаточно налаженную систему научных коммуникаций как в уральском регионе - через воссоздание уральских археологических совещаний с 1961 г. - так и в стране в целом, обладавшие именем не только внутри коллектива, но и за его пределами.

Многие из них, окончив университет, оказались за пределами Свердловска, главным образом, в многочисленных университетах, созданных повсеместно в Урало-Поволжском регионе в начале 70-х гг. XX в. Это способствовало формированию с начала 70-х гг. незримого колледжа, который реализовывал свердловскую программу В.Ф.Генинга применительно к территориям своей новой работы. Значительная их часть пошла в организационном развитии археологии в этих вузах вслед за тем, что было создано в Свердловске - (а еще ранее в Перми)- создание кабинета археологии, археологического кружка, археологической экспедиции, специализации по археологии, музеев археологии, научно-исследовательских лабораторий

и научно-исследовательских институтов. Опыт участия в создании, развитии и реализации исследовательской программы В.Ф.Генинга для многих учеников стал основой для формирования собственных исследовательских программ, в соответствии с социальными и познавательными потребностями времени.

В настоящее время на кафедрах археологии, отечественной истории и ПНИАЛ УрГУ работают ученики Владимира Федоровича В.Т.Ковалева, Б.Б.Овчинникова, Г.В.Бельтикова, В.А.Борзунов, Л.Л.Косинская, В.М.Морозов, В.И.Стефанов, Н.К.Стефанова, Ю.П.Челякин; в Институте истории и археологии УрО РАН - В.Д.Викторова, Н.А.Алексашенко, В.Ф.Кернер, Л.Н.Корякова, Н.В.Федорова, А.Ф.Шорин. В Ижевске Р.Д.Голдина объединила вокруг себя крупный коллектив, создав свою школу. Сначала в Петропавловске, а затем в Челябинске прочно закрепились Г.Б. и С.Я.Здановичи со своими учениками, в Караганде - В.В.Евдокимов, в Новосибирске - В.Т.Петрин и Т.И.Нохрина, в Сыктывкаре - Л.И.Ашихмина, в Тюмени - Л.А.Дерябина, в Санкт-Петербурге - Т.М.Гусенцова, в Москве - Л.В.Чижова (Ковалева В.Т., 1999, с.23-24).

Актуальность избранных для решения научных проблем, продуктивность подходов для их решения позволили создать неповторимый дух сотрудничества научной школы, преданности науке, привлекли студентов, а позднее научных сотрудников к сотворчеству, к формированию ученых, способных ставить и решать новые исследовательские проблемы. Научная школа стала эффективной формой организации научного творчества, стимулировала развитие археологического знания, новых направлений в науке (этногенетического и теоретико-методологического). Фактически реализация исследовательской программы позволила обнаружить и сформулировать новый круг научных проблем, связанных с развитием теоретико-методологического раздела науки. Они касались как вопросов формирования научного факта, так и его теоретического объяснения. И если задачи культурно-хронологической периодизации, этногенетические проблемы, в целом задачи исторического объяснения на основе археологических источников продолжали решаться в Свердловске и в других регионах, где оказались ученики

В.Ф.Генинга, то сам ученый, начиная с 1974 г., в силу причин личного характера (проблемы со здоровьем) сосредоточился на постановке и решении теоретических и методологических проблем археологии, организовав в Киеве в Институте археологии АН УССР первый в СССР Отдел теории и методологии археологии. Продуктивность предложенной им программы объединила вокруг ученого молодых исследователей, которые в очень непростой ситуации неверия, неприятия этих идей смогли объединиться в новую научную школу.

Научная школа, созданная В.Ф.Генингом в Свердловске, является авангардной научной школой, поскольку продуцированные ею научные знания относятся к концептуальным событиям высокого уровня - теоретические концепции, методы исследования, новые научные факты. Их многообразие и богатство по существу не исчерпали себя до сегодняшнего дня. Можно сказать, что школа трансформировалась в незримый колледж, объединяя не только непосредственных учеников В.Ф.Генинга, но и новых сторонников подхода, разработанного в Свердловске в 60-70-е гг. XX в. После отъезда ученого из Свердловска и его отхода от активной реализации своей исследовательской программы коллектив не смог выдвинуть нового лидера, способного адекватно реагировать на новые социальные и внутринаучные потребности, внедрять новые формы педагогической деятельности.

И хотя коллектив археологов в УрГУ по-прежнему активно работает, имеет высокий научный уровень в лице профессоров и доцентов, это по-прежнему научная школа В.Ф.Генинга, разрабатывающая и развивающая мощный потенциал исходной исследовательской программы. Научные школы удалось создать тем ученикам В.Ф.Генинга, которые оказались за пределами Свердловска. Новые организационные обстоятельства, иные исследовательские задачи в изучении регионов, изменившиеся социальные условия стимулировали в них потребность в выборе актуальных научных проблем и выработке соответствующих их решению исследовательских задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование научных школ в археологии - уникальный и сложный процесс. Он предполагает системное сочетание усилий в деятельности ученых в различных направлениях деятельности - познавательной, образовательной, организационной. Такое соединение в археологии наиболее эффективно в рамках таких научно-исследовательских, учебных заведений, которые связаны с подготовкой молодого поколения исследователей. Опыт отечественной археологии показывает, что это академические институты, имеющие свою аспирантуру, а в большей мере университеты. Музейные учреждения практически не имеют опыта создания научных школ. Только участие ученых - лидеров потенциальных научных школ - в образовательном процессе в вузе или послевузовской подготовке через институт аспирантуры создает базу для складывания научной школы.

Ее организационные формы, которые можно считать закономерностью в формировании научных школ в археологии в университетах страны таковы. Это организация специализации по археологии, создание кабинета археологии, студенческого научного кружка по археологии. Однако самым важным организационным элементом является создание археологической экспедиции, которая вмещает в себя и реализацию исследовательских задач, и подготовку кадров молодых археологов, и наиболее эффективные формы организации научной деятельности. Позднее, с ростом квалификации исследователей к этим организационным формам добавляется аспирантура и докторантура.

Практически все эти элементы научной организации характеризуют деятельность научной школы археологов в Уральском университете, которая была создана В.Ф.Генингом в 60-е гг. XX в. Кружок «Археология Урала», кабинет археологии, создание Уральской археологической экспедиции, аспирантура по археологии позволили за короткий промежуток времени создать полноценный научный

коллектив, способный решать сложные исследовательские задачи на обширных пространствах Урала и Западной Сибири. Высокий квалификационный уровень специалистов дал возможность создать в структуре Уральского университета уникальное образование - хозяйственную археологическую лабораторию, ставшую в конце 60-х гг. XX в. новым элементом в деятельности археологов, позволившим уже на высокопрофессиональном уровне исследовать древнюю историю региона.

Важным элементом, фиксирующим институционализацию научной школы, является проведение коллективом крупных научных конференций. На них, как правило, складывающаяся научная школа выступает со своей исследовательской программой, излагает пути и методы ее достижения, обращает внимание научного сообщества на круг назревших научных проблем. Такие конференции консолидируют вокруг программы значительный круг специалистов, не обязательно работающих в одном научном учреждении. Так для научной школы О.Н.Бадера таким значимым событием стало первое уральское археологическое совещание, а в развитии научной школы В.Ф.Генинга - второе уральское археологическое совещание.

В силу этих причин в археологии возможно выделение научных школ по региональному признаку, как правило, связанному с конкретным университетом. Безусловно, такой оценки заслуживает научная школа О.Н.Бадера, созданная в Пермском университете в 1946-1955 гг., научная школа В.Ф.Генинга в Уральском университете. Очевидно, что более пристальное изучение исследовательских коллективов в археологии позволит выделить и еще значительный пласт региональных научных школ, в основе выделения которых лежит специфика исторического развития того или иного университета.

Отечественные университеты возникали при разных исторических обстоятельствах. Пермский университет имел богатую традицию, заложенную в начале 20-х гг. XX в. А.В.Шмидтом. В Свердловске такая основа была заложена в предвоенные годы Н.Н.Бортвиным, в годы войны А.А.Иессеном, С.А.Судаковым, а после войны К.В.Сальниковым и Е.М.Берс. Местные условия наложили свой отпечаток на развитие археологии в университетах: они определили тематику и направление археологического

изучения региона, подготовили организационные формы деятельности. Это создало те исторические предпосылки, на основе которых стали формироваться региональные научные школы.

Однако интеллектуальные истоки научных школ не всегда берут начало в местных университетах. Основой их возникновения стали исследовательские программы, усвоенные будущими лидерами научных школ в других научных учреждениях страны. Для О.Н.Бадера это были исследовательские традиции школы Б.С.Жукова и шире - русской географической школы Д.Н.Анучина, - освоенные в Институте и музее антропологии МГУ. В.Ф.Генинг как ученик О.Н.Бадера реализовывал в своей практике методологические и методические приемы, освоенные в Пермском университете.

Своеобразие научных школ в археологии определяется содержанием исследовательской программы, выдвигаемой лидером научного коллектива и разрабатываемой его учениками. Это, пожалуй, наиболее сложный аспект в изучении научной школы. Если образовательный аспект их деятельности очевиден, документально подкреплён множеством источников, а организационные формы деятельности научной школы также легко атрибутировать, то выделение и анализ исследовательской программы требует достаточно больших усилий, поскольку последние, как правило, не являются фиксированным документом.

При этом концепция главы школы не тождественна исследовательской программе: не все идеи главы школы входят в число ее исследовательских программных установок. Те же положения его концепции, которые вошли в состав программы перестают быть просто логической конструкцией: они становятся руководящими принципами, целевыми установками научной деятельности целого коллектива. Подобная трансформация вызывает определенные изменения в характере исходных идей лидера, т.к. процесс их восприятия и приложения в конкретных исследованиях - это не автоматический перенос, но всегда в большей или меньшей степени творческая переработка, в которой играют роль и индивидуальные особенности ученого, и условия научной деятельности, и характер изучаемого явления. Поэтому исследовательская программа - это не просто система идей лидера, но система идей лидера, принятая к действию. Она выступает как феномен научного сознания, как логическая

система, признаваемая группой исследователей, и как феномен деятельности, представленный ее целевыми установками и способами достижения познавательных целей (Никишенков А.А., 1982, с.56-57).

Особую сложность представляет определение своеобразия исследовательских программ при изучении научных школ в советской археологии. Мировоззренческие установки советской эпохи предполагали наличие некоего теоретического и методологического единomyслия в исторической науке. При общности исследовательских задач в изучении археологических материалов, раскопках новых объектов, публикации материалов с последующим созданием общей культурно-хронологической классификации археологических материалов всех эпох сложно предположить возможность существования различных подходов в их реализации.

Действительно, и исследования КАЭ, и работы Уральской археологической экспедиции были связаны с широкомасштабными раскопками, публикацией материалов и созданием культурно-хронологической периодизации регионов деятельности этих коллективов. В чем принципиальное отличие выдвигаемых научными школами исследовательских программ?

Первое, что определяет своеобразие научных школ в археологии, связано с уровнем продуцируемого научной школой нового знания (выдвижение новой проблемы; создание новой гипотезы, теории; открытие законов и правил, открытие новых явлений; создание новых методов исследования; накопление фактического материала). Возможность различных позиций в изучении археологического материала, даже одного и того же источника, заложена в многообразии и неисчерпаемости свойств каждого явления. В силу этого плюрализм в познании становится неизбежным. Особенно это касается конкретно-исторического аспекта изучения жизнедеятельности прошлых обществ. При этом научная ценность каждого варианта интерпретации археологического источника определяется не столько исходя из его соотношения с другими, сколько – и, прежде всего, – с предметом исследования. В основе плюрализма может быть то, что в качестве предмета исследования избираются разные стороны одного и того же явления и процесса или же явление исследуется с разных позиций. Поэтому конкурирующие интерпретации

характеризуются взаимодополняемостью, проистекающей из того, что данные интерпретации опирались на разные свойства исторического процесса.

Вот почему в археологии возможен плюрализм в интерпретации археологических объектов, в создании методов археологического исследования. Он вполне дополняется тем, что каждая научная школа складывается в процессе широкомасштабных полевых исследований, что позволяет вводить в научный оборот новый фактический материал, позволяющий приблизиться к отображению инвариантности истории, исследуемой на основе ископаемых источников.

В этом смысле полевые исследования свердловских археологов привели к введению в научный оборот значительного археологического материала и созданию законченной схемы культурно-исторического процесса с эпохи палеолита до позднего средневековья. Это был собственный, совершенно новый взгляд на последовательность в развитии древних и средневековых обществ, в основе которого лежал новый археологический материал.

Другое дело, что, чем ближе научная мысль подбиралась к вопросам материалистической теории, затрагивавшим напрямую или весьма непосредственно область идеологии, а также положение и роль этой теории в отечественном обществоведении, тем больше сужалась сфера плюрализма. В большинстве случаев для первобытной эпохи теоретические интерпретации базировались на марксистских идеях родовой теории. Поэтому и в монографических исследованиях отдельных археологических культур, и в целой системе характеристики исторического процесса на Урале и в Западной Сибири исторические интерпретации основывались на исторической периодизации развития родовых отношений.

Но и в этой области исследований свердловской школой В.Ф.Генинга был сделан значительный прорыв. Изучение этнических процессов в первобытности стало первым опытом изучения этого феномена с позиций познавательных возможностей археологического источника. Понятийный аппарат, позволяющий уйти от унитарно-стадиальной схемы в развитии социальных отношений в первобытности, стал важным опытом археологии в формировании конкретно-исторических теорий. Он был подкреплён и разработкой новых методов исследования, связанных, в первую очередь, с изучением массового материала основанного на формализованно-статистических методах.

Разрабатываемая и совершенствующаяся исследовательская программа находила свое выражение в конкретных исследованиях членов научной школы. Экспансия взглядов научной школы была достаточно динамичной. В течение достаточно короткого времени Уральский университет приобрел черты интеллектуального лидерства не только в региональной археологии, но, благодаря продуктивности исследовательской программы, и страны в целом.

Приложение

В.Ф.ГЕНИНГ АВТОБИОГРАФИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Изложить научную биографию, по-видимому, невозможно без хотя бы краткого обзора общей трудовой деятельности, которая, конечно, оказывает большое влияние на научную работу, как в отношении выбора района работ, так и тематики. Кроме того, составляет проблему само изложение научной деятельности в археологии, где проведение экспедиций и получение материалов нередко отделено от его публикации и научного осмысления десятилетиями. Я предпочел, поэтому, кроме раздела о научно-педагогической работе, выделить два основных раздела: исследования в области Урало-Сибирской археологии, где выделены тематические части по регионам, в

* «Автобиография научной деятельности» В.Ф.Генинга представляет собой 46-страничную незавершенную машинописную рукопись, по-видимому, напечатанную самим ученым. Судя по охвату описываемых в «Автобиографии» событий, время ее написания - середина 80-х гг. XX в. В тексте имеются многочисленные пронумерованные ссылки на научные труды В.Ф.Генинга. Однако в самой рукописи библиографии нет. Поскольку в самом тексте «Автобиографии» не всегда просто установить содержание конкретных ссылок, то при публикации они опущены. Составленный позднее Б.Б.Овчинниковой библиографический указатель работ ученого, расходится с последовательностью ссылок, упоминаемых в «Автобиографии» (Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель, 1999). Но он может быть использован для понимания содержания текста «Автобиографии». При публикации максимально сохранена авторская стилистика и орфография. Мною внесены изменения лишь в явные опечатки, содержащиеся в подлиннике рукописи. Часть «Автобиографии», посвященная основным итогам научно-исследовательской деятельности В.Ф.Генинга по урало-сибирской археологии, была подготовлена к печати и опубликована Л.И.Ашихминой в 1995 г. (Ашихмина Л.И., 1995). Подлинник документа хранится в семье ученого. Его копия любезно передана мне дочерью ученого Л.В.Чижовой.

которых изложение включает обзоры экспедиционных работ и последующую научную обработку материалов, проводившуюся, как правило, намного позднее; и раздел об исследованиях в области истории, теории и методологии археологии, где также выделены тематические части.

Начало послевоенной трудовой деятельности у меня связано с работой в качестве преподавателя в школах Красновишерского района, в начале в пос.Велс, а затем в самом городе (1945-1948 гг.). В 1947 г. поступил на историко-филологический факультет Пермского университета им. А.М.Горького. Первый курс закончил заочно. В 1948-1952 гг. учился на стационаре и специализировался по археологии. Первую экспедицию, связанную с раскопками, провел в августе 1948 г. Еще в предыдущем году я проводил со школьниками 6-7 классов города Красновишерска туристический поход по р.Вишере – реке дивной красоты, с прозрачной кристально чистой водой, шумными перекатами и тихими плесами, залесенными берегами с каменистыми обнажениями-«камнями», отвесно стоящими над рекой. Каждый из них имеет свое имя: Говорливый камень, Писанный камень, Моховой камень и многие другие. Если в первый год мы больше любовались природой, собирали минералы и растения, а по реке добрались до самых порогов, что в 72 км от последнего поселка Велс, то в 1948 г. занялись историей. Посетили заброшенный еще с 1905 г. завод, построенный французским акционерным обществом на р.Кутим, а затем остановились у Писаного камня, где по сведениям краеведческой литературы находились наскальные рисунки. Но к этому времени уже определилась моя «специализация». Накануне, в июле месяце, я сдал экзамены за I курс в университете и познакомился с О.Н.Бадером. Он был страшно занят организацией работ на палеолитической стоянке им.Талицкого и поселениях эпохи бронзы в низовьях р.Чусовой. Времени у него было, вероятно, в обрез, поэтому мое обращение с просьбой проинструктировать, как провести полевые работы в походе, который я провожу со школьниками, вызвало довольно большое удивление (тем более, что я еще не сдавал ему экзамен по археологии!). Вероятно, мои просьбы были настойчивы, и О.Н.Бадер дал мне на лето небольшую книгу, посвященную археологическим занятиям туристов, и пожелал успехов! Эта книжка была моим первым наставлением в археологической деятельности, поэтому в память о данном жизненном повороте,

первая книжка, которую я написал и опубликовал, также была посвящена археологическим занятиям юных туристов!

Писанный камень - это ряд отвесных стен-скал высотой 60-90 м. У подножья одной расположена узкая полоска земли, длиной всего 45 м! Над этим участком на скале нанесено множество разнообразных рисунков на высоте до 5-6 м. Приспособления для копирования рисунков были, конечно, весьма примитивны, но все же большинство лучше сохранившихся изображений мы скопировали. Кроме того, у подножия начали раскопки. И хотя вскрыли всего около 2 кв. м, вещей собрали много и самых оригинальных, которых при дальнейшем вскрытии не оказалось на других участках!

С этой коллекцией и копиями рисунков я и появился в сентябре 1948 г. в кабинете археологии, несказанно удивив своих будущих однокурсников В.Оборина, В.Денисова, В.Белоусова, Т.Медведеву, С.Володину. Очень заинтересовался нашими открытиями и О.Н.Бадер. Живое восторженное интерес к каждому оригинальному памятнику – черта характера О.Н.Бадера.

Во время учебы в университете уже после второго курса мы руководили разведочными отрядами и стационарными раскопками под наблюдением О.Н. и М.А.Бадер, а после 3-го курса были начальниками новостроечных отрядов. В 1951 г. в «Кратких сообщениях ИИМК» была опубликована моя первая научная статья. В 1952 г., после окончания университета, я работал преподавателем истории средних школ г.Кудымкар и с.Сива Пермской области. Летом проводил большие экспедиции, в которых были заняты в основном школьники. В 1954 г., по приглашению Удмуртского НИИ организовал Удмуртскую археологическую экспедицию, а осенью перешел на работу в Удмуртский республиканский музей зам. директора по науке. Здесь впервые была создана большая экспозиция по археологии Удмуртии. Отдельные ее компоненты используются в музее до сих пор.

В 1955 г. я впервые участвовал в Пленуме Института археологии, где представил выставку о работах Удмуртской экспедиции и выступил с докладом. Здесь я познакомился со многими археологами Москвы, Казани и других городов и получил предложение поступить в аспирантуру ГИМа или ИИМК к А.П.Смирнову. Но меня привлекала Казань, где я в 1955-1958 гг. проходил аспирантуру в Институте языка, литературы и истории при Казанском филиале АН СССР.

26.11.1958 г. на заседании Ученого Совета ИИМК в Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Пьяноборская культура на Средней Каме». В этот период я продолжал полевые работы в Удмуртии и Кировской области, а также в Татарии, участвуя в обследованиях районов для археологической карты.

В 1960 г. поступило предложение подать документы на конкурс в Уральский университет на кафедру истории СССР на должность доцента. Познакомившись с условиями работы, я переехал в Свердловск, где, затем в 1961 г. был утвержден в звании доцента по кафедре истории СССР. Работа в Уральском университете на протяжении 14 лет – один из самых активных, насыщенных и плодотворных периодов научной деятельности. И, хотя большинство материалов из обширных раскопок многочисленных памятников почти всех археологических эпох, не удалось до конца обработать, осмыслить и подготовить для публикации, это было время, когда я пришел к твердому убеждению, что прогресс в развитии археологического знания, эффективность осмысления источников невозможно осуществить без разработки теоретико-методологических вопросов археологического познания. Но одно дело понять эту, казалось бы, простую истину, но совсем другое – найти пути ее преодоления!

В Уральском университете нами была организована и издательская деятельность. За время работы здесь было издано 13 выпусков «Вопросов археологии Урала», освещавших работы сотрудников экспедиции и результаты моих исследований в Прикамье.

Весной 1974 г. я защитил в Москве докторскую диссертацию на тему «Этническая история Южного Прикамья в I тыс. н.э.». Защита проходила довольно бурно, немало пришлось и ждать с утверждением в ВАКе (23.01.1976), в связи с его реорганизацией. Осенью 1974 г. я переехал в Киев в Институт археологии АН СССР на должность зам. директора по науке. Это было сделано после настоятельной рекомендации врачей, в связи с ухудшением здоровья и необходимостью изменения климата постоянного местожительства. Полевые работы пришлось оставить, и в научной деятельности большую часть времени я уделял методологическим проблемам, хотя было написано еще немало работ по урало-сибирской археологии.

В 1978 г. в Институте, да и впервые в стране, было создано новое по направлению исследований подразделение – Отдел

теории и методики археологических исследований, заведующим которого я и был утвержден.

16 мая 1985 г. я был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР за значительный вклад в развитие археологической науки и подготовку научных кадров.

13 декабря 1985 г. по решению ВАК мне было присвоено звание профессора по специальности «археология».

В 1986 г. после инфаркта я освободился от административной должности в дирекции института и остался зав. Отделом теории и методики археологических исследований.

Научно-педагогическая деятельность

Первые уроки научно-педагогической деятельности в подготовке специалистов-археологов мы получили в Пермском университете, когда сами овладевали азами науки и помогали другим, младшим, товарищам. Все лекции и занятия по археологии проводил О.Н.Бадер. От него мы получили и первые навыки в полевых работах, а дальше он считал, что археолог должен познавать все новое в работе, тогда больше ответственности и интереса. Это, вероятно, было его основным педагогическим принципом, который постоянно привлекал очень многих людей различных склонностей, но увлекающихся археологией. Так, осенью после второго курса вся группа старшекурсников в течение месяца вела раскопки большого жилища на стоянке Бор I на Чусовой. Каждый сам копал, сам упаковывал, фиксировал остатки на чертежах и описывал все результаты. Полное самообслуживание и прекрасная школа!

Это позволило О.Н.Бадеру уже на следующий год поставить каждого из нас – В.Оборина, В.Денисова, Т.Медведеву, В.Белоусова и меня - ответственными на раскопах, где работали 5-6 человек. Раскопки стоянок эпохи бронзы на Чусовой, весьма насыщенных кремнем и керамикой, а также остатками сооружений требовали большой внимательности. Осенью того же года, как и в предшествующем сезоне, вся наша группа проходила учебную практику на раскопках Невولينского могильника, где О.Н.Бадер также организовал работы по принципу самообслуживания. Эти работы познакомили нас с основами археологических раскопок и уже в следующем 1951 г. каждому из нас были поручены самостоятельные раскопки, так как мы являлись начальниками

отрядов новостроечной Камской экспедиции. С этого времени О.Н.Бадер был постоянно занят организацией довольно крупных новостроечных экспедиций, в которые он нередко привлекал и своих первых пермских учеников. В нашей памяти О.Н.Бадер остался навсегда как чуткий и отзывчивый старший товарищ, деливший с нами все радости и невзгоды экспедиционной жизни, в те годы совсем еще необеспеченные такими комфортом как автомашина, спальные мешки, раскладушки и даже палатки и т.п. После окончания университета он постоянно проявлял участие в нашей судьбе, встречи с О.Н.Бадером всегда давали заряд оптимизма, новые идеи и устремления в работе.

Организация учебы и работы в широких масштабах требовала не только личного участия, но и создания коллектива помощников, с которыми проводились ежегодные разведки и значительные раскопки. В Пермском университете со мной активно сотрудничали В.Неприна, Ю.Поляков, М.Ланько, Э.Медникова, В.Лунев и др.

После окончания университета мне пришлось в течение 2-х лет работать в школе. В г.Кудымкаре при музее организовал кружок археологии для старшеклассников. Ребята знакомились с историей, занимались упорно, с большим интересом готовили доклады, даже с иллюстрациями. Не отпугнуло их и то, что нам пришлось в стужу заниматься в неотапливаемом помещении! Но они были вознаграждены – летом 20 школьников 8-9 классов составили основу экспедиции, проводившей раскопки (?) и Каневского могильников. 13 из них поехали затем на раскопки Бурковских курганов и Зародятского селища. Все они прекрасно рисовали, и это помогло уже в поле обработать весь материал. Одна из участниц этих работ Г.Климова увлеклась затем археологией и этнографией и стала специалистом-этнографом, а несколько других членов кружка избрали специальности, связанные с историей.

С началом работ Удмуртской экспедиции для студентов исторического факультета Удмуртского пединститута мне пришлось впервые подготовить лекционный курс по археологии Прикамья. В работах экспедиции в течение многих лет участвовали студенты Удмуртского пединститута В.А.Семенов, Г.Т.Кондратьева, ставшие затем археологами-профессионалами, а Л.Голикова, И.Питиримова, Р.Нурмухамедова, И.Поскребышев, Н.Главатских, В.Семенова

и другие составляли основной костяк рабочей силы высокой квалификации Удмуртской и других экспедиций.

В первый же год работы экспедиции в разведках и раскопках участвовали студенты-археологи МГУ, направленные на практику: Г.Карпова, С.Ошибкина, М.Бухтеева и Пермского ГУ – Б.Кадиков, Э.Медникова, Э.Ланько, Г.Матвеева.

С поступлением в аспирантуру Казанского филиала АН СССР, к работе с археологическими материалами, в том числе экспедиции, организованной по линии Казанского университета, привлекались студенты исторического факультета. Среди них постоянно работали В.Стоянов, Е.Казаков, И.Вайнер, освоившие практику полевых исследований и подготовки полевых отчетов, а затем и навыки научного исследования археологического материала. Все, кто проявлял желание специализироваться по археологии, получали возможность не только участвовать, но и самостоятельно проводить археологические работы, осваивая навыки исследования.

После защиты кандидатской диссертации весной 1960 г. я получил предложение участвовать в конкурсе на замещение должности доцента кафедры истории СССР в Уральском университете. В беседе с деканом факультета В.Я.Кривоноговым и зав. кафедрой истории древнего мира М.Я.Сюзюмовым было высказано пожелание организовать на истфаке специализацию по археологии и развернуть широкие экспедиционные работы с финансированием за счет университета. Это как нельзя лучше совпадало с моими интересами в дальнейшей работе, тем более, что обширные пространства равнинного Зауралья и лесостепи Западной Сибири фактически оставались белым пятном на археологической карте.

Осенью 1960 г. началась моя работа в УрГУ, продолжавшаяся 14 лет, после чего мне по рекомендации врачей пришлось сменить место жительства.

Научно-педагогическая работа в УрГУ организовывалась в нескольких основных направлениях.

Учебный процесс по обязательной программе исторического факультета требовал обеспечить чтение трех курсов и проведения для всех студентов после окончания I курса учебной трехнедельной археологической практики. После первого года чтения лекций я предложил объединить курсы истории первобытного общества и основ археологии в

единый курс, для которого была написана специальная программа. На основе этой программы читались лекции на историческом факультете, а также на отделении искусствоведения и философском факультете. Следует отметить, что такое соединение курсов оказалось весьма рациональным. Студенты хорошо усваивали не только общие закономерности развития первобытности, но и большой археологический материал, иллюстрировавший процесс на конкретных памятниках. Регулярно проводилась и учебная практика студентов, которая давала им хорошие знания по археологии, используемые в дальнейшем в учебном процессе в школе. Здесь они проводили лекции, устраивали экскурсии, демонстрировали фильмы, снятые в первые годы работы экспедиции. Очень многие студенты, причем не только исторического факультета, участвовали по несколько сезонов в экспедиционных работах – в разведках и на раскопках. Недостатка в рабочей силе в экспедиции никогда не было! Активистов, проработавших не менее трех сезонов, награждали нагрудным значком УАЭ.

Практику студенты проходили небольшими группами в отрядах Уральской экспедиции, поэтому всегда была возможность оставить для дальнейших работ тех, кто интересуется археологией. Чтение общих курсов в дальнейшем осуществляли В.Е.Стоянов, Р.Д.Голдина, В.Т.Юровская, В.И.Стефанов и другие.

Специализации по археологии уделялось в эти годы основное внимание. Необходимо было так организовать подготовку молодых специалистов, чтобы они получили за время учебы как общие знания по археологии, так и всесторонние навыки исследовательской деятельности и могли бы специализироваться на какой-либо узкой проблематике. Весь курс специализации включал четыре основных раздела.

1. Общетеоретическую подготовку давали циклы лекций-спецкурсов по различным эпохам и регионам (каменный и бронзовый век, античная и славяно-русская археология и др.). Я читал наиболее крупный годовой курс по археологии Урала, включавший углубленное изучение всей основной литературы (более 80 наименований). Для чтения спецкурсов приглашались специалисты из Москвы и Ленинграда – по каменному веку Л.Я.Крижевская, по палеоантропологии Г.Ф.Дебец, по этнографии М.Бахта и В.В.Пименов, культурологии Э.С.Маркарян.

2. Методика полевых археологических исследований включала несколько циклов, разделенных по нарастающим курсам. Лекционный курс знакомил с основными принципами раскопок различных категорий археологических памятников. Практические навыки полевых работ студенты получали на рабочих местах в Уральской экспедиции, усваивая последовательно, как работают с лопатой, как проводится фиксация материала, остатков сооружений. Первоначально они сами копали, затем работали в качестве помощников у опытных сотрудников, а далее сами становились руководителями раскопок. Точно также проходили школу археологической разведки. Обычно это осуществлялось на больших раскопках, где коллективно, систематически обсуждался ход работ.

Обязательным разделом полевой практики было проведение археологических разведок в течение 2-3 сезонов, с последующим оформлением отчетов. На семинарских занятиях в течение года анализировались итоги полевых работ каждого студента. Зачет по курсу состоял из результатов работ за все годы учебы. Все специализирующиеся получали за время учебы Открытые листы, так что к окончанию они имели право вести самостоятельные полевые исследования.

3. В особый курс была выделена методика камеральной обработки археологического материала, которая включала работу над теми коллекциями, которые добывались каждым во время полевой практики. Кроме того, здесь проходило знакомство с основами реставрации археологических материалов, типологии и классификации, правил оформления чертежей, рисунков и т.п. Особое внимание уделялось освоению различных методов формализованно-статистических процедур при обработке массовых источников, в первую очередь керамики.

4. Исследовательскую практику специализирующиеся получали при выполнении курсовых (уже со 2-го курса) и дипломных работ, которые содержали обычно анализ результатов полевых материалов, добытых при участии самого дипломника. Общее направление этих работ диктовалось теми задачами, которые решались в данный момент Уральской экспедицией.

По договоренности на факультете специализация начиналась на 2-м курсе, и группы археологов (до 6-8 студентов) набирались через год. Между этими наборами

энтузиасты специализировались по индивидуальным планам. Первый выпуск 1965 г. - В.Т.Юрковская (Ковалева), В.Швечникова, Т.Бушуева (Гашева), М.Позднякова, С.Данилевич, В.Неживых, В.Фролов - выполнили огромную работу по разведочным обследованиям в Зауралье по Тоболу и Ишиму, которые были в этот период главными направлениями в работе Уральской экспедиции. Активную практику этот курс провел в ЛОИА, собирая данные по дореволюционным работам в Зауралье, а на последнем курсе была осуществлена поездка по античным и средневековым памятникам Крыма.

Вместе с этим коллективом, с которым занимались также В.Е.Стоянов и В.Д.Викторова, в дипломных работах, посвященных составлению археологических карт, были выработаны основы культурно-хронологической периодизации памятников Зауралья и Тобол-Ишимской лесостепи от неолита до позднего средневековья, которые в дальнейшем получили развитие в специальных работах, в том числе в диссертации В.Е.Стоянова (1967 г.), В.Д.Викторовой и др.

Во втором выпуске были Г.Зданович, В.Евдокимов, С.Медведчук (Зданович), Б.Овчинникова, Е.Шилина (Мырсина), Л.Шорикова (Пешкова), которые наряду с разведками большое внимание уделяли стационарным раскопкам, осуществляемым в больших масштабах Уральской экспедицией, поэтому они уже специализировались по эпохам. Третий выпуск 1969 г. – Т.Чебакова, Ю.Рыжов, Н.Федюнева (Алексашенко), Л.Жукова, М.Тимофеева, В.Овчинников, Е.Сулин - специализировались в основном по ранним эпохам и работали в большинстве в Южном Зауралье.

Выпуск 1971 г. – Л.Ашихмина, Л.Генинг (Чижова), Н.Ещенко (Стефанова), В.Одинцов, В.Стефанов, В.Трофименко и Н.Федорова выполнял основные работы в Прииртышье, особенно на комплексах Черноозерья. В качестве преддипломной практики этот курс в течение месяца ознакомился и работал на памятниках Средней Азии – в Туркмении на раннеземледельческих поселениях, посетил Пенджикент, Афрасиаб, Бухару и другие города.

В 1973 г. окончили специализацию «археология» В.Борзунов, Л.Корякова, М.Романова (Елькина), В.Кернер, С.Морозов, Л.Сухина, А.Шорин. В 1975 г. окончили университет Е.Беспрозванный, Т.Нохрина, Л.Дрябина, Л.Горбунова, Н.Крутских, В.Запарий, А.Вольхин.

В разные годы индивидуальную специализацию проходили А.Ширяев, М.Чеснокова, А.Яркин, В.Петрин, М.Крамаровский, Т.Зезина, Т.Гусенцова, Ю.Чемакин, Л.Косинская, Г.Бельтикова, А.Прокопов, В.Кананин, М.Чистякова, Л.Казиминова и другие. Конечно, не все, прошедшие специализацию, в силу различных причин остались работать в области археологии. Первоначально не было соответствующих рабочих мест, особенно в Свердловске. Но с организацией широких хозяйственных работ в Зауралье и Сибири при кабинете археологии с 1967 г. сформировался большой коллектив, насчитывавший в начале 70-х гг. уже до 15-20 сотрудников. Многие годы здесь работали Т.Чебакова, В.Борзунов, Н.Алексашенко, В.Петрин, Н.Стефанова, В.Морозов, В.Кернер, М.Елькина, Г.Бельтикова, Ю.Чемакин и другие.

В Петропавловске Северо-Казахстанской области выпускниками Уральского университета Г.Б.Здановичем и С.Я.Зданович организованы обширные работы, которые позволили здесь вырастить большой коллектив специалистов-археологов. В дальнейшем они перешли на работу в Карагандинский, а затем в Челябинский университет, где работает сейчас большая экспедиция.

В.В.Евдокимов проводил большие работы в Кустанайской области, а затем перешел на работу в Карагандинский университет, где также создал коллектив археологов.

В Сыктывкаре работают Л.Ашихмина и Л.Косинская, в Новосибирске В.Петрин. Наиболее крупные работы и специализацию по археологии организовала Р.Д.Голдина, перешедшая в 1972 г. на работу в Удмуртский университет, где сложился новый большой коллектив археологов.

За время работы в Уральском университете здесь прошли аспирантскую подготовку В.Д.Викторова, Р.Д.Голдина. Позднее я руководил также подготовкой диссертационных работ Л.И.Ашихминой (Сыктывкар) и В.В.Евдокимова (Караганда). На базе научной подготовки, полученной в Уральском университете, и работ, проводившихся Уральской экспедицией, защищали диссертации В.Е.Стойнов, В.Т.Юровская, Т.М.Потемкина, Г.Б.Зданович, В.Т.Петрин, Л.В.Чижова, Л.Н.Корякова, Т.М.Гусенцова, Л.И.Дерябина, Б.Б.Овчинникова, В.А.Борзунов, В.М.Морозов. Свердловская школа археологов играет ведущую роль в развитии современной урало-сибирской археологии.

После переезда в Киев и перехода на работу в Институт археологии АН УССР, связь со студенческой средой стала намного слабее. В Киевском университете на кафедре археологии лишь дважды пришлось прочесть спецкурсы по методологии археологии, которые были также прочитаны в Воронеже, Ижевске и Свердловске.

В Институте археологии больше пришлось заниматься руководством подготовки диссертаций сотрудниками и аспирантами отдела теории и методики археологических исследований. Уже защитили кандидатские диссертации Е.П.Бунятян, Ю.В.Павленко, Л.С.Гераськова, С.Ж.Пустовалов. Подготовлены к защите работы А.И.Ганжи, О.М.Кудрявцевой, работающей ныне в Удмуртском университете.

Исследования в области Урало-Сибирской археологии

Начиная с 1948 г. и до 1975 г. ежегодно на протяжении летнего сезона, я проводил полевые археологические исследования в различных районах средней полосы от Волги до Иртыша. Эти работы дали огромные материалы, поскольку экспедиции включали нередко несколько отрядов, и за 28 лет только стационарными раскопками было изучено около 100 пунктов, включая такие комплексы как Андреевское озеро, Барсова гора, Бреды (Синташта), Черноозерье. Естественно, что осмысление этих материалов, относящихся к различным эпохам, археологическим культурам и регионам, заняло немало времени. Это и обусловило значительные разрывы между раскопками, подготовкой материалов к публикации и научной атрибуции их результатов, поэтому результаты исследований в области Урало-Сибирской археологии я излагаю не в строго хронологическом порядке, а по основным тематическим разделам, что позволяет соединить экспедиционные исследования с содержательными результатами и публикациями.

1. Работы в Верхнем Прикамье.

В 1948 г. я провел свою первую экспедицию на Писаном камне и перешел на стационар университета. С этого времени начинается работа по археологии Верхнего Прикамья. Каждое лето еще студентами по 3-4 месяца проводили в поле – в разведках и на раскопках. Но первая действительно научная экспедиция в 1949 г. была все же опять на Писаный камень на р.Вишеру, по следам наших открытий. Однако, теперь уже во главе с О.Н.Бадером, на Писаном камне было проведено

полное копирование всех древних рисунков, а у подножья - раскопки всего слоя с жертвенными остатками, которые опубликовал О.Н.Бадер. После окончания работ здесь и отъезда основной группы, я, А.Вечтомов, Р.Чубарова (Косарева), остались завершать обследование окрестностей и открыли временную стоянку у подножья навеса «Бычок», а у входа в пещеру Темную - жертвенное место ананьинского времени. Эти материалы послужили темой для постановки вопроса о северных границах ананьинской культуры в первой научной публикации, вышедшей в 1951 г. Разведки по Вишере и Колве позволили выявить еще 16 памятников.

Следующий полевой сезон был занят учебной практикой по раскопкам стоянки Боровое Озеро II, памятника исключительно интересного по конструкции жилищ с несколькими камерами, наличием «мужского дома» с кремнеобрабатывающими мастерскими и т.п. В этих раскопках ближайшими помощниками были В.Неприна и В.Лунев. Они же вошли в разведочный отряд, обследовавший нижнее и среднее течение р.Сылвы. Сылвенский маршрут выявил 24 памятника, а на Бродовском могильнике проводились небольшие раскопки.

У О.Н.Бадера находились архивные материалы М.В.Талицкого, который скопировал полевую документацию из раскопок Неволинского могильника, произведенных А.В.Шмидтом в 1926-1927 гг. О.Н.Бадер передал мне эти материалы и поручил подготовить план новых раскопок, который и был реализован осенью 1950 г. как учебная практика по методике раскопок могильников. И здесь был успешно применен принцип самообслуживания. Материалы этих раскопок позднее были подготовлены мной в совместной публикации в Венгрии с Иштваном Ердели и Естер Остози.

Со времени раскопок Неволинского могильника четко определилась моя специализация - железный век Прикамья, ломоватовская АК. Тема эта привлекала во многих отношениях - эпоха I тысячелетия - последний этап первобытности и канун классового общества, массовые переселения. В археологии Прикамья - появление курганных могильников, а затем богатейших могильников типа Неволينو и наряду с этим - городища почти без культурных остатков!

В весенние и осенние периоды со студентами, причем не только археологами, организовывались разведочные

«пикники» в окрестностях Перми по р.Мулляне, когда было обследовано немало памятников гляденовского и ломоватовского времени.

В последующие годы было проведено еще два маршрута на Отву и Сылву и в 1951 г. внимание было сосредоточено на обследовании памятников бассейна р.Гаревой, где и начали раскопки Опутятского городища - сильного укрепления со слабым культурным слоем. Большая площадь, вскрытая здесь - до 1/3 всей площади, принесла результаты. Это оказалось поселение древних металлургов.

На 3-4 курсе активно сотрудничали с В.Обориным. В качестве курсовой написали грандиозный обзор по всей известной по раскопкам керамике Прикамья - от неолита до русских поселений! Работа была иллюстрирована рисунками с изображениями сосудов в натуральную величину, и впоследствии ею долго пользовались в кабинете археологии как учебным пособием!

В эти же годы мы увлеклись с В.Обориным темой по Глядену. Прежде всего, привлекала загадочность Гляденовского костыща. Обработка его материалов позволил выдвинуть довольно дерзкую для студентов идею о том, что костыще это могильник с остатками трупосожжения! Наряду с этим мы горячо отстаивали правомерность разделения Прикамья на две культуры - пьяноборскую и гляденовскую.

Но главное внимание на последнем курсе было сосредоточено все же на сборе и обработке материалов по ломоватовской АК. Она стала темой дипломной работы, в которой были сделаны первые обобщения, составлена археологическая карта.

Сезон 1952 г. после завершения дипломной работы был первым по своим крупным масштабам, когда Добрянский отряд КАЭ работал пятью группами одновременно в радиусе 30 км на Зародятском селище, Опутятском городище, Бурковском могильнике, Усть-Туйском костыще и Скородумском селище. В отдельные периоды здесь было занято до 100 человек! Обширные площади, вскрытые на этих памятниках, дали прекрасные материалы, освещавшие многие вопросы в совсем новом свете. Но главное, был приобретен опыт широкомасштабных полевых исследований и организации больших коллективов для подобных работ. После окончания университета, в силу сложившихся обстоятельств,

мне пришлось больше развивать свои контакты и работать с местными музеями. Еще в 1951 г. были проведены разведочные обследования и раскопки на городище Лобач по линии экспедиции Кунгурского музея. Вместе с результатами разведок по Сылвинскому маршруту и небольшими раскопками на могильнике Селянино Озеро это позволило поставить проблему выделения Сылвинской АК IX-XIV вв. на юге Верхнего Прикамья. При активном содействии директора Коми-Пермяцкого музея в г.Кудымкаре Ф.П.Будкевича осенью 1952 г. были проведены раскопки на Урьинском могильнике позднеломоватовского времени и разведки на нескольких других памятниках. В следующем году эти работы были продолжены в еще больших масштабах на Каневском и Выжгортском могильниках этого же времени. Затем, по приглашению Пермского областного музея, были проведены раскопки на Деменковском могильнике ломоватовской АК, и в рамках Камской новостроечной экспедиции закончены раскопки Зародятского селища и Бурковских курганов.

В этих работах активное участие принимали старшекурсники университета М.Ланько, Э.Медникова, Ю.Поляков, В.Лунев, В.Неприна и многие другие. Этими работами были получены значительные материалы, впервые всесторонне освещавшие ломоватовскую эпоху в Верхнем Прикамье. Но, работая преподавателем в школе г.Кудымкара и с.Сивы, времени оставалось лишь на подготовку довольно больших отчетов, а требовался дальнейший анализ вопросов хронологии, культурной специфики и особенно проблем социально-экономического развития, которые были поставлены в дипломной работе. Поэтому публикация результатов раскопок этих лет была осуществлена значительно позднее, в большинстве своем совместно с Р.Д.Голдиной, которой были переданы эти материалы для работы над кандидатской диссертацией.

В начале сезона 1954 г. была организована экспедиция Пермского краеведческого музея, осуществившая интересные раскопки на Федотовском городище на р.Н.Муллыны. Вскрыты были жилища и хозяйственные сооружения послегляденовского времени, сходные с зародятскими, но полностью материалы не опубликованы и до сих пор.

В дальнейшем к раскопкам верхнекамских памятников пришлось обратиться лишь кратко временно в 1956 г., когда

были раскопаны курганы Харинского типа у д.Митино, Пеклаиб и Чазево, и новые раскопки на Осинском городище, позволившие поставить проблему выделения в Среднем течении Камы самостоятельной Осинской АК послеананьинского времени. В 1959 г. в рамках Камской экспедиции проводились раскопки на харинском могильнике у д.Качка, средневековом городище почти без культурного слоя Красная горка на Средней Каме, а затем в бассейне Н.Муллыны на городище Алтен-Тау и Солтанамка.

Но верхнекамская тематика по гляденовской, гаревской, харино-ломоватовской культурам постоянно привлекала внимание и постоянно присутствовала в обобщающих работах.

2. Работы по археологии Удмуртии /1954-1959 гг./

В 1954 г. по инициативе директоров Удмуртского НИИ А.Н.Вахрушева и республиканского музея М.И.Чукавиной постановлением Совмина Удмуртской АССР была организована Удмуртская археологическая экспедиция, на руководство которой я был приглашен. Археология Удмуртии в тот период была небогата исследованиями. Еще до революции А.А.Спицын и Г.Н.Первухин провели значительные обследования памятников в бассейне р.Чепцы, которые в 30-х гг. были продолжены С.Г.Матвеевым и А.П.Смирновым. Однако они относили все чепецкие памятники ко времени не ранее IX-X вв.

На юге, в Прикамской Удмуртии, было известно немало памятников по раскопкам, проводившимся до революции А.А.Спицыным лишь на Зуевском могильнике ананьинского времени и могильнике Нырғында II пьяноборского времени. Эти материалы неоднократно описывались в публикациях А.П.Смирнова. Учитывая такое состояние дел, было решено сосредоточить основное внимание на исследованиях в Прикамской Удмуртии.

В первые три года в этих районах были проведены сплошные разведочные исследования по обоим берегам Камы и Ижа, осуществленные силами студентов МГУ и Пермского ГУ (С.Ошибкина, И.Голупова, Г.Карпова, М.Бухтеева, И.Ланько, Э.Медникова и другие). Здесь же воспитывались и свои кадры из Удмуртского пединститута. В.Семенов стал вскоре не только прекрасным разведчиком, осуществлявшим на протяжении многих лет систематические обследования территории Удмуртии, но и достаточно квалифицированным

археологом, раскопавшим многие поселения и могильники, будучи сотрудником республиканского музея, а затем Удмуртского НИИ. Такой же путь прошла и Г.Т.Кондратьева, работавшая впоследствии в Удмуртском пединституте и защитившая диссертацию по чепецким памятникам в Московском пединституте. Разведки вместе с результатами полевых работ позволили уже на первых порах составить первую достаточно полную археологическую карту Удмуртии.

Раскопки были сосредоточены в первую очередь на памятниках пьяноборской АК - могильниках Чеганда II, Ныргында I и II, городищах Чеганда I, Ныргында II и Барановском селище, а также памятниках послепьяноборских - мазунинских могильниках, позволивших выделить особую Мазунинскую АК. Проблема разделения пьяноборских памятников на 3 периода, выдвинутая в свое время А.Тальгреном, а затем поддержанная М.Худяковым и А.П.Смирновым, заставила расширить район работ, поскольку в Прикамской Удмуртии не оказалось памятников последнего периода, и в 1956 г. были проведены разведочные обследования по среднему течению р.Вятки и раскопки на Азелинском и Суворовском могильниках. И хотя здесь было вскрыто всего 51 погребения, они дали богатейшие материалы III-V вв. Раскопки на Буйском городище вскрыли слои ананьинского времени и синхронные указанным могильникам.

Удмуртская экспедиция в эти годы работала в тесном контакте с антропологической экспедицией МГУ, возглавляемой М.С.Акимовой, обрабатывавшей антропологические материалы из наших раскопок, а также ряда поздних - удмуртских могильников - Аксашурского, Буринского, Можгинского.

В 1957 г. я поступил в аспирантуру в Казанском Филиале АН СССР, поэтому наряду с исследованиями в Удмуртии принимал участие в работах Марийской, Татарской и Нижнекамской экспедиций.

С 1957-1959 гг. исследования в Удмуртии были перенесены в основном в бассейн р.Чепцы, где проводились раскопки на памятниках полумской АК (могильники Мыдлань-Шай, городище Гыркешур и Каравалес) и чепецкой АК (могильник и городище у д.Весья-Кар), а также сплошные разведки проводили В.Семенов и Г.М.Кондратьева с рекогносцировочными раскопками на многих из них. Разведками в среднем течении р.Вятки были обследованы

остатки ранних (XIV - XVI вв.) русских поселений. В центральной части Удмуртии разведками было выявлено несколько мазунинских памятников и на Ижевском могильнике проведены раскопки.

Результаты археологических работ в Удмуртии получили отражение в ряде информационных статей, а более полно в специальных исследованиях, прежде всего по проблемам общей систематизации и периодизации археологических памятников Удмуртии, разрабатывавшихся в 1956-1958 гг., чему была посвящена и первая книга, вышедшая в 1958 г., и разработкам по отдельным археологическим культурам и эпохам, в течение последующих лет работы уже в Уральском университете, когда осуществлялись публикации результатов исследований по ним.

Уже в эти годы главное внимание в разработках по культурам уделялось не формальным классификациям и типологиям, а содержанию социальных процессов, особенно этнических и общественно-экономических.

По ананьинской АК, после монографического исследования А.В.Збруевой, можно было уточнять лишь некоторые частные вопросы. Небольшие раскопки на городище Каменный Лог на юге Удмуртии дали интересную стратиграфию, позволившую наметить хронологию развития керамики, а раскопки предананьинского комплекса поселения и могильника у с.Кумыс в Татарии - осветить некоторые вопросы генезиса этой культуры.

Чегандинская (пьяноборская АК) привлекла наибольшее внимание. Эта тема была разработана в кандидатской диссертации, защищенной в 1959 г. в Институте археологии АН СССР, в значительно переработанном виде опубликованной только в 1970-1971 гг. Основная идея здесь сводилась к тому, что памятники Камы в районе устья р.Белой, расположенные компактной группой, следует выделять в качестве самостоятельной АК III в. до н.э.-II в. н.э., и хотя следующие за ним памятники III-V вв. в бассейне р.Вятки, несомненно, обнаруживают генетическую связь, но они должны быть выделены в отдельную азелинскую АК, поскольку явственно представляли более высокую ступень общественно-экономического развития. Чегандинская АК - это время существования постоянных племенных союзов, что удалось четко проследить по археологическим материалам. По чегандинским погребениям впервые были выполнены

многочисленные реконструкции женского костюма, что особенно хорошо выделяло этническую специфику данного населения.

Мазунинская АК III-V вв. была выделена в начале работ Удмуртской экспедиции, поскольку сразу же обнаружился разительный контраст материалов Мазунинского могильника с чегандинскими. Мазунинская тема была предметом оживленной дискуссии с Н.А.Мажитовым, который пытался включать ее памятники в состав бахмутинской АК, но это лишь результат того, что в самой бахмутинской АК этот исследователь не смог разобраться. Мазунинские могильники в дальнейшем широко исследовались и в диссертации Т.Останиной уже было описано более 1000 погребений.

Азелинская АК III-V вв. представлена памятниками низовьев Камы, прилегающих районов Поволжья и Вятки, которые раньше относили к III стадии пьяноборской культуры. Весьма удачные раскопки Азелинского и Суворовского могильников позволили всесторонне осветить не только хронологию и вещевой комплекс, но и показать, что они представляют достаточно ярко новую ступень социального развития всего населения Прикамья, начало заключительного этапа окончательного разложения первобытных отношений, ознаменованных экономическим выделением больших патриархальных семей, отделением металлургии от сельского хозяйства и выделением военной аристократии. Все эти вопросы были предметом дискуссии с А.П.Смирновым, написавшим рецензию на книгу по Азелинской АК. В обстоятельном ответе на нее были суммированы наши аргументы.

Поломская АК, памятники которой - собственно два могильника у с.Полом - были раскопаны еще в 1906-1908 гг. П.Г.Тарасовым и В.Д.Емельяновым, почему-то оставались полностью вне внимания исследователей. Уже знакомясь с ними в 1956-1957 гг. стало ясно, что бассейн р.Чепцы был заселен уже до IX в., и культуру этого времени я выделил в поломскую. Раскопки на могильнике Мыдлань-Шай позволили изучить организацию этого периода. К сожалению, материалы городищ Гыркесшур и Каравалес остались не опубликованными. В дальнейшем памятники поломской АК исследовались Г.Кондратьевой и В.А.Семеновым, монографически опубликовавшими материалы Варнинского

могильника. По материалам этого памятника мной был проведен формализованно-статистический анализ этнического состава и происхождения его населения, позволивший показать его двухкомпонентность, один из которых восходит к осинской АК.

Чепецкая АК объединяет памятники IX-XIV вв., которые уже ранее исследовались в большом количестве. Раскопки на могильнике Весья-кар и Бигер-Шай и городища у этого же памятника, продолженные затем В.А.Семеновым, позволили получить впервые хорошо документированные материалы.

Исследования археологических памятников Удмуртии, их систематизация впервые позволили поставить проблему формирования удмуртского народа на конкретных источниках. В основе сложения удмуртского этноса находится население бассейна р.Чепца, появившееся здесь в IV-V вв. Включение в орбиту удмуртского этногенеза населения южных и западных районов республики происходило вероятно уже в рамках Русского государства.

Вновь к полевым исследованиям в Южной Удмуртии пришлось обратиться почти через 10 лет, во время работы в Уральском университете, когда в 1968-1972 гг. проводились охранные раскопки в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. В этих работах активное участие принимали Р.Д.Голдина, Л.И.Ашихмина, Т.Останина, А.Прокопов и другие. Были исследованы Быргындинское I и V поселения финальной бронзы, городища Ныргында I и III, Юньга, Каменный Лог. Наиболее крупные раскопки проводились на могильниках Ныргында I и II и Зуево-Ключевском городище.

3. Археология Южного Приуралья эпохи великого переселения народов, включающая памятники I тыс. н.э., расположенные на южной окраине лесной зоны, на стыке с лесостепью (Нижняя Кама, прилегающие районы Поволжья и бассейн р.Белой), привлекла надолго внимание автора (1956-1980 гг.) в связи с проблемой великого переселения народов и, в частности, происхождения венгров, которых многие исследователи того времени считали родственными башкирам и в области р.Белой искали прародину венгров до переселения в IX в. на Дунай. Археологически эта проблема оставалась совершенно не исследованной. Столь же слабо было изучено археологически переселение в VIII в. в Волго-Камье болгар и их отношения с местным населением. Частично венгерско-башкирская тематика была затронута мной уже при

исследовании мазунинских памятников. Кстати, в раскопках Мазунинского могильника принимал участие венгерский антрополог Тибор Тотт, проходивший аспирантскую подготовку в МГУ. Уже с этого времени у меня установились тесные контакты с некоторыми венгерскими археологами: А.Барта, И.Эрдели, затем И.Фодором и другими, и я стал регулярно получать венгерскую археологическую литературу.

Экспедиционные исследования по южноуральским памятникам I тыс. были сравнительно невелики. В 1956-1957 гг. была организована экспедиция Казанского университета, проводившая раскопки на комплексе памятников у с.Рождественно, а в 1959-1960 гг. раскопки Кушнаренковских могильника и селища в Башкирии и Тураевских курганов в Татарии. В эти годы были проведены совместно с А.Х.Халиковым обширные раскопки Больше-Тарханского раннеболгарского могильника. Среди студентов Казанского университета в эти годы в наших экспедициях много работали В.Стоянов, Е.Казаков, И.Вайнер, ставшие в дальнейшем профессионалами.

В Южном Приуралье обширные исследования проводились также другими исследователями (Н.А.Мажитов, Г.И.Матвеева, Е.А.Халикова, С.М.Васюткин, П.Н.Старостин, Шокуров, Г.Н.Матюшин и другие), в результате которых и вырисовалась чрезвычайно пестрая картина, особенно по керамике и погребальному обряду в памятниках I тыс. н.э. Возникла нестандартная ситуация, когда различные типы археологического материала оказывались смешанными, сосуществовавшими в одних памятниках, и даже погребениях. Все это больше привлекало интерес, причем в первую очередь проблемой решения теоретических оснований и методов исследования подобных ситуаций.

Обработка материалов, более или менее однородных из Нижнего Прикамья, позволила выделить здесь именковскую АК второй половины I тыс. н.э., а для памятников бассейна р.Белой этого же времени после ряда поисков и опытов была разработана система выделения археолого-этнических типов (АЭТ), позволявшая фиксировать этнические компоненты в составе смешанного населения, которое объединялось в кушнаренковскую АК (или эпоху). Наиболее полно эта концепция нашла свое отражение в крупной публикации, а затем и докторской диссертации, в которой археологические материалы увязывались с проблемами этногенеза башкир и

венгров. Если в отношении первых они и могли свидетельствовать о сильном разноэтничном субстрате в составе, то вопрос о венграх в Башкирии был в значительной степени снят из-за отсутствия близких археологических аналогий. Для решения этой проблемы пришлось рассматривать не только приуральские материалы. В 1971-1972 гг. я познакомился детально с археологией Венгрии I тыс. и написал обзоры по памятникам сармат, гуннов, гепидов, аваров и «эпохи занятия родины» в которых довольно отчетливо просматривается их восточное происхождение, но в бассейне р.Белая подобные памятники неизвестны. К сожалению, эти очерки остались в рукописи.

Башкирские памятники второй половины I тыс. дают наглядную картину эпохи великого переселения народов, когда на периферию великого пути по евразийским степям вытеснялись отдельные, иногда пришедшие издалека группы населения. Интереснейшим и важным для изучения исторического процесса оказался Тураевский могильник, содержащий исключительные захоронения военачальников - показатель начала окончательного разложения первобытных отношений, наступления эпохи военной демократии.

Представление докторской диссертации в 1973 г. в скифо-сарматский сектор Института археологии АН СССР вызвало длительную дискуссию, в которой особенно возражали против прямой постановки этнической проблемы А.П.Смирнов, Ю.А.Краснов, В.И.Мошинская и Н.В.Членова. Защита диссертации длилась 5 часов.

В период аспирантуры и работы в Казанском филиале АН СССР, кроме постоянных работ по Удмуртской экспедиции в 1955-1960 гг., принимал участие в разведочных обследованиях по составлению археологической карты Татарии, во время которых были проведены раскопки Кумысского могильника и стоянки предананьинского времени, а также Больше-Тарханского могильника ранних болгар. В 1957 г. по линии Марийской экспедиции провел раскопки на Вятке Сарапульского жертвенного места и Юмского могильника, давшего чрезвычайно интересные материалы, к сожалению, до сих пор не опубликованные полностью. Материалы Юмского могильника были использованы при подготовке доклада, содержащего сравнительный анализ трех этнических массивов IX-X вв. - мари, муромы, костромской и ростовской мери на конференцию о происхождении марийского народа (Йошкар-Ола, 1965 г.)

4. Уральская археологическая экспедиция /1961-1975 гг./

Все годы работы в Уральском университете я продолжал научное осмысление и подготовку публикаций по прикамской археологии, о которых писалось выше. Эта же тематика была избрана в качестве докторской диссертации, защищенной в 1974 г. Поэтому широкие полевые исследования и анализ материалов по Зауралью и Западной Сибири фактически осуществлялись постоянно в сопоставлении с результатами и опытом Прикамских работ.

При планировании начала работ Уральской экспедиции приходилось считаться с рядом объективных обстоятельств, среди которых, в первую очередь, почти полное отсутствие археологических исследований на равнинах лесостепей Зауралья и Западной Сибири. Кроме того, необходимо было создать научный коллектив, который бы мог решать задачи первоначального археологического обследования указанной территории и создания культурно-хронологической периодизации памятников, выявляемых в ходе работ. В дальнейшем можно было заняться уже более углубленными исследованиями отдельных культур, эпох или регионов.

I этап работ Уральской экспедиции 1961-1965 гг. Основные задачи состояли в обследовании бассейна р. Тобола, Исети, Туры, Тавды и Ишима. Раскопки проводились на памятниках всех периодов, которые представляли наибольший интерес. Научное руководство осуществлялось в основном мной совместно с В.Е.Стойновым и В.Д.Викторовой, а в дальнейшем и Р.Д.Голдиной. Из Москвы были приглашены Л.Я.Крижевская, М.С.Акимов и М.Г.Мошкова. Но все разведочные и в значительной мере камеральные работы выполнялись студентами-археологами I и II выпусков. Они были нашими ударными кадрами. Общие итоги работ экспедиции освещены в печати очень неравномерно, также как далеко не все результаты раскопок оказались опубликованными их авторами. Среди опубликованных памятников есть палеолитические стоянки Кокуй, но большинство памятников относятся к финальной бронзе и раннему железному веку - Старо-Маслянское поселение, Абатские, Шадринские, Лихачевские, Фоминцевские курганы, Прыговское городище, поселения Чунина, раннесредневековое Логиновское городище, и позднесредневековый Пахомовский могильник. Подготовлены и сданы в печать Лихачевский средневековый и Шмаковский раннего железного века могильники.

Интересные и ценные материалы содержат результаты работ на Прыговских курганах на р.Исети и Лихачевском городище, относящихся к началу раннего железного века, двух Бакальских городищ эпохи средневековья. Не опубликованы и результаты некоторых исследований, проведенных другими сотрудниками экспедиции. Наиболее полная информация о работах Уральской экспедиции в 1961-1965 гг. содержится в многочисленных отчетах, хранящихся в архивах Полевого Комитета ИА АН СССР и Кабинете археологии УрГУ.

Из научных результатов работ этого этапа, в первую очередь, следует отметить составление археологических карт перечисленных выше районов работ экспедиции, выполненных в дипломных работах выпускников 1965 г. В них обобщены материалы разведок и эти карты послужили надежной источниковой базой в дальнейших исследованиях. Но еще большую ценность имело установление хронологии и выделение культурных типов, а в ряде случаев и АК по вновь собранным материалам разведок и раскопок. Фактически необходимо было создать культурно-хронологическую периодизацию огромного региона - лесного Зауралья и Tobol-Иртышской лесостепи, ранее совершенно не изученных в археологическом отношении, и это потребовало напряженной работы большого коллектива дипломников I выпуска под руководством В.Ф.Генинга, В.Д.Викторовой и В.Е.Стоянова. Здесь не раз возникали жаркие дискуссии, когда для сравнительного анализа привлекались коллекции, наблюдения по стратиграфии и т.п. Эта периодизация была принята в дальнейших исследованиях.

С 1965 г. начинается новый этап в работе Уральской экспедиции, когда значительную организационную и научную автономию приобрели исследования отдельных районов в Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской областях и Удмуртии. Эта тенденция усилилась в 1967 г. с началом широких хоздоговорных работ на новостройках и формированием штата сотрудников-археологов при кабинете археологии из выпускников, получивших специальную подготовку по археологии.

Начало этим работам было положено в Челябинской области, где вначале проводились разведки в зонах строительства сравнительно небольших водохранилищ, а затем и раскопки на поселениях Камбулат, Сарафановское

(Т.Н.Чебакова) и Миасском могильнике (Е.Морев) андроновского времени. Большие работы начались затем на Брединском водохранилище на р.Синташта. Здесь было открыто и раскопано значительное количество стоянок каменного века (раскопки В.Т.Петрина и Т.М.Гусенцовой). Но особенно хорошие результаты дали раскопки андроновских поселений (Мирный II, III, Рымникское (Синташтинское) и курганов Мирный и Рымникский (Т.Чебакова, В.И.Стефанов, Ю.П.Чемякин, Л.Н.Корякова).

Наиболее крупные и новые по своим результатам были раскопки комплекса Синташта в 1972-1975 гг., открывшие уникальные остатки, связанные с индо-ариями середины II тыс. до н.э. Большой курган (высотой до 5 м и диаметром до 90 м с наземным захоронением типа толоса), малые курганы и грунтовой могильник с остатками колесниц и массы жертвоприношений животных, металла и керамики, наконец, открытие уникального поселения с глинобитными жилищами и печами (а в дальнейшем выяснилось - и круговыми укреплениями). В раскопках этого комплекса участвовали Л.И.Ашихмина, В.И.Стефанов, А.Д.Пряхин, Н.Б.Виноградов.

В Курганской области работы продолжались на р.Исети (Л.Я.Крижевская, В.Е.Стойнов, В.Рыжов и др.) в том числе на мезолитической стоянке Сухрино и комплексе Боборыкино и др., и по р.Тоболу, где в 1966 г. раскопки могильника Раскатиха проводились под нашим руководством Т.М.Потемкиной. Разведочные обследования продолжались под руководством В.Т.Петрина с участием Е.М.Беспрозванного и Н.Крутских. Им же было раскопано палеолитическое местонахождение Шикаевка, Б.Б.Овчинникова проводила раскопки на Старо-Лыбаевском городище.

В Тюменской области продолжались работы по р.Ишиму, раскопки Лихачевского городища (В.Ф.Генинг, Г.Б.Зданович), неолитических памятников у с.Ир (Л.Л.Косинская) и андроновского поселения Пахомовская Пристань I (В.В.Евдокимов). С 1967 г. начались работы на Андреевском озере у г.Тюмени (Л.Я.Крижевская и В.Т.Юровская), где была раскопана известная неолитическая стоянка Козлов Мыс. Но большие работы были развернуты в связи с проектом создания ряда объектов зоны отдыха на южном берегу озера, где оказалось уникальное скопление памятников различных эпох. В связи с организацией охранных работ мне пришлось несколько раз выезжать на место, где и была выработана

основная методика. Разведки охватили южный берег озера на протяжении 5-6 км, где залегал практически сплошной культурный слой мощностью 25-40 см, широкой полосой 200-300 м. В местах, где находились остатки жилищ-землянок, этот слой доходил до 1 м и более. Береговая линия здесь была довольно ровная, и вдоль нее на расстоянии 50-200 м от уреза воды была заложена сетка шурфов в 25-50-100 м друг от друга в шахматном порядке. Практически во всех шурфах были обнаружены культурные остатки, что позволило ясно представить распределение культурного слоя, а в ряде случаев жилищ и укреплений, на всей полосе будущей застройки. Раскопки производились на площадях, где по проектам должны были вскрывать грунт под фундаменты строений, коммуникаций и т.п. Наряду с поселениями эпохи камня и бронзы, здесь находились и более поздние, в том числе городища. Постоянные раскопки здесь проводили В.Т.Юровская, В.Д.Викторова, периодически работали М.Романова, Л.Сухина, Л.Ашихмина и др. В дальнейшем Уральская экспедиция обследовала также северный берег Андреевского озера и соседнее оз.Дуваней, где было открыто много памятников.

Другим объектом, на котором пришлось также разрабатывать специфическую методику и неоднократно выезжать на место раскопок была Барсова Гора у г.Сургута на Оби. Первые разведки здесь провели еще в 1966 г., а с 1970 г. начали широкие исследования. Сложность данного комплекса заключалась в том, что Барсова Гора - очень высокая песчаная коренная терраса правого берега р.Оби - была излюбленным местом постоянного и временного поселения на протяжении нескольких тысячелетий. Само плато террасы оказалось на большей части (около 32 га) буквально усыпано остатками жилищ различной конфигурации и размеров (от 7х5 до 19х27 м). На поверхности они обычно имели невысокие 10-20 см валообразные окружения с ровной площадью в середине. Но это уже удалось установить, когда была разработана методика исследования: остатки принадлежали наземным, по-видимому, зимним жилищам, стены которых были заложены тонким дерновым слоем, снятым с площади пола, где находились очаги, а иногда и хозяйственные ямы. Для того чтобы зафиксировать эти остатки вся площадь 32 га была разделена на участки по 100х100 м, для каждого из которых проводилась съемка

топографического плана с нанесением контуров жилищ. Всего их было зафиксировано 562, что не исчерпывает всего количества. Часть, по-видимому древнейших, не сохранила на поверхности очертания. Она вскрывалась только раскопами, значительная же часть уже была разрушена при строительстве поселка мостотряда № 29.

Другим объектом пристального внимания стала береговая линия - край террасы Барсовой Горы, где было обнаружено 52 городища различной формы, не редко перекрывающие друг друга. И здесь была разработана методика разбивки сплошной линии берега на отдельные мерные участки, с которых снимались планы расположения городищ с жилищами и другими археологическими остатками, в небольших масштабах проводилась шурфовка и раскопки. Организационно Сургутский отряд несколько сезонов возглавлял В.П.Викторов. К сожалению, уникальный комплекс Барсовой Горы до сих пор публикуется отдельными авторами малыми порциями, не дающими никакого представления о его целостном состоянии и значении для истории Среднего Приобья. В разное время здесь вели раскопки Н.Федорова, Ю.Чемакин, К.Елькина, В.Кернер, В.Морозов, Н.Алексашенко, Г.Бельтикова, В.Борзунов, Л.Косинская, А.Шорин и другие.

В Омской области УАЭ начала работать в 1965 г. проведением обширных раскопок на городище Большой Лог у г.Омска, содержащем прекрасный культурный слой со множеством остатков сооружений - жилищ и хозяйственных построек и вещей эпохи финальной бронзы, раннего средневековья (логиновского типа) и позднего средневековья (типа Кучум-горы и Пахомовского могильника) связанных с населением Сибирского ханства. Материалы эти остались еще не опубликованными.

На следующий год были проведены разведочные обследования вдоль р.Иртыш, открывшие ряд памятников, среди которых наибольшее внимание привлек комплекс у с.Черноозерья. Осмотр памятника весной 1967 г. показал, что вдоль невысокой боровой террасы над сухой поймой р.Иртыш (в 5-6 км от современного русла) на протяжении почти 2-х км залегают культурные остатки различного типа и степени концентрации. Значительные разрушения культурному слою причинили многолетние распашки, растащившие керамику, кости и кремневый инвентарь на значительное расстояние. Для

выяснения характера залегания культурного слоя вдоль террасы в 15-25 м от ее края была проложена траншея длиной более 500 м и шириной 0,5 м со строгой фиксацией остатков по участкам, стратиграфические разрезы позволили очертить отдельные поселения с жилищами, укреплениями и вскрыли два могильника.

Крупномасштабные работы здесь были развернуты в 1967-1970 гг., в которых активное участие в разные годы принимали В.Т.Петрин, В.П.Викторов, О.Кондратьев, Н.Стефанова, Н.Федорова, В.Стефанов, Л.Косинская и другие. Здесь исследовались поселения эпохи позднего палеолита и мезолита, поселения неолита и энеолита, эпохи бронзы: Черноозерье IV и могильник Черноозерье I. Курганы раннего железного века и другие памятники. Большие исследования были проведены и в окрестностях Черноозерья (работы В.Стефанова, Н.Федоровой, Н.Стефановой и др.).

В 1970 г. в Томске проводилось совещание по хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири. На этом совещании было представлено два наших коллективных доклада, в которых впервые была разработана культурно-хронологическая периодизация Иртыш-Ишимской лесостепи с эпохи неолита до позднего средневековья. В Новосибирске позднее была опубликована совместная монография с В.Т.Петриным о палеолитической стоянке Черноозерье II.

5. Основные итоги научно-исследовательской деятельности по урало-сибирской археологии.

Во всех работах, связанных с раскопками памятников, а они занимали немало времени, сами раскопки и публикация памятника никогда не были для меня самоцелью. Также как и их культурно-хронологическая классификация, хотя этой проблеме уделялось очень много внимания. Все это в конечном итоге должно было иметь выход на вопросы изучения социально-исторического развития древнего населения изучаемого по археологическим источникам. Это было для меня аксиомой, без которой археология, при всей ее привлекательности, теряла смысл как историческая наука. Конечно, это было нелегко и вызывало нередко весьма бурное противодействие наших маститых археологов.

Что же сделано в этом направлении в Прикамской археологии? Наряду с традиционными приемами анализа археологического материала я стал все чаще вводить данные

статистики и корреляции, что давало весьма убедительные доказательства. Многочисленные новые полевые материалы, а также привлечение уже известных коллекций позволили обосновать выделение культур рубежа н.э.: чегандинской, осинской, гляденовской и гафурийско-убаларской. Карабызскую АК здесь выделил А.Х.Пшеничнюк. Это членение не формальное - за каждой культурой стоит самостоятельный этнос со своей спецификой в хозяйстве и общественной организации. Это время постоянных племенных союзов (что прослеживается археологически!) и расцвета первобытных этносов. В ближайшее время по этой теме в Москве будет издана монография, содержащая теоретико-методологическое обоснование принципов выделения АК и характеристику этнической истории Приуралья на рубеже н.э. Выделены культуры III-V вв.: азелинская, мазунинская, бахмутинская и гаревская (по ней материалы пока не опубликованы: Усть-Туйское капище, Федоровское городище, Зародятское селище).

Необходимость выделения этой эпохи обусловлена двумя факторами: крупными сдвигами в общественно-экономической организации (начало второго крупного разделения труда: выделение кузнецов ремесленников и обособление военачальников), и тем, что переселение отдельных групп внутри Прикамья происходило за счет местного населения. Фактически это рубеж, разделяющий раннюю и позднюю ступени разложения первобытных отношений в Прикамье.

Для второй половины I тыс. н.э. были выделены именьковская культура в Нижнем Прикамье, полумская на р.Чепце и опубликованы материалы по харино-ломоватовской культуре Верхнего Прикамья.

Особенно сложным и трудным оказалось Южное Приуралье – бассейн р.Белой, где во 2-й половине I тыс. появляются многочисленные, разные по керамике и погребальному обряду, памятники, причем зачастую со смешанными материалами. После нескольких опытов выделения АК и типов я пришел к заключению, что здесь необходимо применение совершенно нового метода анализа, направленного на вычленение в погребениях и керамике коррелированных, этнических по происхождению, традиций в виде археолого-этнического типа (АЭТ). Это и позволило в конгломерате кушнаренковской эпохи наметить до 12-14 этнических групп по происхождению, что вполне типично для эпохи великого переселения народов.

Для позднего периода средневековья была выделена чепецкая АК, связанная с предками удмуртов, и сылвинская АК в Верхнем Прикамье. Подробно были освещены вопросы переселения на Волгу болгар.

Наряду с исследованиями по отдельным периодам и культурам написан ряд обобщающих статей и проблемные работы по этногенезу народов Волго-Камья: удмуртов, башкир, марийцев, ранних болгар на Волге и приуральских манси, а также о происхождении венгров.

Зауральская региональная тематика не получила столь широкого освещения в печати. Лишь публикации отдельных памятников и оказание помощи сотрудникам в разработке культурно-хронологических схем отдельных регионов были выполнены за годы работы в Уральском университете.

Целостная концепция развития памятников Иртыш-Ишимской лесостепи разрабатывалась коллективно для Томского совещания 1970 г. Здесь было выделено несколько культур эпохи неолита (кокуйская), бронзы (логиновская, кротовская, большеложская) и железного века (абатская, подчевашская).

Нашими работами по Тоболу, Ишиму, Иртышу и Оби было заполнено большое «белое пятно» в археологической карте Зауралья и Западной Сибири. Впервые выявлены и раскопаны памятники практически всех эпох. Эти работы положили начало систематического исследования значительного региона, где в настоящее время трудится несколько научных коллективов.

Особое место занимает разработка по археологии ранних индо-иранцев - одной из наиболее актуальных проблем современной истории европейского и индийского населения, чему было посвящено несколько статей в связи с раскопками могильника Синташта. Работа над этой проблемой продолжается.

Исследования в области теории и методологии археологии.

В археологии 50-х - начала 60-х гг. вопросы методологии археологического знания не выходили, как правило, за пределы описания методов полевых работ - археологических раскопок. Мой интерес к исследованию социально-исторических вопросов обнаружил сразу со всей очевидностью отсутствие методологических и теоретических оснований в практике исследований археологов и актуальность разработки этих проблем, которых, к сожалению, достаточно много. На осознание этого ушли многие, многие годы и вырваться из

«эмпирического плена» романтики археологических раскопок оказалось очень нелегко. Поэтому пришлось остановиться на разработке отдельных вопросов теории и методологии археологии.

I. Проблема периодизации и выделения АК является первым шагом в теоретическом обосновании научного знания, поэтому она в конкретно-археологических исследованиях и вызывает столь частые споры, не выходящие, однако, на уровень науковедческого, теоретического, философского анализа.

В качестве эмпирической базы для разработки вопросов периодизации и выделения АК было написано несколько обобщающих очерков по археологии отдельных регионов и эпох Прикамья, Урала в целом, лесостепной зоны Иртыш-Ишимского междуречья.

Дискуссия по АК сосредоточена практически вокруг ее определения. Традиционно АК определялась как совокупность сходных памятников одного времени, расположенных на ограниченной территории. Но в таком определении нет указаний на его связь с социально-исторической действительностью. Проблема обоснования социологического содержания понятия АК, вызывающая дискуссии до сих пор, была поставлена в 1959 г. в кандидатской диссертации и затем неоднократно рассматривалась в ряде работ по археологии Прикамья в том числе в ситуациях экстраординарных - смешанности археологических материалов, как, например, в средневековой Башкирии. Во всех этих работах доказывалось соответствие АК отдельному обществу древности или этносу на определенном этапе социально-экономического развития. Эта идея была обобщена в специальной статье изданной в 1975 г. Дальнейшие исследования этой проблемы носили уже более четко теоретико-методологическую направленность, при которой необходимо проведение философского анализа, приводящего в конечном итоге к построению теории АК. В такой теории категория АК соотносится со структурой социальной системы, и это позволяет рассматривать ее как определенное подразделение этой системы. Наиболее плодотворным оказалось исследование проблемы АК с позиции общей теории систем, при котором общепринятое определение АК рассматривалось как эмпирическая модель АК, а теоретическое истолкование ее достигнуто при анализе сложноорганизованных систем, какими являются социальные,

для обеспечения нормального функционирования которых создается механизм самоуправления и регуляции. В этом механизме главное звено - информационный код, который для каждого отдельного общества должен быть единым по форме и содержанию во всех компонентах социальной системы - в средствах общения, деятельности и предметном мире, создаваемом системой. Единство (сходство) по форме и содержанию предметного мира социальной системы отдельного общества и соответствует эмпирической модели АК. Рассмотрение отдельного общества со стороны специфики его информационного кода характеризует его этническую сферу. Выделение отдельного специфического информационного кода социальной системы позволяет идентифицировать отдельный этнос, а в системе археологического познания АК - отдельный этнос или социально-исторический организм.

2. Этнические проблемы в своем частнонаучном аспекте присутствуют в большинстве разработок по этногенезу отдельных народов: удмуртов, марийцев, башкир и т.д. Определенное место они занимают и в теории АК. Но долгое время слабо разработанной оставалась и общая теория этноса, особенно в эпоху первобытности. Это и побудило обратиться к более глубокому исследованию сущности (онтологической стороны) этнического процесса, результаты которого были опубликованы в монографии в 1970 г. Здесь этнический процесс рассматривается как явление надстроечного порядка, т.е. детерминированное структурой и генезисом экономического базиса, а в конкретно-историческом проявлении особенностями развития экономики и общественно-исторических условий формирования отдельных обществ - социальных организмов. Данный подход заставил особое внимание обратить на институт племени, который нередко отождествляется с этносом первобытности. Фактически это зарождающийся институт организации власти и управления в обществе, т.е. ее политической надстройки, а не этнической. Анализ развития общественно-экономической системы первобытности позволил выделить четыре качественные ступени, различающиеся степенью проявления факторов, характеризующих этносы и тем самым их общую структуру и тенденции развития.

Проблема происхождения древнейших /первоначальных/ этнических общностей, или истоков этнического процесса в социальном развитии, была поднята впервые в 1964 г. в

докладе на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве на материалах, связанных с уральской языковой семьей. Основная идея сводилась к утверждению этнических свойств как неотъемлемой части социального развития, следовательно, вместе со становлением человека современного типа и родового общества в позднем палеолите формируются и древнейшие этнические общности. Их различия были обусловлены географической изоляцией отдельных групп, а сходство (родство языка) - постоянными контактами в силу экзогамных отношений между группами населения в таких обособленных регионах. Эта тема развивалась и в специальной работе по этническому процессу и служила темой докладов на Всесоюзных конференциях финноугроведов в Ижевске и Йошкар-Оле, где вызвала весьма бурную реакцию большинства лингвистов, которые рассматривали историю языка (этносов) не ранее 5-6 тыс. лет назад, но и поддержку ряда исследователей (В.И.Алатырев, В.В.Пименов и другие). Эта же тема была представлена в докладах на V Уральском совещании в Сыктывкаре и VII совещании в Ижевске и на III и V международных конгрессах финноугроведов в Таллине и Турку в 1970 и 1980 гг., а также на V конгрессе международной унии славянской археологии в Киеве в 1985 г., где были рассмотрены уральская и индоевропейская этнические общности в их развитии раннем и развитом родовом обществе (до III-II тыс. до н.э.).

Только такая постановка проблемы генезиса этнических (языковых) общностей придает ей действительно исторический характер, вскрывая диалектику ранних этапов этнического процесса в тесной связи с социальным развитием. Отрадно, что к выводу о зарождении современного типа языков приходят и лингвисты (Андреев Н.Д., 1986).

3. История археологии. Практически история археологии, как развитая целостная специфическая научная система, до сих пор отсутствует. Многочисленные экскурсии и даже монографии посвящены обычно описанию конкретной деятельности отдельных ученых, изучению отдельных регионов и культур. До сих пор не изучена также история развития советской археологии, поэтому, обратившись к данной проблематике, естественно, что в первую очередь меня заинтересовало время становления марксистских основ советской археологии, так как это, несомненно, был качественный скачок в развитии науки. В монографии,

опубликованной в 1982 г. дан анализ нескольких аспектов в развитии советской археологии: становление ее организационной структуры, развитие методов исследования и внедрение марксизма, как мировоззренческой основы в системе познания. Особое место здесь заняла проблема выделения качественно различающихся научных направлений, названных соответственно классическим, эволюционистским, палеоэтнологическим и социологическим. Дальнейшее исследование именно в этом аспекте показало, что научные направления отражали качественно различные периоды в развитии науки, рассматриваемой сквозь призму концепции научных революций, разрешающих периодически возникающие в науке проблемные ситуации. В этом плане развитие археологии прошло три периода - археология древностей - первая половина XIX в.; культурархеология - 70-е гг. XIX в - 30-е (зарубежная археология - 60-е) гг. XX в. и социоархеология - современный период, внутри которого с 60-х гг. намечается новый этап, связанный с широкой постановкой теоретико-методологических проблем археологической науки.

4. Вопросы теории и методологии археологического познания.

Постановка различных проблем археологии в теоретико-методологическом плане, обрисованная выше, в той или иной мере заставляла все больше обращаться к рассмотрению их в логико-гносеологическом аспекте, т.е. каким образом они должны решаться специфическими средствами археологической науки. Первоначальные публикации содержали постановку наиболее общих актуальных задач по разработке теории и методологии археологических исследований. Затем мое внимание было сосредоточено на вопросах исследования и определения объекта и предмета науки в археологии, как проблемы, характеризующей в наиболее концентрированном виде специфику научной системы археологии и ее отличие от других наук и определяющей основное направление познавательных задач археологии, в частности, социально-историческую направленность со временного археологического познания, в противовес культурно-историческому предшествующего периода. Первые статьи по этому вопросу вышли в 1975 г. и завершены монографией 1983 г.

Наряду с этим пришлось обратиться к анализу общей структуры археологического знания, в котором было

выделено две основные части: конкретно-историческое, содержащее результаты исследования древних обществ в различных социальных сферах и теоретико-методологическое, в котором сгруппированы познавательные установки, исходные теоретические положения и методологические установки, т.е. все то, что регулирует процесс познания, но, как правило, явно в конкретно-исторической части, которая составляет основную массу современных исследований.

В другом направлении археологическое знание и, следовательно, выделенные выше части подразделяются на уровни (эмпирический и теоретический), стадии и ступени (исходную - источниковую и ориентирующую: историческую - реконструктивную и системно-историческую; социологическую - формационную). Эти подразделения в уровнях отражают не только глубину социально-исторического познания объекта археологии - обществ прошлого, но и уровень общности действия, проявления законов социального развития общественных систем (149). Дальнейшее исследование системы археологического знания, не только в структурном плане, но и как функционирующей системы, связано с рассмотрением взаимодействия отдельных элементов, направленных на получение определенного знания. Наиболее актуальным в современной науке стало получение при исследовании археологических источников не только различных реконструкций, но и общих характеристик сфер, а также раскрытие закономерностей их развития, что составляет теоретический уровень археологических исследований. Эти вопросы рассматривались в статьях по теоретизации археологического знания. В настоящее время в печати находится монография по структуре археологического познания, в которой исследуются основные аспекты, связанные с раскрытием его специфики, в частности принципы социально-исторического познания археологии (вопросы фундаментальной археологической теории; онтология, гносеология, логика и методология археологического познания как взаимодействующие системы в процессе познания), характеристика археологического факта, специфики постановки гипотезы и проблемы в археологии, построение теоретического знания археологии и анализ главного его звена - научного объяснения, т.е. переход от артефактов к социально-исторической концепции.

5. Разработка эмпирических методов исследования.

Во многих конкретно-исторических работах при анализе археологических источников в той или иной мере разрабатывались и применялись отдельные методы их обработки. Эта проблема все острее вставала при обработке категорий массовых источников, таких как керамика, погребальные памятники, украшения и т.п. Но лишь к концу 60-х гг. мы начали понимать, что для обработки массовых источников необходимы единые методы. Особенно остро эта проблема неожиданно всплыла на совещании в Томске в 1970 г., вызвав довольно большую дискуссию в отношении керамики. Поскольку в наших докладах чаще всего фигурировали статистические таблицы по керамике, совещание предложило уральской группе заняться специально разработкой методики статистической обработки керамики. Это и подтолкнуло к обобщению тех многочисленных опытов, которые во второй половине 60-х гг. проводились в Уральском университете, как при подготовке отчетов по вновь раскопанным памятникам, так и при специальных исследованиях в курсовых, дипломных работах и научных статьях. Накопленный опыт позволил уже на Пленуме ИА АН СССР в 1971 г. в Москве выступить с докладом, а через два года опубликовать в «Советской археологии» нашу «Программу статистической обработки керамики», которая в дальнейшем стала широко применяться многими исследователями. В конце 70-х гг. эта программа была усовершенствована, в том числе ее перевод на ЭВМ, но она пока не опубликована.

Разработка специальных методов обработки статистической характеристики и сравнительного анализа погребальных памятников проводилась совместно со студентом В.Борзуновым, в результате также была создана рациональная программа, которая в дальнейшем применялась для решения конкретно-исторических и источниковедческих задач многими археологами. Совершенствование этой методики и применение ее на практике исследования накопило большой опыт, что позволило создать коллективную монографию (в печати) по применению формализованно-статистических методов при анализе погребальных памятников (соавторы Е.П.Бунятян, С.Ж.Пустовалов, Н.А.Рычков). В этой публикации подробно изложены как сугубо эмпирические процедуры, так и

теоретико-методологические основы социального анализа и программы анализа источников на предмет культурной принадлежности, половозрастной и этнической структуры и социальной стратификации общества. Этими же авторами была разработана ИПС - информационно-поисковая система для погребальных памятников с переводом на ЭВМ (в печати).

Еще одна методика - определение древних традиций в ориентировке погребенных - разработана совместно с В.В.Генингом. Эта методика построена на учете того, что ориентировка умерших производилась по солнечному восходу-заходу, которые в разное время года имеют различные соответствия в направлениях по сторонам света (магнитным ориентировкам)...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники

- АКА ПГУ. Необработанный архив О.Н.Бадера.
Архив ИА НАНУ. Особова Справа. Генинг В.Ф.
Архив кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ:
Ильина Е.В., 1997. Владимир Федорович Генинг: опыт научной биографии. Дипломная работа.
Архив кафедры истории России УрГУ им. А.М.Горького:
Дмитриевская Т.В., 1999. Кафедра истории России Уральского государственного университета (30-60-е гг.). Дипломная работа ОВ-33.
Щупак М.А., 2000. Владимир Федорович Генинг - ученый, педагог. Дипломная работа. ОВ-36.
Архив музея истории ПГУ. Д.140. Бадер Отто Николаевич.
Архив ПГУ им. А.М.Горького. Ф.р-180, оп.2. Личное дело В.Ф.Генинга.
Архив ПОКМ. Личный фонд В.А.Оборина. ВХ 40/1.
Архив ПНИАЛ УрГУ им.А.М.Горького:
Ф.III. Диссертации, дипломные и курсовые работы.
Пономарева Т.М., 1999. Уральское направление археологических исследований в УрГУ. Курсовая работа. Д.384.
Необработанный архив:
О созыве второго уральского археологического совещания.
Пригласительный билет участнику второго уральского археологического совещания.
Материалы III Уральского археологического совещания. Уфа, 1962 г. 11 с.
Архив УрГУ им. А.М.Горького:
оп.4, св.23. Личное дело. Бортвин Н.Н.
оп.4, св.23. Личное дело. Берс Е.М.
оп.4, св.23. Личное дело. Сальников К.В.
оп.4, св.23. Личное дело. Судаков С.А.

оп.4, д.55. Личное дело. В.Ф. Генинг.
 ГАПО. Ф.180. ПГУ им. А.М.Горького:
 оп.2, д.280. Научная часть. Материалы городских смотров научных работ студентов в г.Молотов.
 ГАСО. Ф.2110-р. УрГУ им. А.М.Горького:
 оп.2, д.822. Отчет о работе исторического факультета за 1959- 1960 гг.;
 оп.2, д.827. Протоколы и материалы кафедры истории СССР за 1941-1946 гг.;
 оп.2, д.828. Материалы кафедры истории СССР по научной и учебной работе. 1946-1947 уч. гг.;
 оп.2, д.843. Материалы кафедры истории СССР по научной и учебной работе. 1950-1955 уч. гг.;
 оп.2, д.861. Протоколы заседания кафедры истории СССР. 1960-1961 гг.;
 оп.2, д. 865. Отчет о научной работе кафедры истории СССР за 1963 г.;
 оп.2, д.866. Статья В.Я.Кривоногова об историческом факультете;
 оп.2, д.867. Протоколы заседания кафедры истории СССР. 1964-1965 гг.;
 оп.2, д.868. Годовые планы и отчеты кафедры истории СССР по научной работе. 1964 г.;
 ЦГА УР. Ф.р-551. Управление делами Совета Министров УАССР:
 оп.2, ед.хр.1979. Распоряжения Совета Министров УАССР;
 оп.2, ед.хр.1980. Характеристика научного персонала экспедиции;
 оп.11, ед.хр.56. План полевых работ Удмуртской археологической экспедиции.
 ЦГА УР. Ф.р-1107. Удмуртский республиканский краеведческий музей:
 оп.1, ед.хр.50. Книга учета исторических и археологических памятников по Удмуртской АССР за 1952-1954 гг.;
 оп.1, ед.хр.54. Годовой отчет Республиканского краеведческого музея за 1954 г.;
 оп.1, ед.хр.56. Годовой отчет Республиканского краеведческого музея за 1955г.;
 ЦГА УР. Ф.р-1282. УГПИ:
 оп.2, ед.хр.217. Учебные планы для педагогических институтов: 1954, 1957 гг.
 Личный архив семьи В.Ф.Генинга:
 Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности. 44 с.

Личный архив автора:

Старостин П.Н. Казанский период жизни и научной деятельности В.Ф.Генинга. Рукопись доклада, прочитанного на международной конференции «Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.» Ижевск, 2000.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // ПИДО. №4. 1934.

Литература

Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г., 1998. Психология науки. М. 200 с.

Арциховский А.В., 1954. Основы археологии. М. 220 с.

Ашихмина Л.И., 1994. Владимир Федорович Генинг и уральская археология // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С.7-9.

Ашихмина Л.И., 1995. Памяти учителя // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С.8-15.

Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья. Молотов. 115 с.

Бадер О.Н., 1953. Павел Алексеевич Дмитриев // УЗ МолотовГУ. Т.IX. Вып.3. Харьков. С.188-189.

Бадер О.Н., 1961. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // Второе уральское археологическое совещание. ВАУ. Вып.1. С.11-23.

Берс Е.М., 1953. Николай Николаевич Бортвин // УЗ МолотовГУ. Т.IX. Вып.3. Харьков. С.185-187.

Берс Е.М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Екатеринбург. 117 с.

Богданов А.В., 2000. Роль В.Ф.Генинга в изучении эпохи Великого переселения народов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.200-202.

Бунятян Е.П., 1994. Владимир Федорович Генинг и теоретическая археология // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С.9-11.

Ведущие научные школы России, 1998. М. 624 с.

Викторов В.П., 1999. К.В.Сальников в Уральском университете // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Свердловск. С.31-34.

Викторов В.П., 2002. К истории Сургутской экспедиции // Барсова гора. 110 лет археологических исследований. Сургут. С.18-22.

Викторова В.Д., 1989. Историография истории Урала периода первобытнообщинного строя // История Урала с древнейших времен до 1961 г. М. С.18-27.

Викторова В.Д., 1998. Сальников Константин Владимирович // УИЭ. Екатеринбург. С.460.

Викторова В.Д., 1999. Обращаясь к теоретическому наследию В.Ф.Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч.1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург. С.24-31.

Викторова В.Д., 2000. Угры в потоке Великого переселения народов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.196- 200.

Второе уральское археологическое совещание. ВАУ. Вып.1. 170 с.

Гасилов В.Б., 1977. Научная школа - феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке. М. С.119-153.

Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель. 1999. Екатеринбург. 30 с.

Генинг Владимир Федорович. Биография, 1995 // Ученые Уральского государственного университета. Екатеринбург. С.222-223.

Генинг В.Ф., 1951. К вопросу о северной границе ананьинской культуры // КСИИМК. Вып. XXXVI. М. С.196-199.

Генинг В.Ф., 1954. Археологическая экспедиция 1954 года в Удмуртии // Молот. №2. Ижевск. С.62-64.

Генинг В.Ф., 1956. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1955 году // Молот. №1. Ижевск. С.61-64.

Генинг В.Ф., 1956а. Что должен знать юный турист об археологических памятниках Удмуртии. Ижевск. 70 с.

Генинг В.Ф., 1957. Очерк работы Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. // Зап. УдНИИ. Вып.18. Ижевск. С.160-178.

Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск. 190 с.

Генинг В.Ф., 1958а. Новые материалы по истории

древнеудмуртских племен // Удмуртская правда, №240. С.2.

Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып.2. Казань. С.157-218.

Генинг В.Ф., 1959а. Удмуртская археологическая экспедиция в 1954 г. // КСИИМК. Вып.74. М. С.92-100.

Генинг В.Ф., 1961. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Вып.1. Свердловск. С.23-48.

Генинг В.Ф., 1964. Программа по истории первобытного общества и основам археологии. Свердловск. 16 с.

Генинг В.Ф., 1967. Уральская комплексная археологическая экспедиция // АО 1967 года. М. С.102-106.

Генинг В.Ф., 1970. Этнический процесс в первобытности. Свердловск. 128 с.

Генинг В.Ф., 1970а. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. - II в. до н.э.) // ВАУ. Вып.10. Ижевск, Свердловск. 224 с.

Генинг В.Ф., 1971а. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. - II в. н.э.) // ВАУ. Вып.11. Ижевск, Свердловск. 160 с.

Генинг В.Ф., 1971. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. Тез. докл. на секции Пленума по итогам полевых работ.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. №1. С.114-136.

Генинг В.Ф., 1974. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. М. 32 с.

Генинг В.Ф., 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев. 295 с.

Генинг В.Ф., 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев. 185 с.

Генинг В.Ф., Оборин В.А., 1960. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. Т.12. Вып.1. С.160-174.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып.1. Свердловск. С.23-47.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып.13. Свердловск. С.42-72.

Голдина Р.Д., 1969. Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г. // ВАУ. Вып.8. Свердловск. С.7-10.

Голдина Р.Д., 2002. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск. С.16-55.

Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999. Концепция бронзового века Южного Урала в трудах К.В.Сальникова и ее влияние на развитие археологической мысли (60 - начало 70-х годов XX в.). Уфа. 40 с.

Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Г., 1975. Социальные группировки в развитии науки // Коммуникации в современной науке. М. С.113-155.

Денисов В.П., 2000. В.Ф.Генинг и пермская археология // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга Ижевск. С.189-192.

Дмитриевская Т.В., 1999а. Посвящается 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета // Орел шестого легиона. Тез. докл. студенческой науч.-практич. конф., посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ. 6-7 мая 1999 г. С.4-14.

Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье, 1994. Сыктывкар. Тез. докл. междунар. конф. 115 с.

Журавлева Г.Н., 2000. Вопросы социальных реконструкций в работах В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.24-30.

Зорина Л.И., 1996. УОЛЕ. Екатеринбург. 180 с.

Зорина Л.И., 1998. Клер Онисим Егорович // УИЭ. Екатеринбург. С.261.

Казанцева О.А., 2000. Формирование программы исследования древней керамики Прикамья в трудах В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.205-208.

Карцев В.А., 1982. Руководитель в ролевой структуре первичного коллектива // Проблемы руководства научным коллективом (опыт социально-психологического исследования). М. С.157- 218.

Ковалева В.Т., 1990. В.Ф.Генинг и археологическая наука в

Уральском университете // Летописцы родного края (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск. С.59-65.

Ковалева В.Т., 1999. Свердловская школа В.Ф.Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Свердловск. С.24-31.

Ковалева В.Т., 2000. В.Ф.Генинг и проблема генезиса керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом в Нижнем Притоболье // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.208-210.

Крайнов Д.А., 1975. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М. С.5-13.

Крейн Д., 1975. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» // Коммуникации в современной науке. М. С.183-219.

Кулагина Г.А., 1967. Исторический факультет // Очерки по истории Уральского университета. Свердловск. С.110-122.

Ляхович Е.С., Ревушкин А.С., 1998. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск. 580 с.

Лещинская Н.А., 2000. Некоторые итоги археологического изучения Вятского бассейна в I - начале II тыс. в связи с исследованиями В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.24-30.

Макаров Л.Д., 2000. Вклад В.Ф.Генинга в исследование славяно-русских памятников Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.217-220.

Матющенко В.И., 2001. 300 лет истории сибирской археологии. Омск. В 2-х тт.

Мельникова О.М., 1983. Новые подходы в изучении современных археологических коллективов //Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск. С.155-163.

Мельникова О.М., 1994. Феномен лидера научной школы в современной археологии // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С.11-13.

Мельникова О.М., 1995. Научные школы в археологии Урала // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола. С.51- 54.

Мельникова О.М., 1996. Университетская система образования как фактор развития научных школ в археологии

- // XIII Уральское археологическое совещание. Уфа. С.27-28.
- Мельникова О.М., 1996а. Формирование научной школы археологов в Удмуртии // *Historia Fenno- Ugrica. Congressus Historiae Fenno- Ugricae. Ouly.* P.101-107.
- Мельникова О.М., 1998. История археологии Урала как объект междисциплинарного анализа // *Урал в прошлом и настоящем.* Екатеринбург. С.94-96.
- Мельникова О.М. 2000. Роль социальных факторов в формировании научных школ в археологии // *Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI века. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга.* Ижевск. С.24-30.
- Мельникова О.М., 2000а. Теоретическое наследие В.Ф.Генинга: историографический взгляд // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга.* Ижевск. С.24-30.
- Мельникова О.М., 2002. Научная школа археологов в Удмуртского государственном университете // *Исследовательские традиции в археологии Прикамья.* Ижевск. С.65-85.
- Мельникова О.М., 2003. Пермская научная археологическая школа О.Н.Бадера (1946-1955 гг.). Ижевск. 184 с.
- Мельничук А.Ф., Лепихин А.Н., 2000. Труды В.Ф.Генинга, посвященные изучению гляденовской культуры и современные проблемы исследования // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга.* Ижевск. С.24-30.
- Мерперт Н.Я., 1995. Введение // *Антология советской археологии. Т.1. (1917-1933 гг.).* М. С.3-14.
- Мирский Э.М., 1978. Структура и динамика исследовательских объединений // *Методологические проблемы науковедческих исследований.* М. С.53-89.
- Мягков Г.П., 2000. Научное сообщество в исторической науке. Казань 296 с.
- Никишенков А.А., 1982. Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20-40-гг. XX в.) // *СЭ. №4.* С.55-67.
- Овчинникова Б.Б., 1998. У истоков уральской археологии / *Известия УрГУ. №8.* С.20-26.
- Овчинникова Б.Б., 1999. Владимир Федорович Генинг - ученый и педагог // *Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель.* Екатеринбург. С.5-12.
- Останина Т.И., 2000. Археологические исследования

В.Ф.Генинга на территории Удмуртии // Музей: история и современность. Ижевск. С.30-52.

Останина Т.И., 2000а. Археологические исследования В.Ф.Генинга на территории Удмуртии // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.192-194.

От Уральского университета // Второе уральское археологическое совещание. ВАУ. Вып.1. С.5.

Панина С.Н., 1999. Археология Восточного склона Урала (от В.И. де Геннина до В.Ф.Генинга) // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Свердловск. С.6-18.

Пименов В.В., 1970. От редактора // Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск. С.3-8.

Постановление второго уральского археологического совещания, 1961. // Второе уральское археологическое совещание. ВАУ. Вып.1. С.159-162.

Пустовалов С.Ж., 1994. В.Ф.Генинг - этноисторик // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар. С.13-14.

Родный Н.И., 1975. Очерки по истории и методологии естествознания. М. 423 с.

Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв., 2000. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. 440 с.

Сводный план археологических исследований на Урале на 1961-1965 гг., 1961 // Второе уральское археологическое совещание. ВАУ. Вып.1. С.162-168.

Список участников второго уральского археологического совещания, 1961 // Второе уральское археологическое совещание. ВАУ. Вып.1. С.168-170.

Старостин П.Н., 2000. Казанский период жизни и научной деятельности В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.194-196.

120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Екатеринбург. 125 с.

Томилов Н.А., 2000. Этничность, этнические общности и процессы (в связи с работами Владимира Федоровича Генинга) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. Ижевск. С.15-18.

- Уральская историческая энциклопедия, 1998. Екатеринбург.
- Формозов А.А., 1995. Введение // Антология советской археологии. Т. II. (1930-е годы). М. С.3-9.
- Шорикова Л.Г., 2002. Приветствие // Барсова гора. 110 лет археологических исследований. Сургут. С.9.
- Штейнер Г., 1977. Связь социального и познавательного факторов в творческой деятельности научных школ // Школы в науке. М. С.97-119.
- Ярошевский М.Г., 1977. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М. С.7-97.
- Бунятян К.П., 1989. До ювілею В.Ф.Генінга // Археологія. 1989. №4. С.154-156.
- Бунятян К.П., 1994. Памяти Володимира Федоровича Генінга // Археологія. 1994. №1. С.3-4.
- Бунятян К.П., 1997. В.Ф.Генінг: сторінки життя та творчості // Археологія. 1997. №3. С.4-6.
- Павленко Ю.В., Руда С.П., Хорошева С.А., Храмов Ю.О., 2001. Природознатьство в Україні до початку XX ст. Киев. 415 с.
- Сучасні проблеми археології, 2002. Киев. 260 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА ПГУ - архив кабинета археологии Пермского государственного университета им.А.М.Горького

АО – Археологические открытия

ГАИМК – Государственная Академия Истории Материальной Культуры

ГАПО - Государственный архив Пермской области

ГАСО - Государственный архив Свердловской области

ГИМ – Государственный исторический музей

ВАСК – Всесоюзная археологическая студенческая конференция

ВАУ - Вопросы археологии Урала

Зап. УдНИИ - Записки Удмуртского научно-исследовательского института

ИА НАНУ - Институт Археологии Национальной Академии Наук Украины

ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР

КАЭ – Камская археологическая экспедиция ПГУ

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАО – Московское археологическое общество

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МолотовГУ - Молотовский государственный университет им.А.М.Горького

ПНИАЛ УрГУ - Проблемная научно-исследовательская лаборатория Уральского государственного университета им.А.М.Горького

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПГУ - Пермский государственный университет
 им.А.М.Горького
РАНИОН - Российская ассоциация научно-
 исследовательских институтов общественных наук
СА - Советская археология
СОКМ - Свердловский областной краеведческий музей
СНО - студенческое научное общество
СЭ - Советская этнография
Тр. КФАН СССР - Труды Казанского филиала Академии
 Наук СССР
УГПИ - Удмуртский государственный педагогический
 институт
УАЭ - Удмуртская археологическая экспедиция
УдГУ - Удмуртский государственный университет
УдНИИ - Удмуртский научно-исследовательский институт
УЗ МолотовГУ - Ученый записки Молотовского
 государственного университета им.А.М.Горького
УИЭ - Уральская историческая энциклопедия
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УрГУ - Уральский государственный университет
 им.А.М.Горького
ЦГА УР - Центральный государственный архив
 Удмуртской Республики

Мельникова Ольга Михайловна

**СВЕРДЛОВСКАЯ НАУЧНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
В.Ф.ГЕНИНГА (1960-1974 гг.)**

Научное издание

Редактор И.Г.Шапран. Художественное оформление
И.Г.Соловьева, В.Г.Базанова, Т.Р.Сабилов.
Компьютерная подготовка О.М.Мельникова, В.Г.Базанова

Подписано в печать 18.09.2003 г.
Печать офсетная. Формат 60х84/16
Усл.печ.л. 11,05. Уч.-изд.л. 11,43.
Заказ №1801.Тираж 300 экз.

Типография Удмуртского государственного университета.
426034, г.Ижевск, ул.Университетская, корп.4.